

М. ЙОГАНСЕН

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАК-ЛЕЙСТОНА, ГАРРИ РУПЕРТА И ДРУГИХ

Советская авантюрно-фантастическая проза 1920-х гг.

Том XXXVI

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CDXIII

Salamandra P.V.V.

Майк
ЙОГАНСЕН

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАК-ЛЕЙСТОНА, ГАРРИ РУПЕРТА И ДРУГИХ

Советская авантюрно-фантастическая проза 1920-х гг.

Том XXXVI

Salamandra P.V.V.

Йогансен Майк (Йоганссен М. Г.)

Приключения Мак-Лейстона, Гарри Руперта и других: Роман. Пер. с укр. М. Фоменко (Советская авантюрно-фантастическая проза 1920-х гг. Т. XXXVI). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2023. — 180 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CDXIII).

Одновременно с «Месс-Менд» М. Шагинян в Киеве десятью выпусками вышел роман никому не ведомого Вилли Вецелиуса «Приключения Мак-Лейстона, Гарри Руперта и других». Под псевдонимом «Вилли Вецелиус» скрывался немецкий колонист Антон Райнке, а придумал Райнке писатель, поэт, литературовед, переводчик и мистификатор Майк Йогансен (1895-1937), один из виднейших деятелей украинского «расстрелянного Возрождения». Роман Йогансена стал одним из самых любопытных и увлекательных произведений эпохи «красного Пинкертона» — возможно, потому, что в нем особенно остро чувствовалась ориентация автора на европейские образцы авантюрного романа и гран-гиньоля и его постоянная готовность к литературному эксперименту. Книга впервые переведена на русский язык.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАК-ЛЕЙСТОНА, ГАРРИ РУПЕРТА И ДРУГИХ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вилли Вецелиус (Willy Wetzelius) — псевдоним Антона Райнке, родившегося в 1893 году в семье немецких колонистов в Запорожье (на Хортице). Вещи свои, написанные в легком жанре авантюрных романов, он зачитывал на вечеринках в колонии. Этот его роман переведен нами по рукописи, которая попала в издательство после смерти самого Антона Райнке.

Для того, чтобы можно было его напечатать, потребовалось изменить и смягчить некоторые места книги, написанной несколько вольно, так как она не предназначалась для публикации. Кроме того, были сокращены некоторые вставные эпизоды (например, история Камиллы), потому что роман производил впечатление не совсем законченного и эти эпизоды имели слишком отдаленную связь с ходом действия.

Антон Райнке не вернулся из Германии, куда он уехал с представительством. Его застрелил немецкий офицер во время случайной схватки Райнке с двумя фашистами. Автору этих строк пришлось при переводе дописывать последнюю главу; начало ее (историю Лейнов) написал сам Вецелиус. Без всяких изменений в стиле Вецелиуса оставлена III глава.

В лице Дюваля Вецелиус дал определенные черты собственного характера. «Der Mensch ist der mächtige!»[1] было любимым выражением Вецелиуса.

М. К.

[1] «Человек сильнее всех» (*нем.*). (*Здесь и далее прим. перев.*).

Глава 1

ДАМА В ЧЕРНОМ

Африканская пантера. Полет на аэроплане. Мисс Древинс — экономка. Упоминание о балладе Э. По «Аннабель Ли»[1]*. Голод в России и Украине. Палец бухгалтера. Бетси, Мод и Дженни. Дама в черном. Доктор Рипс. Транспорт «Виктория». Человек с птицей. Гарри Руперт. Снова мисс Древинс — экономка. Взрыв в море. Сигарета в водорослях. Что подумал бы альбатрос, умей он курить.*

Спустя ровно минуту после того, как пальчики с ухоженными ногтями, не только никогда не касавшиеся станка, но и не пришившие своей обладательнице ни одной пуговички <...>[2], дверь спальни беззвучно распахнулась и в комнату легким прыжком впорхнула пантера.

Зеленые глаза молодого, еще не совсем сформировавшегося зверя встретились с сонными глазами девушки.

Она выпрыгнула из постели и, разгоряченная сном, принялась возиться и играть со своей любимицей, которой больше подошли бы дикие леса центральной Африки, чем комфортабельная спальня дочери м-ра Мак-Лейстона.

В Южной Америке водятся ягуары, однако пришлось отдать несколько сот тысяч пудов хлеба, чтобы раздобыть настоящую африканскую пантеру.

Но что такое прозаический хлеб — ведь голод не в Америке, а в Советской России. В Америке доллары, доллары у мистера Мак-Лейстона — у Мак-Лейстона имеется единственная дочь, следовательно, у дочери м-ра Мак-Лейстона есть доллары.

Между тем, дочери м-ра Мак-Лейстона надоело играть с Аннабель, как она назвала свою игрушку в честь баллады

---

[1] «Аннабель Ли» (1849) — предсмертная баллада и последнее завершенное поэтическое произведение великого американского романтика Э. По (1809-1849).

[2] Пропуск в оригинальном тексте .

Э. По, и, быстренько подбежав к письменному столу, она написала быстрой небрежной рукой: «Доброе утро, папа! Пришли мне сегодняшний Herald».

Потом она пришпилила свою телеграмму к ошейнику Аннабель и, поручив пантеру горничной, стала ждать ответа, разглядывая в зеркале во всю стену свое личико, обрамленное золотистыми кудрями... Дальше сперва было написано: наивная прелесть 18-летнего расцветающего существа светилась в каждой жилке этой молодой... и т. д.

Но, поразмыслив хорошенько, автор решил этого не писать, а предложить читателю самому представить себе хорошенькую 18-летнюю девушку, взращенную по всем правилам искусства, образцового зверька без единого изъяна, чье воспитание обошлось в тысячи туберкулезников, тысячи рахитичных детей... словом, очень много долларов. Спору нет, зверек действительно был без единого изъяна.

Но это не совсем так.

У воспитанной дочери миллиардера все же был один недостаток — она привыкла читать газеты.

Бывают такие случаи в истории, когда даже сквозь толстую шкуру буржуазного лоска в газете прорывается кое-что абсолютно непредусмотренное и очень неудобное.

Это и случилось накануне. Мисс Древинс, главная управительница дворца м-ра Лейстона на Avenue, была в тот день кислой и скучной, как старая сельдь, по выражению Эдит. Чтобы немного ее позлить, Эдит взяла вечерний выпуск газеты «Herald» и принялась читать вслух, нарочно делая неправильные ударения и выговаривая слова, как произносят их нью-йоркские мальчишки: «New York, число, месяц. Слухи об ужасном голоде в России подтверждаются. Неслыханный голод опустошает целые местности. Голодные женщины поедают своих детей. Случаи людоедства зарегистрированы...»

Вдруг она прочла что-то, что заставило ее моментально бросить газету и покраснеть от старания не проявить чувство охватившего ее ужаса.

Сегодня, сидя на ковре перед зеркалом, Эдит так глубоко задумалась, что даже вскрикнула от неожиданности, ког-

да Аннабель, низко нагнув тяжелую голову, толкнула ее своим большим кошачьим носом.

Лицо Эдит мигом побледнело от гнева: вместо ожидаемой газеты к ошейнику пантеры была прицеплена записка, где говорилось: «Моя маленькая фея не должна занимать свою головку ненужными мыслями. Мак».

В это утро Эдит сердилась на своих горничных и, принимая ванну, даже швырнула в одну из них губкой. Губка, к счастью, попала той прямо в лицо, и брызги ароматной воды помогли горничной скрыть слезы, выступившие на покрасневших глазах.

Эдит не пошла завтракать с отцом, а во время прогулки в авто резко остановила машину перед газетным киоском. Обменяв несколько монеток на стопку газет, Эдит как будто успокоилась, чувствуя, что удовлетворила свою прихоть. Она считала это прихотью, так как м-р Лейстон называл капризами все ее желания.

Пожалуй, на сей счет я бы согласился с м-ром Лейстоном. Сочувствие к голодающим для дочери миллиардера — в самом деле каприз, садистическое развлечение. В течение целой недели Эдит впитывала газетные новости, то покупая газеты во время поездок на авто, то подкупая прислугу. Жуткий голод, который, не щадя красок, описывала американская пресса, притягивал молодую девушку, как бабочку огонь.

Она не могла оторваться от этого нового непередаваемого ощущения, похожего на гипноз, что вызывали у нее рассказы о царе-голоде.

За три дня до рокового события, как хорошо помнил м-р Лейстон, они, сидя рядом в кабинке аэроплана, глядели на расстеленные далеко внизу разноцветные шахматные квадраты. Потом Нью-Йорк скрылся в фиолетово-желтом тумане, и синяя полоса океана ласково поманила к себе выросшую на сентиментальных стихах девушку. Вдруг Эдит (это м-р Лейстон тоже хорошо запомнил) повернулась к нему и спросила: «Папа, а почему в России голод?» М-р Лейстон

немного удивился. — «Голод… Голод в России создали большевики, они отобрали у крестьян хлеб».

«А почему в одной газете я читала, что если бы европейские государства не поддерживали войну в России, такого голода не было бы?»

«Я вижу, ты слишком много читаешь», — сердито сказал Мак-Лейстон и замолчал.

Как он после жалел об этом!

«Значит, нечего им помогать?» — спросила Эдит.

«Я поставляю АРА[1] тысячи банок с жиром, — сказал Лейстон. — Мы должны помогать даже язычнику и мытарю, как говорил Господь наш Иисус Христос».

Лейстон умолк и поудобнее уселся в кресле, так что его тело расплылось над ручками, над спинкой, над всем креслом.

Оказалось, поставлять продукты для АРА было очень выгодно. Они давали не менее 35 процентов чистой прибыли. Весь испорченный товар шел туда. Голодный не свинья — все съест.

Кроме того, все правление АРА было в руках у благотворителя человечества, короля химической промышленности м-ра Мак-Лейстона. И наконец, все это очень неплохо выглядело — помощь голодным жертвам большевизма…

«Вот и “Виктория”», — прервал его размышления механик, указывая на северо-восток.

«Где?» — привстала Эдит.

«Вон там, белое пятнышко справа от статуи Свободы. На рейде».

Эдит впилась глазами в пятнышко… «Виктория» была транспортом АРА, шедшим в Россию. На нем, кроме штата шпионов из министерства иностранных дел, должен был

---

[1] АРА — Американская администрация помощи (American Relief Administration), организация, сформированная Конгрессом в 1919 г. для помощи голодающим в Европе. В 1921-23 гг. действовала в Советской России, где помогла спасти от голода миллионы людей. Все высказывания о деятельности АРА в романе (как и о гуманистических усилиях знаменитого полярного исследователя Ф. Нансена) крайне идеологизированы и имеют мало отношения к действительности.

плыть секретарь химического треста, д-р химии Джим Рипс, ближайший помощник Лейстона.

В воображении Лейстона возник баланс главного гроссбуха химического треста. У главного бухгалтера был гладкий изогнутый палец. Когда он закончил свои объяснения и указал им на графу «чистая прибыль», под цифрой остался темный след пота. «Есть ли у него жена?» — подумал Лейстон и вышел вместе с Эдит из кабинки.

Бетси, Дженни и Мод служили на органохимической фабрике химического треста.

Сегодня, уходя с работы, три девушки застыли перед плакатом:

American Relief Administration (ARA)

Покупайте билеты
в кинотеатр «HYPPODROME»

1. *Идут голодающие.*
2. *Вымершая деревня и трупы голодных.*
3. *Мать ест своего ребенка.*
4. *Обезумевший от голода.*

— Надо будет пойти вечером, — сказала Дженни.

Они стали подсчитывать деньги. Оставалось еще и пять лишних центов.

Все трое пошли к Мод: той нужно было кое-что поправить в одежде.

А именно, заштопать дырочки на чулках. Прорех оказалось много — пришлось замазать некоторые чернилами. Не было смысла все зашивать, все равно разлезется, когда начнешь стирать.

В кино их немного разочаровали. Потребовали оставить пальто в раздевалке.

А давать еще пенсы бородатому гардеробщику — это было уже слишком.

Бетси и Дженни уговаривали Мод все-таки посмотреть

хронику. Но она прекрасно знала, что делать. Равнодушным голосом она предложила свой билет какому-то стоящему в очереди клерку.

Тот захлопал белесыми ресницами и был, мне кажется, очень доволен тем, что сможет увидеть ужасы XX века без очереди. Бетси и Дженни разделись, как леди, в вестибюле, а Мод отправилась домой.

У плаката стоял какой-то мужчина и рассматривал картинки.

Поравнявшись с ним, Мод его узнала. Это был пожилой рабочий, недавно поступивший на фабрику.

— Знаете, я сегодня не пошла, — сказала Мод.

— И правильно сделали, — сказал старик. — Они хотят накормить голодных за счет наших копеек. На этих копейках Лейстон заработает миллионы. Найдется довольно дураков и без вас.

«Уже нашлись», — подумала Мод и направилась к дому.

Через полчаса она уже сидела на кровати и разглядывала свои запачканные чернилами ноги. Болело в груди и хотелось спать.

«Хорошо, что так вышло», — подумала Мод, и, накрывшись пальто, пыталась заснуть. Боль в груди гнала сон...

Молодая женщина в черном платье, так глухо закутанная в черный креп, что невозможно было распознать ее лицо, разыскивала дом № 34 на одной из фешенебельных улиц Нью-Йорка. В ее элегантных движениях сквозила избалованная жизнью натура. Наконец она остановилась на мгновение перед табличкой, на которой была написана цифра «34».

На калитке висела вторая табличка:

Д-р Дж. Рипс.
Секретарь правления химического треста.
Дома от... до...

Она решительно надавила кнопку.

В ответ на это действие из-за угла коттеджа выкатилась

фиолетовая клякса, которая, очевидно, была когда-то белым шпицем, и принялась лаять, как бешеная.

Дама в черном продолжала терпеливо ждать.

Казалось, в коттедже жили глухие или мертвые.

Что-то щелкнуло, словно стукнули чьи-то железные зубы, и садовая калитка медленно отошла, а вслед за ней перед удивленными глазами черной дамы тихонько отворилась тяжелая дверь коттеджа.

Собака исчезла в двери, а незнакомка пошла по длинному коридору без окон, освещенному сильной электрической лампой.

Дальше холодная прихожая, пропитанная благоуханием химической лаборатории, и наконец таинственная посетительница оказалась в просторной комнате, поражавшей своей обстановкой. Комната казалась складом самых разнообразных вещей и напоминала аукционный зал, куда сбрасывали остатки роскоши обедневшие аристократы и прогоревшие буржуа.

Не чувствовалось хозяйской руки, как бы придающей обстановке жизнь.

Все было покрыто толстым слоем пыли.

Не успела незнакомка отнять свой палец от какой-то вазы, на которой от этого прикосновения осталось эллиптическое углубление, как в комнату вошел хозяин коттеджа, д-р химии Джим Рипс.

— М-р Джим Рипс?

— Совершенно верно, миледи. Чем я могу быть вам полезен?

— Поклянитесь мне, Джим Рипс, что никогда и никому не выдадите моей тайны.

Рипс пытался разглядеть черты лица незнакомки, тщательно спрятанные под вуалью, и скорее почувствовал, чем увидел, что лицо ее приняло строгое и решительное выражение.

Взгляд его перешел на прекрасно ухоженную молодую фигуру.

Мысли калейдоскопом закружились в его голове. Он молча поклонился.

— Вы знаете, что через два дня в Россию отплывает транспорт АРА?

— О, иначе я не плыл бы на нем сам по поручению треста.

— У меня нет денег. Вот единственное, что у меня осталось, — сказала незнакомка, грациозно протягивая ему краешек дымчатого шарфа.

— Но как я могу вам пригодиться?

— У меня есть мужчина. Впрочем, может, уместнее было бы сказать: у меня был мужчина. Он уехал в Европу, и вот уже одиннадцать месяцев, как я не имею от него известий и не получаю о нем никаких сведений... М-р Рипс, неужели вы не поймете, что этого достаточно, чтобы заставить несчастную женщину просить, умолять вас... — и она простерла к нему руки.

Д-р химии Джим Рипс очень хотел сказать, что незачем ехать так далеко на поиски мужчины — что, к примеру, он сам...

Но в тоне и всей фигуре незнакомки было нечто, не позволявшее надеяться на успех такого предложения. У Рипса промелькнул в голове зародыш плана...

Голосом, в котором слышался скорее приказ, чем просьба, суровая и красивая, как древнегреческая римлянка, незнакомка сказала чуть ли не шепотом:

— Вы должны взять меня с собой, Джим Рипс.

Слышно было, как тикали часы в жилетном кармане д-ра химии.

Наконец д-р сказал:

— Но куда он уехал?

— В Россию.

— Как он мог оставить вас одну?

— Его призвал долг.

— Простите — я вас не понимаю.

— Он покинул меня, чтобы стать в ряды армии, которая должна была восстановить законный порядок в его родной стране. Он вступил в Белую армию.

Рипс поспешил пожать незнакомке руку. Вдруг он засуетился.

— Ах я, старый осел! Что же вы стоите? Садитесь, ради Бога.

И он пододвинул к ней кресло.

— Я должна попасть в Россию, — сказала она, усевшись. — Это смысл моего существования.

Рипс счел, что с его точки зрения поездка в Россию совсем не была смыслом ее существования. В указанном отношении автору придется, видимо, с ним согласиться. Но Рипс не посмел высказать вслух свои взгляды на смысл существования незнакомки.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Марта Лорен, — ответила незнакомка.

Было решено, что m-me Марта Лорен поедет с транспортом как сестра милосердия.

Кроме того, она предупредила м-ра Рипса, что до самого их прибытия в Англию будет оставаться в каюте.

Ей нужно было скрыть отъезд от некоторых близких людей — по мотивам, которые Рипс наверняка одобрил бы, если бы их знал.

М-р Рипс молча одобрил эти мотивы, хотя и не знал их.

— Всего хорошего, — сказала незнакомка. Рипс проводил ее до двери, пнул ногой фиолетового шпица, попытавшегося залаять, так что тот отлетел и ударился о стенку, и закрыл за незнакомкой дверь.

Потом он вернулся, но не стал садиться.

Расставив ноги, он стоял посреди комнаты и улыбался какой-то мысли, тешившей его воображение. На лице его, с ярко выраженными следами венерической болезни, появилось вдруг какое-то сладкое выражение.

За сутки до рокового дня — мистер Лейстон это хорошо помнил — пантера Аннабель принесла ему записку: «Я люблю тебя за то, что ты помогаешь голодным. Эдит».

М-р Лейстон улыбнулся, разорвал записку и принялся думать. Тело его растеклось по кровати, но кровать мягко уступила его весу и приняла жирные волны тела Лейстона в свои берега.

Лейстон подсчитывал нежданные выгоды от операций с АРА. Голод стал для него совершенно неожиданным подарком. АРА очень бойко собирала деньги и не осмелилась бы покупать товары у кого-либо другого.

Если так пойдет и дальше, рассуждал благотворитель голодающих, можно будет осуществить некоторые небольшие проекты.

«Благотворитель голодающих» — да, именно так.

Сама Эдит благодарила его за помощь голодающим. Перед лицом м-ра Лейстона возникла огромная графа Главного Гроссбуха, и он заснул на восьмой цифре сверху.

Громадный грузовой транспорт «Виктория» уже три дня находился в рейсе Америка – Европа.

На борту было безлюдно и спокойно. Тяжелый нос без устали раскалывал зеленую трясину волн, которые упругой массой расходились по обе стороны корпуса корабля, уходили дальше и растворялись на горизонте.

Уже два дня сплошной круг неба без перерыва сжимал корабль в синих клещах. Каждый вечер Марта Лорен выходила на палубу подышать воздухом.

После дня в душной каюте, как ни комфортабельно ее обставил Рипс, хотелось набрать полную грудь свежего ветра.

До сих пор д-р Рипс не беспокоил Марту Лорен своими визитами. Той это казалось вполне естественным, но читателю, случайно ознакомившемуся с некоторыми мыслями уважаемого доктора, это едва ли покажется таковым. Причина этого явления, как выяснилось из рецепта, представленного в корабельную аптечку, состояла в том, что доктор химии захворал желудком, да так основательно, что чувствовал себя совершенно неспособным на протяжении часа вести разговор с дамой. Нынче ему немного полегчало, но он еще не являлся к Марте Лорен.

В описываемый вечер погода резко изменилась, ясный поначалу закат скрылся за седыми облаками, море вздулось, потемнело и глухо рычало.

Марта долго гуляла по палубе, погруженная в свои мысли...

Была уже темная ночь, когда она очнулась от задумчивости.

Она подошла к двери, ведущей вниз, к каюте. Дверь не поддавалась; она толкнула сильнее — дверь была заперта.

Она постояла с минуту и подошла к двери, ведущей в машинное отделение парохода.

Эта дверь также была заперта — это было еще понятно — но почему же та?

Она не знала, что и думать. Тяжелое предчувствие охватило все ее тело.

Она сделала несколько шагов к борту. Ее шаги звонко отдавались на палубе сквозь равномерный гул машины.

Она обернулась. На палубе никого не было.

Наконец она села на груду канатов, лежавших у борта, и склонила голову на перила. Вдруг она вскочила как ужаленная: под щекой она почувствовала чьи-то пальцы, вцепившиеся в перила. Она начала инстинктивно отступать на середину палубы. Из сумрака выступила какая-то фигура. Марта вскрикнула, и в тот же миг чья-то рука схватила ее за локоть.

Мартину было 45 лет. Никто не знал, откуда он взялся. Некоторые считали, что он ирландец, судя по его акценту, но иногда люди, чаще других видевшие его в таверне, наблюдали, как он, склонив голову на руки, произносил непонятные слова — с горловыми звуками и каким-то присвистом.

«Старик снова заговорил по-обезьяньи», — замечал кто-нибудь шепотом, потому что никто не решался открыто насмехаться над ним. Все знали, что он был моряком, но месяца за два до отплытия «Виктории» он пропал с глаз и никто его больше не видел. Ходили слухи, что он работал где-то на фабрике; некоторые говорили, что его посадили в тюрьму. На руках Мартина виднелись полосы; когда его охватывал гнев, полосы эти и широкий шрам через все лицо наливались кровью.

За день до отплытия «Виктории» он вновь появился. Его видели в конторе, где нанимали моряков.

Мартина охотно приняли на транспорт старшим матро-

сом. Согласно бумагам, он служил боцманом на тихоокеанских шхунах; опять-таки, некоторые говорили, что он был капитаном корсарского судна, свидетельством чего была дикая птица, вытатуированная между двух округлых мышц на его груди.

На корабле товарищи заметили, что он, по-видимому, отчего-то заинтересовался доктором химии м-ром Джимом Рипсом.

Дж. Рипс приблизил лицо к испуганной девушке и прошептал: «Не бойтесь — вы со мной — я вас люблю».

Рука его не выпускала ее локтя.

«Ступайте прочь!» — сказала она, задыхаясь и пытаясь высвободить руку.

Но доктор схватил ее и за другую руку и сказал:

«Не сопротивляйтесь, это вещь совершенно безнадежная. Здесь никого нет. Выслушайте меня спокойно. Вам все равно придется меня выслушать. Ну, не будьте же глупенькой, успокойтесь».

«Говорите, ради Бога, и отпустите меня», — прошептала она.

«Я не Дж. Рипс, — сказал тот. — Но, кто бы я ни был, я вас люблю. Вам незачем ехать на поиски мужчины, у меня есть доллары, очень много долларов, столько вам и не снилось».

«Что вам нужно от меня?» — простонала она.

«Вы знаете, что мне от вас нужно. Решайте скорее, потому что я не люблю, когда меня дразнят. Вы начали дразнить меня с той секунды, как пришли ко мне. Так или иначе, но вы согласитесь на то, чего я хочу от вас».

«Кто вы такой? — сказала она, пытаясь выиграть время. — У меня нет желания связываться с каторжником».

Рипс настаивал, его слова становились все более угрожающими. Он опьянел и стал гладить ее рукой по груди, по животу. Марта чувствовала, что ей становится дурно. Еще минута, и он сделает с ней все, что захочет.

Она бросила ему в лицо несколько грубых ругательств, но он, словно не слыша, продолжал говорить свое, и его ру-

ки становились все смелее.

Внезапно она откинула с лица вуаль и крикнула:

«Посмотрите на меня!»

Перед Рипсом стояла Эдит Лейстон.

На секунду привычное чувство рабской подлости овладело Рипсом. Он выпустил ее руки. Она бросилась бежать, но в то же мгновение он снова поймал ее за руку.

«Это не меняет дела, — хрипло сказал он. — Лейстон поручил мне командование транспортом. Вам никто не поверит».

«Пустите! — вскрикнула Эдит. — Вы поплатитесь за это».

Рипс извлек из кармана какой-то черный предмет.

«Молчите, если не хотите оказаться за бортом. Я застрелю Марту Лорен, как кошку, и меня оправдает любой суд, у меня есть доллары. Вы сами это понимаете. Я плевал на все суды».

И он снял браунинг с предохранителя.

«В последний раз вас спрашиваю — вы согласитесь на то, что я от вас требую?»

«Нет!» — истерически закричала Эдит. Рипс поднял дуло пистолета[1].

И вдруг пистолет вылетел из его руки и звонко лязгнул о дверь. Над Рипсом, как туча, нависла какая-то фигура. Прошла сотая доля секунды, и д-р химии лежал на палубе. Хрустнули кости.

«Не убивайте!» — инстинктивно воскликнула девушка и бросилась к двум мужчинам.

Полумертвая от страха и изумления, она услышала какое-то зверское бормотание, какой-то горловой свист, словно на Рипса напала гигантская обезьяна.

Она отшатнулась, но тем временем два тела успели докатиться до нее и руки ее коснулась какая-то грубая ткань.

«Человек», — промелькнула в голове мысль, и она закричала снова:

«Не убивайте, ради Бога!»

---

[1] В оригинале «револьвер», что никак не может относиться к браунингу.

Но незнакомец не собирался убивать Рипса. Вместо этого он что-то делал с его глазами. Насмерть перепуганная девушка решила, что доктора ослепляют. Вся дрожа, как осиновый лист, она взглянула на руки неизвестного. Руки методически завязывали доктору химии Дж. Рипсу глаза.

Затем неизвестный взял доктора одной рукой под мышку, отпер дверь и скрылся на лестнице машинного отделения.

Эдит хотела бежать за ним, но он махнул рукой, приказывая ей оставаться на месте.

Обессиленная девушка присела на кипу канатов. Через минуту мужчина вернулся.

«Знаете, что я вам скажу? — произнес он по-английски. — Берегитесь д-ра и не выходите лучше из своей каюты. Помимо всего прочего, он венерик, и вы рискуете подхватить болезнь».

Дочь миллиардера хотела обидеться, но быстро сообразила, что обида будет неуместна.

«Вы знаете, кто я? Я — Эдит Мак-Лейстон, — сказала она. — Мак-Лейстон сумеет вознаградить вас».

Мужчина зажег фонарь и посмотрел на Эдит. В отраженном свете она увидела коренастую фигуру с расстегнутым матросским воротником. На груди поблескивала синим какая-то татуировка.

Услышав имя Мак-Лейстона, незнакомец как-то странно захрипел.

«Мне не нужны награды от Лейстона. Поступите так, как я вам сказал. Прощайте!» — и он повернулся, собираясь уйти.

«Постойте, — вскричала Эдит, — скажите, кто вы. Вам угрожает опасность. Рипс сотрет вас с лица земли».

«Рипс не сотрет меня с лица земли, потому что он не знает, кто испортил ему ночь. Он и не узнает, так как вахтенный вдвое меньше меня ростом и спит сейчас мертвым сном.

А что касается того, кто я такой, то вам нет до этого дела. У меня нет малейшего желания поддерживать с вами знакомство. И берегитесь — такой случай, как сегодня, вы-

падает не каждый раз. Прощайте».

И матрос скрылся в дверях.

Эдит помедлила еще минуту и также спустилась вниз.

Спускаясь, вдруг почувствовала что-то липкое на перилах лестницы. С отвращением отдернула руку, поднесла ее к свету лампы. На пальцах остались следы крови.

Не знаю, чем объяснить тот факт, что Гарри Руперт ни разу не встретился на транспорте с Мартином. Оба они были работниками химического производства, если верить слухам, распространявшимся вокруг Мартина.

Гарри являлся сотрудником химической лаборатории знаменитого профессора Двела и ехал в Европу по делу, суть которого еще не прояснилась.

Но на транспорте Мартин был старшим матросом, а Гарри — случайным пассажиром.

Мартин не интересовался пассажирами, а Гарри сидел целыми днями над какими-то книгами.

Ни первому, ни второму и в голову не приходило, как их свяжет позднее судьба.

Эдит, оказавшись в каюте, не сразу смогла заснуть. Что делать? Как дальше быть?

Она не пыталась найти что-то утешительное в своем положении. Не прятала голову под крыло, как казуар. С ее точки зрения, действительность была ужасна.

Попасть в лапы к доктору Рипсу, заболеть ужасной болезнью, от которой нет спасения... Как она сожалела, что сбежала из Нью-Йорка тайком!.. Она могла как-то уговорить м-ра Мак-Лейстона, в конце концов, могла хотя бы оставить ему свой адрес. Денег не было. Она взяла с собой все свои ценности — за них можно было выручить немалую сумму, но в том-то и таилась опасность. Усталость звала ко сну, и мало-помалу Эдит заснула. Уснула, как была, не раздеваясь, даже не расстегнув узкий воротничок, какие носили в 192... году. Что-то не давало ей спать, что-то настойчиво кружило за ее спиной. Она старательно оглядывает, обыскивает все углы своей спальни, зовет мисс Древинс, и они начинают

искать вдвоем. Нигде ничего нет, и мисс Древинс собирается уходить, но за спиной по-прежнему все кружится. Мисс Древинс наконец уходит. Становится душно. Нечем дышать. Эдит хочет вскрикнуть и не может. Она пересиливает себя и оборачивается. Из-за борта показывается лицо, протягивается волосатая рука. Она растет, растет, растет, достигает гигантских размеров. Это не человеческое лицо. Видна огромная выдвинутая челюсть — это морда колоссальной человекообразной обезьяны. Обезьяна хватает Эдит за руку и срывает с пальца перстень. Эдит дико вскрикивает и просыпается вся в холодном поту.

Д-р Джим Рипс больше не навязывал Эдит свое общество. Уважаемый ученый снова просидел весь день взаперти, а на другой день вышел с перевязанной физиономией.

«Последствия слишком острой бритвы», — сказал доктор в ответ на вопросы помощника капитана.

«Но это не помешает нам раздавить стаканчик грога», — добавил он, и оба отправились в кают-компанию.

В этот день Эдит получила от Рипса записку. Сначала она намеревалась выбросить ее, не читая, но осторожность подсказала ей не гнушаться никакими средствами борьбы.

Прежде всего, позвольте выразить Вам благодарность за то сострадание Ваше, что помогло мне спастись из рук злодея. Преступник уже найден, и его ждет законная кара. Я больше не буду докучать Вам своим присутствием и, если позволите, сделаю все, что смогу, чтобы помочь Вам вернуться домой.

Д-р химии Дж. Рипс.

Домой?

«Если я и вернусь домой, то не с помощью Рипса, — подумала Эдит, — денег хватит».

Но неужели он пишет правду и матрос обнаружен?

Она видела Мартина на палубе. Очевидно, он не арестован. Может, д-р Рипс не собирается его арестовывать и от-

давать под суд, а хочет расправиться с ним по методу Ку-клукс-клана, то есть самым модным и культурным американско-капиталистическим самосудом?

Его шпики, видимо, следят за Мартином и, выбрав удобную минуту, отправят его на тот свет. При одной мысли об этом кровь застыла в жилах Эдит — ведь матрос ее спас.

Она собралась бежать на поиски Мартина, чтобы как-то предупредить его об опасности. Но в этот момент она подпрыгнула на кровати, как мячик. Она вскочила на ноги, однако новый толчок повалил ее на пол.

Она снова поднялась и выскочила в коридор. Что-то трещало, весь транспорт ходил ходуном. Хватаясь за перила лестницы, она выбежала на палубу. Здесь было полно народа. Фок-брам-стеньга (или что-то вроде этого) рухнула вдоль палубы и задавила насмерть несколько человек.

Не сознавая, что делает, Эдит бросилась бежать, но тут что-то схватило ее за ногу. Она посмотрела и вскрикнула. Взгляд ее уперся в выпученные стеклянные глаза. Фигура погибшего сломалась в миг смерти в неестественной позе, по щекам его стекал серый мозг, ноги Эдит намокли. Она вновь посмотрела вниз — под ней была лужа крови.

Огромный ахтерштевень свисал, как тряпка, с кормы транспорта. Люди, давя друг друга, размахивая кулаками, боролись за шлюпки.

Вдруг, все нарастая, зазвучал тихий непрерывный скрип. Словно кто-то открывал заржавевшую дверь.

Вздымаясь, как волна, он достиг силы громового удара, и центральная часть транспорта с трубами, иллюминаторами и мачтами с грохотом провалилась вниз. Какой-то трос ударил Эдит по шее, и она потеряла сознание...

Дул пассат. С пассатом боролся белый альбатрос; идя в 100 метрах над поверхностью воды, он всматривался острым как игла глазом, разыскивая рыбу среди зеленых водорослей. За какую-то веточку зацепилась белая точка.

Умей альбатрос курить табак, он решил бы, что это сигарета. В этом месте полчаса тому затонул транспорт «Виктория».

Глава 2

КАФЕ СИНЕЙ ОБЕЗЬЯНЫ

«Либерия» отплывает из Марселя. О Мак-Лейстоне, мисс Древинс и кретине Сиднее Лейстоне. Сыскное бюро Пинкертона. Молодой человек с загадочным лицом. Молодой человек с рысаком. Париж. Кафе Синей Обезьяны. Покушение на миллиардера. Первое упоминание о Пуанкаре. Иван в Париже. Таинственный англичанин. Пять головорезов из Танжера. «Человек за бортом». Чувства Камиллы. Камилла молится. «Вы прикупили к девятке». Двадцать одно и шмен-де-фер. Белокурый матрос на «Либерии».

Был ясный солнечный день. По верхней палубе парохода «Либерия», который отплыл из Марселя и должен был обогнуть западный берег Африки, прохаживались два молодых человека. Франсуа, младший, достал египетскую папироску, постучал ею о коробочку с пирамидой и пальмой и нервно закурил. Потом он сплюнул через борт, пошевелил губами, словно хотел что-то сказать, но промолчал. Еще через минуту он и его старший товарищ, низенький блондин, стали молча ходить вокруг горы фанеры и досок. «Ну и работа, — сказал наконец Франсуа. – Пойдем вниз, все равно ничего лучше не придумаешь», — добавил он с досадой. Белокурый Винсент вытащил из кармана товарища папиросы и тоже закурил. Потом оба молча спустились на нижнюю палубу...

В корабельных бумагах за № 117 лежал следующий документ:

> *«НАКЛАДНАЯ № 368914. От Ш. Дюверье.*
> *Адрес отправителя: Париж, кафе Синей Обезьяны.*
> *Место назначения — Либервиль*[1]*.*
> *Предмет: ящиков, обитых фанерой — 13.*
> *Вес brutto: ½ тонны».*

[1] Правильно Либревиль, в то время важный центр Французской Экваториальной Африки, ныне столица Габона.

Мак-Лейстон поставил на ноги все сыскные бюро. Сам Пинкертон, получив синенький чек на кругленькую сумму, возглавил поиски и ради этого дела передал даже руководство штрейкбрехерским бюро своему главному заместителю. Провели тайные обыски у всех молодых людей, катавших Эдит на гоночных авто, но никаких следов ее пребывания найдено не было. Одного из этих молодых людей Мак-Лейстон даже пригласил к себе в кабинет и умолял искренне сказать, не знает ли он что-либо о местонахождении его дочери. Молодой человек сперва сделал загадочное лицо, но когда Мак вытащил блестящую черненькую штучку на восемь персон и стал недвусмысленно вертеть ее в руках — сдрейфил и признался, что ничего не знает.

Зав. виллой Лейстона старуха Древинс повторяла в сотый раз то же, что сказала на следующий день после исчезновения Эдит. Она ничего не знает. Накануне Эдит была очень весела и обедала с большим аппетитом. Они ездили с Бобом Дочерти (молодой человек с загадочным выражением лица) в город на желтом «Бенце», и она накупила полный лимузин каких-то вещей. Затем Боб откланялся, а Эдит пошла спать в назначенное коллегией врачей время. Перед сном, как всегда, она приняла таблетки. Никто не мог бы сказать, что она выглядела взволнованной. Она даже подошла к ней, к мисс Древинс, и пожелала ей спокойной ночи. Никто бы не догадался, что к утру ее спальня окажется пуста. Кретин Сидней Лейстон, брат молодой леди, посылал «к чертовой матери» всех, кто пытался его расспрашивать. Когда ему удалось втолковать, что Эдит нет, что она куда-то уехала, он трижды послал всех «к чертовой матери», потом «к чертовой бабушке» и под конец залился горькими слезами. Впрочем, он быстро утешился, когда его повели в комнату Эдит и оставили в одиночестве. Там этот благородный отпрыск рода Лейстонов переоделся в бальное платье сестры, запер дверь и не выходил до вечера. Больше от него ничего не добились.

В полдень четвертого дня по исчезновению дочери начавшему уже терять аппетит Лейстону передали по телефону, что какой-то субъект желает его видеть в связи с делом

мисс Эдит. Через минуту в кабинет вошел безупречно одетый молодой человек, сел в кресло, вытянул ноги и стал рассказывать. Он имел счастье познакомиться с мисс Лейстон на бегах, где взял приз его рысак Континент. Рысак очень понравился мисс Лейстон — это черный метис без единого белого волоска. Его, рысака, родители были... при этих словах Мак-Лейстон выпалил непристойное ругательство и предложил молодому человеку перейти поближе к делу. Молодой человек охотно согласился перейти поближе к делу и рассказал, что не далее, как пять дней назад, мисс Лейстон спрашивала его по телефону, не согласится ли он продать ей Континента. Он долго колебался, потому что Континент — лучший рысак в штате Нью-Йорк, и он надеялся, что мисс Лейстон, как заинтересованное в этом вопросе лицо, продолжит вести переговоры, но прошло вот уже пять дней и мисс Лейстон молчит. Поэтому ему интересно было бы узнать, что думает мисс Лейстон по поводу... Он не договорил. Мак-Лейстон схватил его за шиворот и собственноручно вытолкал из кабинета, пиная на прощание ногой пониже спины.

Потом он, как разъяренный зверь, начал ходить по кабинету. Вышел в зал и снова вернулся в кабинет.

«Алло, Пинкертон? Говорит Лейстон. Вы скоро найдете следы? Надеюсь, организуя ваших штрейкбрехеров и провокаторов, вы еще не потеряли способность выполнять другие поручения! Прошу вас поторопиться. Я готов в любую минуту обратиться в другое бюро, и вы не получите премии». На звонок вошел лакей. «Отправьте по радио. Диктую: “Немедленно задержать Джима Рипса, в каком бы порту он ни находился, и доставить его сюда под строжайшей охраной. Лейстон”».

Был май. Зеленые листья лесов еще не покрылись пылью от проносившихся по шоссе авто и кэбов. Американская сойка, сверкая всеми цветами радуги, перелетала через шоссе и, опускаясь на зеленые ветви, привычными американскими глазами смотрела на бесконечный поток кэбов и авто. Время от времени ей удавалось подобрать выброшенные из лимузина остатки завтрака, и она стоически

склевывала их в трех шагах от дороги. Внимания ее не привлек черный, как жук, бензиномотор, бесшумно пролетевший в тучах пыли. Она даже не посмотрела на толстого человека, который глядел вперед выпученными глазами, бросив неразрезанный роман и нервно ерзая на подушках в стеклянном купе.

Лейстон направлялся в Нью-Йорк. За час до этого сыскное бюро Пинкертона сообщило, что Эдит, вне всякого сомнения, отплыла на пароходе с Рипсом. Получены сведения, что за неделю до исчезновения она интересовалась парижскими адресами. А за месяц, вспомнил Лейстон, он поспорил с Эдит, но ему удалось некоторыми доводами убедить ее подождать с путешествием в Париж до зимы, когда, собственно, только и есть смысл туда ездить. Эдит быстро и легко согласилась; Мак-Лейстону и представить себе не мог, что она может все-таки передумать и уехать в Париж сама. Теперь он ничуть не сомневался, что она уехала в Париж. Еще в день исчезновения Эдит выяснили, что она сняла деньги с текущего счета в банке. Лейстон решил сам отправиться в Париж и по-хорошему вернуть ее обратно или хотя бы узнать, как она и, если она захочет, провести с ней время в Париже.

«Либерия» огибала Танжер. В Танжере Франсуа Дени и Винсент Поль наняли пятерых головорезов из числа марокканских дезертиров. Капитану были уплачены приличные деньги, чтобы он взял их на борт. Винсент — старый опытный охотник — ощупал бицепсы на руках у каждого, лекарь в Танжере удостоверил, что все были здоровы. Их военные билеты показывали недюжинное умение стрелять из винтовки. Теперь эта благородная компания, плывшая в третьем классе, целыми днями играла в шмен-де-фер. Винсент и Франсуа держались в стороне. Франсуа проклинал себя и весь мир за то, что он ввязался в эту дурацкую экспедицию. Доставая из кармана фотографическую карточку Камиллы, он мысленно сравнивал элегантную танцовщицу с мохнатой дамой из горилл, сплевывал за борт и курил сигарету за сигаретой. Винсент упрямо молчал, чтобы еще

больше не испугать Франсуа — у него был солидный опыт в таких делах.

Вечером они снова стояли на палубе. Проходимцы резались в шмен-де-фер. Слева, расплываясь в тумане, синел левый берег Африки. Было тихо.

Тогда Франсуа вдруг обратился к Винсенту и глухо сказал:

«Я чувствую, Винсент, что не вернусь из этой чертовой поездки». Винсент не ответил ни слова.

Оба они не заметили, как мимо них медленно прошел молодой матрос с «Либерии», белокурый парень с маленькими острыми глазами. Он задержался около них, потом прошел мимо пяти проходимцев и с минуту к ним присматривался. Проходимцы уже нашли на палубе какую-то проститутку, и она играла с ними шестой. Матрос еще раз окинул взглядом компанию и двух молодых людей и спустился по лестнице вниз.

«МИСС ЭДИТ ЛЕЙСТОН просят прийти по важному для нее делу на RUE HONORE, HOTEL PALACE, 14» — такое объявление появилось в «Matin», «Petit Parisien», «Тешрs» и меньших газетах Парижа. В роскошном номере отеля лежал на кровати Лейстон, который не успел еще снять себе коттедж, и ждал прихода вызванных из сыскного бюро агентов. Через четверть часа в номер вошли три субъекта — два типичных офицера французской пехоты с воинственным видом и пропитыми лицами, и третий, необыкновенно красивый брюнет с небольшими черными усами, влажным проникновенным взглядом и сочными губами. Мак-Лейстон коротко описал внешность мисс Эдит: она блондинка, ей восемнадцать лет, голубые глаза, светло-рыжеватые волосы — особых примет нет. Затем он достал несколько ее фотографий и отдал их брюнету. Тот послушно взял карточки, пристально посмотрел на них и, спрятав одну в карман, протянул две другие товарищам.

Легким жестом Мак-Лейстон отослал агентов и позвонил лакею, с чьей помощью стал одеваться. «Метрдотель», — надавил он кнопку. Явился статный мужчина во фраке,

похожий на адвоката или министра. «Найдите человека, который показал бы мне Париж».

Через полчаса Мак-Лейстон с господинчиком, чью фамилию он никак не мог запомнить, называя его то Бероном, то Бриманом, ехал в авто, везшем их в кафе Синей Обезьяны. Господинчик некогда был депутатом социал-соглашательской партии в парламенте, а теперь делал что угодно за небольшие деньги. Он решил прежде всего показать великому чужестранцу кафе — единственное в своем роде на свете. Дюверье — непревзойденный мастер своего дела. Даже в Париже его кафе давно бы прикрыли, не приходись он родственником самому Пуанкаре[1]. И, наклонившись к уху миллиардера, господинчик начал нашептывать Лейстону подробности о кафе Синей Обезьяны. Лейстон недоверчиво покачал головой, словно хотел сказать, что такие штуки едва ли для чего-то пригодны. Но рассказ его заинтересовал. Автомобиль остановился перед подъездом, ярко освещенным синим светом. Господинчик выпрыгнул первым; Лейстон, тяжело покачиваясь, двинулся за ним. Господинчик мигом устроил столик. Не успел Лейстон пересечь зал, как господинчик уже стоял у стола и, низко кланяясь, указывал миллиардеру на кресло, подбитое синим бархатом. Лейстон погрузился в подушки и стал смотреть на небольшую сцену. По тоненькой проволоке ходила, держа балансир, стройная голая девушка. Лейстон, видевший на своем веку много красивых женщин, сразу оценил стройное напряженное тело танцовщицы, ее упругую грудь и изящные, словно точеные ноги. Она была высокой, с круглыми, немного безумными глазами.

Девушка еще раз прошлась по проволоке и, сделав последний пируэт, скрылась. С полдесятка молодых людей и слюнявых стариков вяло захлопали в ладоши.

К Лейстону подошел седой артист в кружевном воротнике. Это был сам Дюверье. Жестом руки он предложил

---

[1] Р. Пуанкаре (1860-1934) — французский государственный деятель, трижды занимавший пост премьер-министра, в 1913-1920 гг. президент Франции.

миллиардеру перейти в соседнюю комнату. Там оказалась спальня, похожая на покои для новобрачных, вся в голубых и розовых ленточках, с белыми одеялами на кровати. Дюверье указал на кресло у стены. Лейстон сел. Нажав на кнопку, Дюверье открыл небольшое окошко и, приветливо улыбнувшись Лейстону, вышел из комнаты. Несколько минут Лейстон сидел неподвижно, глядя в проем в стене. Его каменное лицо ничего не выражало, губы оставались презрительно сомкнутыми. Через некоторое время, однако, в его взгляде появилось любопытство, он пошевелил губами, всмотрелся внимательнее, махнул рукой. Толстая нижняя губа его отвисла, и по ней потекла струйка слюны. Он заерзал в кресле, снова взмахнул рукой и, не отрываясь от окошка, стал шарить рукой вокруг, ища какую-то кнопку. Нетерпеливо ощупывая кресло, он нашел вторую кнопку на ручке, нажал ее и, не отрываясь ни на мгновение от окошка, устроился поудобнее.

Через несколько секунд дверь чуть скрипнула и вошла какая-то фигура под дымчатым покрывалом. Она бесшумно приблизилась к креслу и сбросила дымку на пол. Это была танцовщица, плясавшая на проволоке. Лицо ее прикрывала маска — маска человекообразной обезьяны. Лейстон жестом подозвал ее. Она повернулась, подошла к двери и накинула крючок...

Улица была как буря. В широком русле посередине мчались кэбы и авто; словно кольца огромной гусеницы, сдвигаясь и вытягиваясь, ползли один за другим вагоны трамвая, велосипедисты лавировали между экипажами, по тротуарам сновали несметные толпы цилиндров, шляпок, кепи, глаз, бород, галстуков, дам в непредставимых туалетах. Изредка пробегал черноволосый, чумазый мальчик из часовой мастерской с красными усталыми глазами, измученными трудом и абсентом. Какой-то цилиндр преследовал двух женщин. Если бы Ивану пришлось оказаться в толпе, он остолбенел бы, как жена Лота, — его обтекают волны, толкают женщины, ему кружат голову их духи, сигарный дым, его пугают сердитые возгласы на непонятном языке,

его вновь толкают, прижимают к стеклянной витрине магазина. Какой-то черноволосый субъект, похожий на бюст в окне парикмахерской, с кокетливыми усами и сочными губами, останавливается у той же витрины и смотрит на середину мостовой. Пролетает авто, черноволосый субъект подходит к таксомотору, исчезает внутри; таксомотор с ворчанием бросается вдогонку за автомобилем.

В авто сидит усталый и разомлевший Лейстон, его губы похотливо сосут сигару, свисает живот, он вытянул ноги, уперся ими в перегородку и блаженствует. В десяти шагах позади за авто бежит таксомотор.

Брюнет в таксомоторе держит перед глазами газету, время от времени отрывается от строк и следит за автомобилем Лейстона. Они проезжают по улицам, пересекают широкие площади, снова улицы, вдруг авто Лейстона останавливается, тот вперевалку выходит, заходит в какой-то магазин. Брюнет делает знак шоферу, таксомотор проезжает мимо авто Лейстона и исчезает за поворотом. Брюнет выскакивает из таксомотора, отпускает шофера, ждет за углом. Когда снова показывается авто Лейстона, брюнет садится в другой таксомотор, синего цвета, и снова едет за Лейстоном. По улицам, площадям, вновь по улицам, бульварам, опять улицам и улицам, — синий таксомотор неотступно следует за Лейстоном. Брюнет уже отложил газету и смотрит только вперед.

«Либерия» прошла мимо Канарских островов и приближается к Сен-Луи в Сенегамбии. «Пора побеседовать с нашими уважаемыми дезертирами», — говорит Франсуа, в сотый раз выходя с Винсентом на палубу. Винсент не покидает его ни на минуту. «Разговаривать будем не здесь и не в Либервилле, а за рекой Конго», — спокойно отвечает Винсент. «Они могут бросить нас в Либервилле» , — добавляет он через минуту. «Разговор будет на Конго», — и вдруг он умолкает, заметив белокурого матроса, который возится с каким-то канатом в трех шагах от них. Он берет Франсуа под руку и ведет его вниз. «Мне не нравится этот парень, — шепотом говорит он Франсуа, когда они спускаются по

лестнице. — Он уже второй раз оказывается возле нас, когда мы выходим на палубу. Ни слова при нем, слышишь, о чем-либо, что касается нашего путешествия». Они идут в кают-компанию. Белокурый матрос, дождавшись, пока они не скроются, сейчас же оставляет свою работу, смотрит пристальным взглядом на пятерых головорезов, играющих в карты, и уходит.

Франсуа не доел обед и направился в каюту. Он лег навзничь на кровати и стал смотреть в потолок. Секунду спустя вошел Винсент и, не произнося ни слова, лег на свою койку. Прошло около четверти часа.

«Через три месяца ты вернешься к своей красавице, — сказал наконец Винсент. — Все будет хорошо. Ты сможешь забрать ее к себе, когда получишь деньги. Не падай духом. Все будет прекрасно».

Франсуа молчал и смотрел в потолок.

Вдруг за иллюминатором пронеслась какая-то тень, послышался всплеск. «Рыба», — сказал Винсент, указывая пальцем на иллюминатор. С палубы донеслись невнятные крики, шум, над головами затопали. «Нет, это не рыба», — и Франсуа вскочил и выбежал из каюты. За ним, не торопясь, вышел Винсент. На палубе спускали шлюпку. Корабль замедлил ход и качался на пологих зеленых волнах. Возле головорезов кучкой стояли матросы и несколько пассажиров и что-то кричали. Франсуа быстро подошел к ним, потом подбежал к борту. Головорезы только что швырнули одного из своих за борт. Они арестованы и сейчас будут отведены вниз. Шлюпка села на воду и с размашистыми ударами весел стала отходить от парохода. Из шлюпки высунулся матрос, высматривая тонущего. Решительным движением он скинул с себя обувь и нырнул в воду.

Головореза откачивали на палубе. Это был тридцатилетний человек, заросший неопрятной бородой, с квадратным подбородком и щербатыми зубами.

Двое матросов ритмично двигали его руками, поднимая волосатую грудь. К Франсуа и Винсенту подошел капитан и, указывая на мужчину, сказал: «Я высаживаю вас в первом же порту». Винсент отвел его в сторону и начал что-то

рассудительно и спокойно доказывать. Капитан не слушал уговоров и качал головой с упрямым и наглым выражением лица.

Головорез вздохнул и ожил. Его понесли вниз. Появился правительственный агент и проследовал за ним, чтобы провести допрос. Капитан резко оборвал разговор с Винсентом и отошел. Тот пожал плечами.

«Он выиграл у них все деньги, которые они получили авансом, — сказал Винсент Франсуа. — А они все накачались ромом и выбросили его за борт».

«Это обойдется нам в половину нашего заработка», — с досадой заметил Франсуа. Винсент пожал плечами.

«Там, на месте, я возьму их в руки, — сказал он немного погодя. — Придется просить, чтобы им не выдавали рома. Деньги я у них отберу и поделю между всеми поровну».

Внизу агент допрашивал бородатого и писал протокол.

Жестом он предложил обоим молодым мужчинам сесть.

Закончив допрос, он отослал бородатого, захлопнул дверь и стал допрашивать Дени и Поля.

«Ваше имя?» — «Франсуа Дени». — «Винсент Поль». — «Профессия?» — «Франсуа Дени, ранее цирковой артист, теперь на службе у Дюверье, в Париже, кафе Синей Обезьяны». — «Винсент Поль, офицер резерва, еду по поручению Дюверье, Париж, кафе Синей Обезьяны, в Либервиль».

«Цель поездки?»

Франсуа посмотрел на Винсента. Винсент встал и зашептал что-то на ухо агенту. Затем агент попросил Франсуа выйти. Вскоре вышел и Винсент.

«Сколько?» — мрачно спросил Франсуа.

«Тысяча франков», — спокойно ответил Винсент.

«Sacré»[1], — несдержанно воскликнул Франсуа.

«Молчи, этим дела не поправишь. Ты хотел бы, чтобы нас высадили с ящиками в Сен-Луи? Забыл, какие бумаги в руках у Дюверье? Ты хочешь вернуться в Париж или не хочешь?»

---

[1] Проклятие (*фр.*).

Франсуа молчал. Мимо них, насвистывая, прошел белокурый матрос.

Брюнет проследил за Мак-Лейстоном до виллы, которую миллиардер снял за городом. Не останавливая таксомотора, он проскочил мимо виллы и, сделав круг в десяток лье, вернулся окольными путями в Париж.

Миллиардер пересек вестибюль, подошел к телефону и вызвал сыскное бюро. Никаких новостей не было. Эдит до сих пор не могли найти. Затем он позвонил в кафе Синей Обезьяны.

«Номер мисс Камиллы! Спасибо, больше ничего... Мисс Камилла? Говорит Лейстон. Завтра в девять часов вечера я буду в кафе. Надеюсь найти вас там. До свидания».

Лейстон повесил трубку.

«Экстренное приложение к “Matin”! Экстренное приложение к “Petit Parisien”! Покушение на миллиардера Мак-Лейстона! Убийца пойман! Портрет убийцы! Портрет Мак-Лейстона!

15 мая на миллиардера Мак-Лейстона совершено покушение. Когда король химических фабрик Америки выходил из авто у двери своей виллы, шофер, достав револьвер, собирался убить американского гостя. Мисс Камилла из кафе Синей Обезьяны, находившаяся в автомобиле с миллиардером, выбила револьвер из рук преступника. Преступник задержан. Это бывший сотрудник сыскного бюро департамента полиции Креве. Преступник — высокий, красивый брюнет. Он отказался назвать мотивы своего преступления. По слухам, он был любовником мисс Камиллы. Допрос продолжается!

Покушение на миллиардера МАК-ЛЕЙСТОНА. Экстренное приложение к “Petit Parisien”. 10 стр.

ПОДРОБНОСТИ ЗАВТРА В ГАЗЕТЕ!»

Репортер «Petit Parisien» не знал только одного: накануне приезда Мак-Лейстона в Париж у Креве состоялась беседа с каким-то мужчиной, говорившим по-французски с лег-

ким английским акцентом. На лице у него был какой-то чирей, словно след какой-то болезни. Англичанин заранее указал Креве отель, где будет проживать Мак-Лейстон, и нанял его за немалую сумму застрелить миллиардера. Для убийцы был приготовлен загранпаспорт со всеми визами. Кроме того, незнакомец предложил ему выгодную должность за границей. Он не дал Креве ни копейки аванса, предлагая поверить, что такое дело, как убийство Мак-Лейстона, имеет под собой достаточно серьезную почву, а потому можно всецело положиться на контрагента.

Неожиданное для Креве вмешательство Камиллы было для него выгодно в том смысле, что покушение принимало характер убийства из ревности. Он ни на минуту не сомневался, что англичанин сможет его вызволить и заберет к себе. По тону заказчика чувствовалось, что он не остановится ни перед какими препятствиями. К тому же, англичанин был заинтересован в освобождении наемного убийцы, так как иначе на его след могла выйти полиция. И Креве, посвистывая, отправился в тюрьму.

Вечером того же дня Мак-Лейстон сидел перед окошком спальни в кафе Синей Обезьяны и смотрел в соседнюю комнату. Сегодня его лицо уже не казалось безразличным, как накануне. Ярая похоть сквозила в масляных глазках и раздутых, словно у жеребца, ноздрях, спускалась к нижней губе и стекала с нее ручейком слюны. Полуоткрытая беззубая пасть тянулась к окошку. За дверью стоял на страже агент, которого Лейстон нанял охранять свою особу после покушения у виллы. Распалившись до крайности, Лейстон позвонил. В комнату вошла Камилла с маской человекообразной обезьяны на лице...

...Камилла внезапно вздрогнула и стала прислушиваться. Ей что-то послышалось. Нет, ничего не слышно. Они продолжали свое дело. Прошло еще несколько минут. Вдруг Камилла снова вскочила. Теперь она отчетливо услышала легкий скрип. Лейстон ничего не слышал и, взбешенный помехой, жестом подозвал ее к себе.

Робко и вся дрожа, как осиновый лист, она подошла к нему. «Вы, очевидно, склонны к истеричности, — сердито прошептал Лейстон. — Придется мне поискать кого-нибудь другого. Я не люблю, когда меня прерывают».

Камилла покорно легла на кровать рядом с пузатым распутником. Она вспомнила, как утром, вставая с постели, все гадала, из-за чего Креве хотел застрелить миллиардера. Осмотрев в зеркале свое стройное тело, она заметила на руках красные следы от лейстоновых ногтей и принялась тщательно заглаживать кожу на руках, протирая придавленные места мазью, проводя по ним массажным аппаратиком, разгибая и сгибая руки в ритмическом движении. Лежа на ковре и напрягая мускулы тела утренней гимнастикой, она вновь вспомнила о Креве. Неужели он действительно решился на это из ревности, как было написано в экстренном приложении к «Petit Parisien»? Нет, такого быть не могло. Другое дело, будь это Франсуа. Моясь холодной водой, Камилла еще раз окинула взглядом свое прекрасное тело и вздохнула. Она ненавидела свою жизнь, эту обезьяню маску, этих слюнявых свиней, бравших ее каждый вечер. Но у Дюверье ее расписки, она должна ему так много денег... Вдобавок, он увеличил сумму долга чуть ли не втрое, и она ничего не могла поделать — Дюверье имел связи с французским правительством. Сам Пуанкаре как-то посетил кафе Синей Обезьяны и долго сидел, дружелюбно болтая с хозяином. Надо откупиться и вернуть себе свободу, просто так Дюверье ее не отпустит.

Франсуа должен был заработать деньги на этой ужасной экспедиции. Суеверная, как ребенок, она опустилась на колени и начала молиться. Ее немного безумные глаза с отчаянием и верой глядели на разрисованное распятие. Она молила Бога защитить Франсуа и вернуть его домой в целости, сохранности и с деньгами. Пусть приедет здоровый и богатый, умоляла она деревянную фигурку. Она вспомнила свое детство: они с Франсуа, подростки из Прованса, привлеченные лакомствами и обещаниями директора бродячего цирка, присоединились к его труппе. Им надоело возить навоз, поить коров, есть картошку с солью, копаться в

грязи и засыпать каждый вечер мертвым сном, чтобы на рассвете вставать на работу. Они были сильны и красивы. Не попали бы на Дюверье — и все было бы хорошо. Фигура танцовщицы привела Дюверье в восторг, он обещал Камилле золотые горы, взял ее в кафе. Теперь она должна каждый вечер отдаваться отвратительным кабанам вроде того, что лежит сейчас рядом с ней.

Воспоминания тенью промелькнули перед Камиллой, и на миг она забыла свой страх и чувствовала только отвращение. Но через несколько секунд дверь снова скрипнула. Теперь и Лейстон услышал этот звук. Он стал поспешно искать в одежде револьвер. Все его жирное тело сотрясалось от нервного напряжения. Внезапно он бросил поиски, будто что-то вспомнив, и повалился обратно на кровать.

«За дверью стоит мой агент, — успокоенно сказал он. — Придется его прогнать за недопустимо непристойное поведение», — серьезно добавил миллиардер.

Дверь скрипнула еще раз и начала тихонечко открываться.

Камилла побледнела и застыла каменной статуей. Лейстон вскочил с кровати и, спрятавшись за стул, вновь стал нервно шарить в одежде.

Его трясло, как в лихорадке. Неожиданно в полной тишине мягкой глухой комнаты что-то громко заклацало: Лейстон не смог овладеть собой и громко щелкал зубами.

Дверь приотворялась не спеша, со скоростью минутной стрелки. Лейстон наконец-то нащупал револьвер и, наведя его на дверь, пытался что-то сказать. Сверхчеловеческим усилием он взял себя в руки и хрипло пробормотал: «Закройте дверь — я буду стрелять». Дверь отворилась еще на миллиметр и застыла.

Вдруг Камилла дико, визгливо вскрикнула и рухнула навзничь. В щель между дверью и косяком просовывалась мохнатая обезьянья лапа.

Головорезы были освобождены из-под ареста. Винсент выдал агенту его тысячу франков. Дюверье вручил Полю и Дени много денег, зная, что Франсуа никуда не убежит, что

он крепко привязан к кафе Синей Обезьяны.

В каюту компаньонов вошел один из проходимцев; его позвал Винсент.

— Вы прикупили к девятке? — спокойно спросил Винсент.

— Откуда вы... Да, я прикупил к девятке, — ответил проходимец.

— Вы прикупили к девятке и, когда увидели, что бородатый не побил карту, выбросили его за борт. Имейте в виду, что это вам так не пройдет. Если вы еще раз выкинете такой фортель, я высажу вас на берег в ближайшем порту. Учтите это. Идите.

Несколько минут молодые люди молча лежали на койках. Наконец Франсуа спросил:

— Что это значит: прикупил к девятке? И откуда ты это знаешь?

— Друг мой, я вижу, что ты ничего не понимаешь в жизни. Ты знаешь, что такое шмен-де-фер?

— Замечательный вопрос. Да, знаю.

— Значит, не знаешь, если спрашиваешь, почему он прикупил к девятке. Как ты себе представляешь эту игру?

— А вот как: каждому дается по две карты, и тот, у кого набралось девять или восемь, открывает и забирает деньги с кона. Никто и нигде никогда не прикупал к девятке.

— Да, никто отродясь не прикупал к девятке. Слушай, я расскажу тебе об этой игре, потому что ты о ней знаешь не больше, чем о сравнительной филологии. «Шмен-де-фер», или железка, встречается везде. Это, кажется, самая распространенная среди азартных игр. В России во время войны очень распространилась игра в двадцать одно или в очко. Принцип этой игры тот же, что и в шмен-де-фер. Король — четыре; дама — три; филька[1] — два. Туз при игре в очко — одиннадцать, десятка — десять. В шмен-де-фер туз — одно очко, десятка — ноль.

— Это я прекрасно знаю, — перебил Франсуа.

[1] Здесь: валет (*укр.*).

— Знаешь, но не все. Лучше слушай. Банкомет сдает каждому по одной карте, и каждый из партнеров играет в одиночку с банкометом. Надо набрать двадцать одно очко, или двадцать, или вообще больше, чем у партнера. Для этого приходится брать минимум одну карту, но бывает, что берут две, три, четыре, пять, больше... Как видишь, эта игра не так быстра и азартна, как шмен-де-фер. Когда играешь спокойно и знаешь своих партнеров, ты можешь выиграть хотя бы на том, что не зарываешься, рискуя перебрать. Ибо, как только ты набрал больше двадцати одного очка, ты проиграл... Я видел, как один солдат — я стоял за его спиной, когда на кону были все деньги, огромная сумма денег — как солдат остановился на пятнадцати. Его лицо было спокойным и веселым. Он положил свои карты с таким видом, что партнер решил, будто у него не меньше двадцати. Партнер занервничал и перебрал. Солдат выиграл ставку из-за того, что оставался спокойным, тогда как партнер утратил спокойствие. Напротив, когда у тебя девятнадцать и ты, следовательно, имеешь много шансов выиграть, ты приобретаешь еще один шанс, если не кладешь спокойно и весело карты, но притворяешься, будто колеблешься, хочешь еще прикупить, — одним словом, делаешь вид, будто у тебя очков четырнадцать или пятнадцать. Партнер набрал, допустим, пятнадцать, шестнадцать, пусть даже семнадцать, восемнадцать — он останавливается, потому что думает, что у тебя все равно мало! Он проигрывает из-за того, что ты обманул его своим поведением. Ты видишь теперь, что в игре в двадцать одно очень многое зависит от умения играть, от сдержанности, от силы воли. Тот солдат был спокойнее, крепче, трезвее своих партнеров и он выиграл, выиграл столько денег, сколько ему никогда и не снилось. Это был крестьянин, не имевший даже лошади, а он выиграл столько, что мог бы купить себе сотни две лошадей.

— Хорошо, — сказал Франсуа, — но шмен-де-фер? Для чего он прикупил к девятке? Ты объясни мне, зачем он прикупил к девятке и как ты об этом узнал.

— Не торопись — и узнаешь. В шмен-де-фер ты можешь прикупить только одну карту, перебрать не можешь,

потому что, как тебе хорошо известно, все, что свыше десяти, вновь считается сначала. Итак, прикупив карту, ты либо увеличил свои шансы, либо убавил их, но ты еще не проиграл. Никакое умение играть со стороны партнера ему не поможет — процесс игры значительно проще, чем в двадцать одно, а размах шансов куда меньше. Поэтому в шмен-де-фер ты можешь выиграть только тогда, когда тебе очень везет или когда ты...

— Когда ты жульничаешь, надо полагать, — вставил Франсуа.

— Да, когда ты жульничаешь, совершенно верно. Процесс игры здесь гораздо проще, чем в двадцать одно, легче подтасовывать карты; ты можешь заранее разложить их так, чтобы тебе выпадали девятки. Приготовив такую колоду карт, ты подменяешь ей ту, которая находится в игре.

— Все-таки я не понимаю, при чем тут прикуп к девятке: ведь прикупил не бородач, не мошенник, а его партнер.

— Да, прикупил партнер. Он увидел, что бородач выигрывает и уже выиграл почти все деньги. И вот партнер, опытный в таких делах, получил девятку (а бородач подтасовывал так, чтобы выигрывать не подряд и время от времени и партнерам давать девятку — тогда он ставил небольшие суммы). Итак, когда партнер получил девятку, он вместо того, чтобы сразу забрать ставку с кона, взял и намеренно прикупил к девятке — то есть умышленно проиграл ставку, но перебил все расчеты бородачу. Когда после этого выяснилось, что бородач жульничает, его выбросили за борт.

— Слушай, но как же бородач мог заменить колоду? Ведь его могли обыскать и найти старую.

— Этого я не знаю. Но я думаю, что он не подменял колоду, а подтасовывал карты, пользуясь тем, что все были пьяны. Они ничего не заметили! Он был уверен в своем мастерстве. Чтобы разоблачить его мошенничество, понадобилось прикупить к девятке.

— Да, — ответил слушавший с большим интересом Франсуа. — Но скажи мне, что это был за солдат, о котором ты рассказывал? Что он сделал с деньгами?

— Он после этого больше не играл. Под влиянием како-

го-то товарища он совсем бросил игру. Деньги пошли на какое-то общественное дело. Это был человек колоссальной энергии и очень принципиальный. На моих глазах он бросил играть в карты и пить водку. Не знаю, что с ним позже случилось...

В эту минуту Винсент услышал в коридоре чьи-то шаги. Невнятное чувство страха охватило его. Он встал и резко распахнул дверь в коридор, но увидел только чью-то спину. На миг он поддался инстинктивному желанию побежать следом и узнать, кто это. Но тотчас победили логические соображения, культурные привычки преодолели инстинкт охотника, и он вернулся в каюту.

Глава 3

МАКЕКЕМБЕ-ЛА-МОТУ-МА-МЕ

Разговор с головорезом. Франсуа тоскует. Появление белокурого матроса. Путешествие по саваннам. Сказка о черепахе и собаке. Человек, привязанный к дереву. Белокурый исчезает. Камилла привязана к дереву. Тропический лес. Гиппопотам. Макекембе-ла-моту-ма-ме. Головорезы решают путешествовать сами. Смерть Франсуа. Хлебное дерево. Человек, лежавший ничком. Носороги. Смерть старика. Кто застрелил Винсента. Смерть французского унтера. Воскресение Винсента.

Франсуа и Винсент расположились на несколько дней в номере какой-то либервильской гостиницы.

Франсуа прямо из корабельной койки перекочевал на кровать в номере и лежал целыми днями лицом вверх, не говоря ни слова. Винсент бегал, нанимал подводы для тринадцати клеток, которые они выгрузили с парохода, покупал патроны для винтовок и в гостиницу возвращался поздно вечером.

— Куда мы первым делом поедем? — спросил наконец Франсуа после получасового вечернего молчания. Невыносимая духота не давала ему уснуть, он ворочался с боку на бок.

— Из Либервиля поедем по шоссе на Элундо, — ответил Винсент. — Дальше на Сандию, Лиму, Пиконду над экватором и прямо к Экваториальной станции на Конго. С Экваториальной станции мы свернем наискось, на север; поплывем на катере по Конго. Высадимся у Бакомби и двинемся по тропическим лесам к...

— Хватит, — перебил Франсуа. — Мне нет никакого дела до Бакомби, Пикомби или как их там. Ты мне скажи, вернемся мы в Париж или нет?

Винсент пожал плечами.

— Если ты все время будешь так киснуть, то, может, и не вернемся. Надо верить в успех, и все будет хорошо. Ты знаешь, я бывал везде, где может побывать авантюрист. Никакой со-

чинитель авантюрных романов не имеет ни малейшего представления о том, сколько всего может пережить путешественник. С температурой 40,2 я продирался сквозь джунгли Амазонки; в сравнении с ними эти леса — ерунда! Кстати, нужно купить хины. Кто это может быть?

Кто-то постучался в дверь. Не дожидаясь разрешения войти, в номер ввалился знакомый нам проходимец, прикупивший к девятке. На лице его была написана наглая уверенность, а хитрая улыбка будто говорила: меня не проведешь!

— Что вам нужно? — спросил Винсент.

— Мы с товарищами хотим знать, куда вы нас везете. Нам уже надоело притворяться на пароходе какими-то баранами, что ли. (Тут он рыгнул). Будьте добры сообщить нам, что вы собираетесь делать. Потому как нам все это уже очень надоело. Скажете вы нам наконец, куда мы едем, или нет? — проходимец рыгнул снова.

— Дорогой друг, — спокойно сказал Винсент, — не доставляйте себе лишних хлопот. Вы поедете туда, куда вам скажут, и будете делать то, что вам скажут. Может, у вас есть желание познакомиться с военной службой в Конго? Зарубите себе на носу, мой драгоценный, что если вы еще раз явитесь ко мне с подобными заявлениями и заговорите в подобном тоне, вы на следующий день будете маршировать по шоссе и обтесывать камни. Ясно?.. Ступайте!

Проходимец яростно посмотрел на Винсента, но, встретив его холодный взгляд, осекся.

— Дайте нам хотя бы немного денег, — сказал он тихо.

— Вы получили на продовольствие, и этого достаточно. Получите вы больше или нет — будет зависеть от вашей работы. Убирайтесь отсюда сию же минуту.

Дезертир постоял еще секунду и, резко повернувшись, медленно вышел.

— Так вот, Франсуа, мой друг. Главное, не падать духом, и все будет хорошо. Поешь сейчас хины, дорогой мой, не то подцепишь лихорадку! Здесь, у экватора, лихорадка висит в воздухе... Кто там? Неужели этот оборванец и вправду хочет попробовать плетку? Войдите, сто чертей!

В тот же миг Винсент, словно ошпаренный, вскочил с

постели. В номер вошел и недвижно застыл белокурый матрос с «Либерии». Франсуа тоже встал и, будто пораженный громом, смотрел на маленькую коренастую фигуру матроса.

— Мсье Винсент Поль, — неторопливо и отчетливо начал тот, — я пришел к вам с просьбой. Возьмите меня с собой. Мне нужно заработать денег. Мсье Дюверье дал вам большую сумму. Я могу вам пригодиться. На ваших головорезов вы положиться не можете. Вам нужен такой человек, как я!

Винсент не мог овладеть собой. Матрос следил за ними все время, пока они плыли на «Либерии». В его голосе, манерах он чувствовал что-то давно знакомое. Где-то он его видел. Какой-то мистический страх, какой-то охотничий инстинкт отторгал его от этого человека.

— Вы следили за нами на «Либерии», — произнес он в конце концов. — Я вас не знаю. Вы нам не нужны... Да и что вам за дело до нашего путешествия? Прошу вас, занимайтесь своими делами и оставьте нас в покое!

— Мсье Винсент Поль! Я предлагаю вам свои услуги совершенно искренне и открыто. Я следил за вами, потому что искал возможности бежать с «Либерии». Случай представился, и я обращаюсь к вам. Моя фамилия — Дюваль. Мои бумаги у меня. Я знаю, — подчеркнул он, — что буду нужен вам в этом путешествии!

Впервые за все время Винсент вопросительно поглядел на Франсуа. Верно, им нужен хоть один свой человек, нельзя полагаться только на тех пятерых головорезов. А этот кажется очень выдержанным. Акцент у него какой-то чудной...

Винсент еще раз посмотрел на матроса. Тот стоял, спокойно заложив руки в карманы парусиновых штанов, и ждал ответа. Видно было, что он уверен в успехе.

— Вы не все сказали мне, мсье Дюваль, — заметил Винсент. — У вас есть еще какая-то цель. Вас не интересуют деньги, здесь что-то другое.

— Да, вы угадали. Меня мало интересуют деньги. Мне просто нужно с вами уехать. Вам нечего бояться меня. Дюверье может не опасаться за вас. Вы во французской колонии, и имя Дюверье откроет вам все двери. Вы можете завтра же

сдать меня в солдаты. Все преимущества на вашей стороне. Вам совершенно нечего бояться. Решайте! Согласны?

— Вы не скажете, зачем вам нужно уехать с нами?

— Я скажу лишь то, что сказал, и ничего больше. Дело теперь за вами: вы можете принять мое предложение или поддаться каким-то детским чувствам.

То, как матрос произнес слово «*предложение*», снова что-то напомнило Винсенту. «Неужели это тот?.. Нет, — вздор, этого не может быть!»

— Покажите ваши бумаги.

Матрос достал из висевшего на груди кисета бумаги и подал их Винсенту.

Несколько минут тот внимательно просматривал документы.

— Ладно, — сказал наконец Винсент. — Мы берем вас. Придете сюда в семь часов утра. Завтра мы отправляемся.

Матрос кивнул головой и вышел.

— Зачем ты согласился взять его? — спросил Франсуа, когда дверь захлопнулась. — Ты же говорил, что он следил за нами на «Либерии»?

Винсент подошел к двери и, убедившись, что никто не подслушивает, сказал шепотом:

— Бояться его нам нечего. Правительство никак не может следить за нами. Правительство — это Дюверье, Пуанкаре и компания. Будь это даже шпик, подосланный Дюверье, нам и тогда нечего было бы бояться — ведь мы не собираемся бежать с деньгами. А это человек сильный и хладнокровный. Ты видел, какие у него мышцы? И кстати, ты обратил внимание, что он уже знает, кто нас послал и что именно нам нужно? Лучше положиться на такого Дюваля, чем на наших проходимцев.

— Я готов голову дать на отсечение, что он никакой не Дюваль, — проговорил Франсуа. — У него какой-то иностранный акцент!

— Его бумаги в порядке! — ответил Винсент. Упоминание об акценте снова смутило его. Он пытался что-то вспомнить, но не мог...

Под раскаленным огненным солнцем экваториальной Африки по мощеной дороге движется обоз. Матрос едет на одной из фур с ящиками. Проходимцы спят в фурах. Колониальные солдаты-негры — голые по пояс, в коротеньких штанах, сандалиях, с примкнутыми штыками — сторожат желтых измученных людей, которые чинят шоссе. Арабы, русские солдаты, французские каторжники, суданские негры обтесывают камни. Расширенные от малярии глаза всматриваются в обоз. Время от времени унтер проходится длинным кнутом по голым спинам рабочих. Жалобный вскрик — и руки их движутся быстрее. Матрос внимательно присматривается к лицам белых рабов. Вдруг его будто сводит судорогой, какие-то корчи пробегают по его лицу, он отворачивается и покрикивает на лошадей.

На козлах экипажа, где едут Франсуа и Винсент, сидит сгорбленный старенький негр из Камеруна.

На ломаном и корявом французском языке он обращается к «мистье», сидящим в экипаже. По сторонам дороги расстилаются тропические саванны. Франсуа они напоминают булонские поляны: повсюду рощи и лески, круглые как бассейны озерца, отдельные деревья, кажущиеся издали подстриженными, поляны, рощи, лесочки, озерца — и так без конца. Когда-то в этих местах табунами бегали полосатые зебры. Их истребили, саванна обеднела на зверя. Разве что где-нибудь у рощицы изредка показывалась антилопа и исчезала на опушке.

Негр-возчик повернулся к Франсуа и Винсенту и, указывая на степь, сказал:

— Зебра нет, жирафа нет. Ничего нет. Там, — он указал кнутом на север, — есть жираф, француз приезжает охотиться (chasser) жираф. Там есть жираф. Но и там мало жирафа.

— Откуда ты, старче? — спросил Винсент.

– Я с Камерун, с Дуалы, — живо ответил негр. — Там немец (German), француз нет. Я убегал из Дуалы, мой приятель убил немца, и я убегал из Дуалы в Конго. Ты, — он указал на Франсуа, — друг ему. Ты знаешь, когда друг убьет кого, нужно его спасать. Я спасал, мы убегали из Камеруна.

— Где же твой друг теперь?

— Друг умер, я один остался. Был хороший друг, меня спасал, и я его спасал. Надо спасать друга, как собак спасал черепаха. Они воровали орехи, и собак спасал черепаха.

— Где они воровали орехи? Разве собаки едят орехи?

— Постой, — сказал Винсент, — слушай, старик, расскажи, как это было. У кого они воровали орехи? Не у тебя ли?

— Нет, не у меня воровали орехи, воровали у леопарда. Жил когда-то леопард. В его садике было очень большое ореховое дерево, на нем росли страшно вкусные орехи. А леопард был очень скупой и объявил всем зверям, что никто не смеет брать те орехи под страхом смертной казни. Слышал его и черепах, но он был чуточку толстокожим и подумал себе: «Какое мне до этого дело!»

Когда орехи созрели, черепах пришел в гости к своему доброму приятелю, собаку. Потолковали они между собой с часок о том, какие лихие времена настали, а потом и говорит черепах: «Дорогой друг, орехи у леопарда поспели, нет ли у тебя охоты их отведать?»

«Я тебе признаюсь откровенно, — отвечает собак, — что у меня давно уже есть охота, и если ты пойдешь со мной, то я готов идти хоть сейчас».

«Хорошо, — ответил черепах, — пойдем завтра поутру, но надо будет очень рано выйти, а я не совсем быстро встаю рано утром, так что лучше тебе будет прийти и меня разбудить».

С тем он пошел домой.

На другое утро в назначенный час постучали в его дверь. «Иду!» — крикнул черепах. Взял свою старую торбу под мышку и пошел. Какое-то время они молча шли рядом друг с другом.

Потом черепах промолвил: «Одно еще я хочу сказать: случается иногда, что упадет тебе на голову орех; от этого бывает таки больно. Так вот, ты должен мне твердо обещать не визжать и не скулить, а стиснуть зубы и разве что сказать тихонечко: “Гм! Гм! Гм! Макекембе-ла-моту-ма — моту-ма!”»

«С чего это я буду скулить? Думаешь, я не знаю, что у леопарда есть уши? Он не станет медлить и убьет нас обоих».

«Да, — сказал черепах, — ты еще, может, и спасешься, потому как ты здорово умеешь бегать, а я, бедняга, со своими короткими ногами не могу быстро бегать, меня он уж точно поймает».

«Не беспокойся, – сказал собак. — Я вполне уверен, что не буду скулить».

Они подошли к ореховому дереву. Там лежала куча прекрасных орехов, и черепах радостно принялся собирать их в торбу. Собак тоже собирал и тоже прыгал от радости, находя еще и еще. Он носился вокруг дерева, как ошалелый, и черепаху нелегко было его сдерживать.

Вот он снова побежал показать черепаху новый улов орехов, но тут зашелестело в ветвях и — бац! на спину черепаха упал орех, но тот не бросил собирать, а спокойно сказал: «Гм! Гм! Гм! Макекембе-ла-мота — ла-мота — ма! Видишь, — сказал он собаку, — теперь ты слышал, как это делается, совсем не трудно потерпеть».

«Конечно!» — ответил собак и попрыгал дальше. Через часик опять зашелестело в ветвях и с дерева снова упал орех. На этот раз он попал аккурат в голову собаку. «Гав, гав, гав», — заскулил собак и убежал прочь.

— Ты замечаешь, как он стал гладко говорить? — заметил Франсуа. — Как будто всю жизнь говорил по-французски, — добавил он, смеясь.

— Думаю, эту сказку он уже тысячу раз рассказывал путникам и выработал определенный стиль. Что там такое?

Матрос слез с фуры, позволив лошадям плестись в обозе за передней подводой, и подошел к кучке рабочих. Он прошел рядом с одним из белых рабов, чуть не задев его рукой. Франсуа услышал, как он что-то сказал, но при этом матрос даже не посмотрел на рабочего — он словно разговаривал сам с собой. Затем он нагнал обоз и снова залез на фуру. Рабочий, мимо которого он прошел, с минуту стоял как остолбеневший, пока кнут солдата со свистом не хлестнул его спину. Тогда он торопливо вернулся к работе. Солдат не обратил никакого внимания на матроса и присматривался только к экипажу, в котором ехали Франсуа и Винсент.

Винсент, увидев, что Дюваль снова пошел к фуре, легко

толкнул негра в бок.

— Ну, рассказывай же, старик. Собака убежала, и что дальше?

Негр кивнул и забормотал:

...«Гав! Гав! Гав!» — завизжал собак, бросил свой мешок и убежал прочь. «Ой, беда», — испуганно сказал черепах, потому что уже слышал шаги леопарда. К счастью, у него хватило ума спрятаться под сухими листьями. Леопард пришел и сразу заметил собакову сумку. «Э-ге — тут крадут орехи! — в ярости сказал он. — Вам это так не пройдет». Он стал искать, но не мог никого найти и собрался уже возвращаться домой; тогда прилетела черно-белая птичка, села на ореховое дерево и запела: «Под листьями, леопард, под листьями!»

У черепаха мороз пробежал по шкуре, и он зарылся еще глубже, но птица пела все громче: «Под листьями, леопард, под листьями!» Леопарда очень разозлили бесполезные поиски. Он решил, что птица его просто-напросто обманывает, схватил полено и швырнул в птицу. Но та быстренько перепрыгнула на другую веточку, и полено только сбило несколько орехов и упало на землю. Тем временем черепах дополз до корней и думал, что он уже спасся, но птица снова начала петь: «Под корнями, леопард, под корнями!» Услышав это, леопард пошел прямо к ореховому дереву, осторожно смел сухие листья, заглянул под оголенные корни и увидел черепаха. «Так это ты, ворюга!» — вскричал леопард, глядя прямо в глаза черепаху, взял котомку — а у него висели две через плечо — и хотел уже спрятать туда черепаха, когда тот сказал: «Дорогой друг, не клади меня в хорошую новую котомку, лучше положи в другую — она старая и не такая хорошая. Посмотри, какой я грязный, я только испачкаю тебе котомку». — «Ты прав», — заметил леопард, положил черепаха в старую котомку и побежал восвояси. Но черепах схитрил, посоветовав такое леопарду: он хорошо знал, что старая котомка была очень трухлявая и что он без труда сможет расплести бамбуковые соломинки в уголке.

Не теряя времени, он принялся за работу и был очень рад, когда очутился на мягкой траве; только перед тем он

наложил в котомку, и навоз остался там. «Так леопард не почувствует, что котомка стала легче», — засмеялся черепах и пошел домой. На минуту он остановился, чтобы оправиться от страха, и пошел к своему приятелю высказать ему свое мнение о его поведении.

Леопард также пришел домой и велел немедленно греть воду.

Одному из своих сыновей он приказал созвать всех друзей и знакомых на пир:

«Скажи им, что я поймал черепаха, когда он воровал орехи, и мы его все вместе съедим».

Сын ушел, и гости собрались...

В эту минуту Винсент ткнул старика в бок и велел ему замолчать. Слева из-за рощицы доносился стон.

Тихий и жалобный, он раздавался с правильными интервалами. Экипаж подвигался дальше, и стон становился громче. Обоз повернул, и в ста шагах поодаль на опушке обозначилась фигура голого мужчины, привязанного к дереву. Мириады мух, пчел, ос кружили облаками вокруг дерева, садились на испещренное кровавыми рубцами тело, на красные полосы, обильно покрывавшие лицо, руки, грудь, на большую рану в бедре, — покрывали все тело, как черная дымка. Вокруг стояли унтер и несколько туземных солдат. Унтер покуривал трубку и давал какие-то указания полуобнаженным солдатам.

Франсуа, как бешеный, выскочил из экипажа и побежал к дереву.

Одновременно выпрыгнул и Дюваль и также побежал к дереву. Но они не пробежали еще полпути, как Франсуа ощутил, что его руку выше локтя словно сжали железные клещи.

За ним стоял запыхавшийся Винсент. Тяжело дыша, отрезая каждое слово, он произнес:

— Обратно, сию минуту назад! Назад, говорю тебе!

Франсуа заколебался. Рядом стоял матрос; его крепкое, обветренное лицо вдруг передернулось, прищурился левый глаз, он резко повернулся и решительно направился к фуре. Франсуа постоял еще полсекунды и побрел назад. Рука Вин-

сента все еще сдавливала его бицепс.

— Ты взбесился, что ли? — прошептал Винсент.

Голый мужчина, увидев их, застонал сильнее. Он выкрикивал какие-то слова, умоляя избавить его от нестерпимой муки. Только теперь путешественники увидели, что он стоял в муравьином гнезде. Франсуа почувствовал, как рука Винсента сжалась сильнее.

Матрос, не оглядываясь, спешил к фуре.

— Запомни, друг, — уже спокойнее сказал Винсент, — ты можешь благополучно застрелить десяток негров, изнасиловать дюжину женщин, но все наше дело пропало, если ты выкинешь что-нибудь подобное.

Колониальное управление шуток не любит. Вернувшись в Париж, ты можешь, если хочешь испортить себе карьеру, писать в газеты, но если ты здесь скажешь хоть слово — пиши пропало! Одно то, что ты заинтересовался судебной расправой местных властей, может стоить нам жизни. Пристрелят потихоньку где-нибудь по пути, а в газетах напишут, что дезертиры, сбежавшие с дорожных работ, убили двух проезжих, и дело с концом!

Вот уже третий день отряд продирается сквозь тропический лес. Все идут пешком, несколько лошадей везут пару-тройку клеток. Остальные остались на Экваториальной станции. Дюваля нет. Он исчез еще до того, как экспедиция достигла станции. Франсуа совсем пал духом. Невыносимая жара. Одежда плотно прилегает к телу: москиты проникают всюду и не дают ни минуты покоя. Крохотные пиявки быстро пробираются сквозь фланель и жалят не хуже москитов.

Над головой, спереди, сзади сплошной хаос ветвей, листьев, стволов.

Гайд-парки, саванны остались в памяти, как ясный сон, как далекое воспоминание.

Франсуа трясет лихорадка. Нечем дышать, но надо идти, разводя ветки, увязая по пояс в грязи, отгоняя москитов, сбрасывая с себя пиявок.

Парит, как перед грозой во Франции, но воздух в тысячу раз гуще. В эту пору, перед сезоном дождей, духота достигает предела. В глазах поминутно зеленеет, пляшут разноцветные круги, колени подгибаются. Винсент хватает друга за руку, ставит на ноги, и они идут, плетутся дальше и дальше. То и дело приходится останавливаться. Огромная трясина, сколько хватает глаз, блестит темным зеркалом. В него вросли, впились тысячерукими корнями деревья. Ни пройти, ни проплыть. Ищут проход, обогнули, пересекают рукава реки, каналы без конца и края и снова оказываются перед мангровым озером. Посередине всплывает какой-то черный ломоть и погружается снова. Это бегемот — он не страшен в этом жутком лесу, где на каждом шагу змеи, муха цеце, малярия.

Винсент не говорит ни слова. Он сам, опытный, бывалый путешественник, безмерно страдает. Он давно бросил развлекать Франсуа и следит только за тем, чтобы тот не упал.

Головорезы идут молча. У них нет оружия. Вооружены только Винсент и больной Франсуа. Головорезы идут впереди, и яростная ненависть их взглядов погружается, за неимением двух французов, в зеленые чащи тропического леса.

Выпрыгивают два зеленых попугая и, как клоуны, начинают что-то лепетать. Франсуа не видит и не слышит. Он начинает забываться. Все чаще он оказывается в Париже — в Булонском лесу — нет, это саванны, и голый мужчина, облепленный мухами — не мужчина, а женщина, это Камилла — она дико визжит, протягивает руки к Франсуа: «Где ты был так долго, я умираю!» Франсуа чувствует, как у него слабеют колени, он садится, он ложится спать.

Сильным движением руки Винсент еще раз поднимает Франсуа, омывает ему лоб водой, пытается влить сквозь стиснутые зубы немного коньяка. Но зубы щелкают, как пулемет, дикий взгляд блуждает в пространстве.

«Стойте», — кричит Винсент. Отряд останавливается. Сбрасывают одну из клеток, она с тяжелым хлюпаньем уходит в грязь, и на спину лошади привязывают Франсуа. Винсент затягивает узлы. Старик из Камеруна возится вокруг Франсуа, растирает ему затылок, стучит по спине. Последний

узел завязан, отряд трогается. Рядом с потерявшим сознание Франсуа, поддерживая его, гладя по голове, идет старый негр и рассказывает ему сказку:

— ...Собрались гости.

Когда вода уже кипела и клокотала — леопард осторожно развязал котомку. Но какой же ужас он испытал, когда там не оказалось черепаха! Встревоженный леопард стал торопливо копаться в орехах и листьях. Тут и кизяки покатились из котомки, и он понял, как черепах от него сбежал. Все гости смеялись над ним, некоторые говорили даже, что леопард просто хотел их обмануть. Смеясь и издеваясь над ним, все ушли. Леопарду было очень плохо, он лег в кровать, и сыновья решили, что он хочет забыться сном. Но они ошибались, потому что леопард только закрыл глаза, чтобы спокойно обдумать, как ему вернее отомстить.

Дружба собака и черепаха ничуть не ослабела; они попрежнему навещали один другого и часто говорили о своем неудачном приключении. При этом собак произносил длинные речи об «испуге» и однажды сказал: «Если бы мне, например, сегодня свалился бы на голову орех, я не издал бы ни звука, а просто сказал бы: «Гм! гм! гм! Макекембе-ламоту-ла-моту-ма!»

«Если ты так уверен, — ответил черепах, — то могу тебе только сказать, что я хотел бы еще раз попробовать это дело, но только я должен знать наверняка, что ты не закричишь. На этот раз никакие хитрости не помогут — леопард наверняка убьет нас обоих...»

«Жестоко с твоей стороны не верить мне», — сказал собак и приуныл. Черепаху стало жаль его, он подал ему руку и обещал завтра же утром еще раз отправиться с ним за орехами. И впрямь, первые солнечные лучи озарили обоих друзей, шедших рядом к ореховому дереву. На этот раз черепах одолжил у одного знакомого здоровенную торбу, куда оба должны были прятать орехи. Они нашли достаточно орехов, и черепах остановился, чтобы передохнуть, как вдруг в ветвях орехового дерева что-то зашуршало.

Вдруг что-то зашуршало в ветвях, что-то свистнуло в воздухе и с хряском вошло в тело. «Пигмеи! — отчаянно закри-

чал Винсент, — пропал Франсуа», — бросился к другу, вырвал вонзившуюся стрелу, затем выхватил нож и дрожащими руками начал быстро вырезать мясо вокруг треугольной раны.

Что-то вновь зашуршало в зеленых зарослях. Винсент хотел уже оставить Франсуа и схватился за оружие, но в эту минуту в десяти шагах от него появился Дюваль.

Дюваль поднял револьвер и, не переводя дыхания, выпустил все шесть пуль туда, где зашелестели ветви.

Что-то зашуршало еще раз, захлюпало по воде и все стихло. Не останавливаясь ни на миг, словно рабочий у станка, Дюваль достал горсть патронов и вогнал их в револьвер. Теперь он прицелился в головорезов. Прошло несколько секунд — целых столетий. Дюваль медленно опустил револьвер и вдруг спокойно спрятал его в кобуру.

Тем временем Винсент, сдерживая комок в горле, вытащил из сумки пакет ваты, выдернул кусок размером с кулак, смял его в руках и воткнул в ужасную дыру на груди Франсуа.

— Не выживет! — мрачно и решительно сказал Дюваль, подойдя. — Если вы даже вырезали отравленную ткань, он все равно умрет от раны.

— Вперед! — вне себя крикнул Винсент, и отряд двинулся дальше.

К вечеру добрались до деревни. Несколько вековых баобабов, огромные банановые пальмы над бамбуковыми хижинами... Винсент вошел в первую же хижину. Дом был пуст, будто вымер. Он послал старика искать людей. Спустя четверть часа тот вернулся, размахивая руками.

— Негр не хочет давать есть. Говорит, нечего есть, — сказал он.

Тогда Винсент, поручив Франсуа и негра заботам Дюваля, пошел сам. Он миновал несколько хижин, вошел в крайнюю с противоположной стороны. Она была пуста, на полу валялись огрызки бананов. Войдя в хибару, он опустился на пол, чуть раздвинул тростник в стене и встретился глазами с чьими-то черными блестящими зрачками.

Делом секунды было просунуть в щель револьвер.

— Иди сюда, собака, — коротко приказал Винсент.

Негр вылез из-под бананового листа и появился в хижине. Не говоря ни слова, Винсент огрел его нагайкой, еще раз, еще. Негр завизжал, как побитый пес.

— Чтобы сейчас же все были здесь! — распорядился Винсент и для ясности еще раз свистнул перед носом бедняги нагайкой...

В первой хижине на груде травы лежал Франсуа и бредил. Красные горячие пятна на его щеках сменились ужасными желтыми полосами.

Он начал вопить, катался по траве, вскакивал на ноги. Пришлось его связать. Его тело было горячим и сухим. Винсент лежал возле него. Негр сидел на полу, скрестив под собой ноги. В углу мертвым сном спал Дюваль. Негр потихоньку продолжал рассказывать сказку.

— Что-то зашуршало в ветвях, и орех упал прямо на голову собаку. Собак взвизгнул и убежал, а черепаха в тот же миг схватил леопард. Он чуть не взбесился от радости и, не дав черепаху сказать ни слова, бросился прямиком домой и прибежал, задыхаясь.

Собак не успел отбежать далеко и видел, как леопард прятал черепаха в свой новый мешок.

Его мучила совесть, и он размышлял, как исправить дело. Надо было во что бы то ни стало спасти черепаха, это было ясно, но как это сделать, собак не понимал. «Пойду-ка я к колдуну», — подумал он и ушел. Колдун был дома и помог ему. Он принес несколько длинных ожерелий из нанизанных ракушек, кучу больших и маленьких колокольцев и всякие звенящие и гремящие предметы. Всем этим он обвешал собака, так что того и узнать было нельзя. Напоследок он нацепил на собака бубен и дал ему в руки палочку. Закончив, он сказал: «Теперь сядь и слушай меня внимательно. Ты пойдешь сейчас в таком виде к реке и спрячешься там. Скоро они придут за водой, потому что у леопарда дома нет воды, это я точно знаю. Когда ты увидишь их издали, приготовишься прыгнуть, а как подойдут ближе — выпрыгнешь, начнешь лаять, трястись и скакать, как бешеный. Тогда никто, даже сам лев, не отважится набрать воды, и у твоего дру-

га появится возможность спастись».

Это очень понравилось собаку; он так обрадовался, что хотел обнять колдуна. Но тот, смеясь, оттолкнул его и велел скорее бежать к реке.

Между тем леопард со своим пленником пришел домой. Бедный черепах, испуганный вконец, еще раз попытался перехитрить леопарда и просил снова положить его в старую котомку, чтобы не испортить новый хороший мешок. «Завяжи получше дыру, — говорил черепах леопарду, — я уже не буду пытаться бежать, у меня такое дурное настроение, что я ничего не могу придумать».

«Делай как знаешь, — отвечал леопард, — а только в новом мешке я уверен, а что ты не хочешь сбежать, этому я не верю; я уж позабочусь, чтобы ты не сбежал».

Итак, дела черепаха были совсем плохи, и он с ужасом услышал, как леопард поручил гонцам созвать всех друзей, не забывая слона и льва. Сам леопард стерег черепаха как можно бдительнее, не вышел даже встречать гостей, а подождал, пока они все не собрались. Оказалось, что в кувшинах совсем не было воды.

«Пусть мои сыновья пойдут и наберут воды», — сказал леопард. Он также развел большой огонь. Черепах переходил из рук в руки, каждый хотел его рассмотреть. Все расспрашивали леопарда, как он его поймал. Вот он собрался еще раз красочно поведать эту историю, как вдруг его сыновья с криками ворвались в дом. Они никак не могли успокоиться и все громче кричали, что в реке завелось что-то жуткое и что они чуть не умерли от испуга.

«Что за чепуха», — сказал леопард, не обращая внимания на шум, и попросил нескольких ближайших друзей пойти и набрать воды.

Но вскоре вернулись и те, донельзя испуганные, и подтвердили то, что рассказывали леопардовые сыновья. Тогда поднялся лев и надменно сказал: «Я сам пойду за водой». Затем он кивнул зайцу и тот привязал к нему бутылки и кувшины. Но быстро вернулся и лев. Он дрожал всем телом, а грива его стояла дыбом.

Когда все увидали его издали, то сильно испугались, а еще больше испугались, услышав его рассказ. «В жизни ничего подобного не видывал, — рассказал лев. — Это, должно быть, какая-то нечистая сила, потому как то, что я видел и слышал, было не зверем и голос у него был не зверя. Это было что-то ужасное, и оно двинулось на меня, и тогда я упал на землю, но сразу вскочил на ноги и убежал, хотя тот призрак еще долго за мной гнался».

«Ах, прошу тебя, — сказал слон, — что там может быть? Я еще никогда ничего не боялся и теперь не боюсь, и никто не отговорит меня ходить на речку». — «Так иди», — гневно ответил лев. Заяц подскочил за кувшинами, но когда он хотел снять их со льва, тот зарычал и повернулся к нему спиной — ведь во время бегства он все их разбил. Но слон рассмеялся и сказал зайцу: «На черта мне эти кувшины, у меня же есть хобот». И он спокойно потопал к реке.

Оставшиеся напряженно ждали его возвращения. Да, он вернулся, но уже издали видно было, что он разгневан; он громко трубил, а когда он стал перед ними, страшно было на него смотреть, и все окончательно убедились, что им грозит смерть и гибель на реке, если они еще раз осмелятся пойти туда.

Леопард очень разволновался. Все говорили теперь между собой об ужасном призраке, каждый рассказывал, какой он и как он его увидел — один только леопард ничего не видел. Он решил во что бы то ни стало побывать на реке. Если бы он так не боялся! Но тут ему кое-что пришло в голову. Он подошел к гостям и сказал им так: «Дорогие друзья, я благодарю вас за то, что вы все пришли и готовы мне помочь; я также верю, что в реке завелся неизвестный зверь, на которого боязно даже смотреть; верю, что он вас, друзья мои, сильно испугал, но я думаю, что теперь вы все его знаете и готовы еще раз увидеть, а потому я хотел вот что вам предложить: давайте все пойдем к реке и попытаемся вместе поймать и убить этого зверя». После этой долгой речи звери начали перешептываться; они рассуждали, можно ли еще раз отважиться пойти на реку; в конце концов, одни решили идти, другие нерешительно двинулись следом, и скоро все об-

щество направилось к реке; впереди шел слон, за ним лев, а за ними, прячась по возможности за деревьями и кустами, плелся леопард. Все и думать забыли о черепахе и о новом мешке и думали только об одном: «Что с нами будет на реке?» Когда последний зверь вышел из дома, черепах тоже выбрался на дорогу, но к реке не пошел — он-то давно подозревал, что собак придумал какую-то штуку, чтобы его спасти. И пока он шел, не торопясь, он с беспокойством думал о своем приятеле, потому как понимал, что если собаку и легко было испугать и прогнать всех поодиночке, не так-то легко будет провести всю компанию — и горе ему, если обман раскроется. Но тревожился он впустую: едва черепах свернул на лесную дорогу к своему дому, собак уже шел ему навстречу. Он, как увидел всех зверей вместе, не стал зря терять время и сразу убежал, потому что думал, что черепаху наверняка уже выпала возможность спастись. Встретившись, они очень обрадовались. «Извини, дядюшка», — тихо произнес собак. Но черепах сказал: «Оставь, ты показал себя хорошим товарищем, только я больше не пойду с тобой красть орехи».

Леопард с компанией были очень удивлены, когда нашли на реке тишину и спокойствие; они вернулись в большом смущении, а леопард еще и над всеми смеялся. Но он перестал смеяться, когда обнаружил дома пустой мешок. Все разошлись в очень плохом настроении и сказали друг другу, что больше не станут ходить в гости к леопарду...[1]

...Ночью Винсент проснулся, ощутив на себе руку негра. Резким движением Винсент так оттолкнул старика, что тот докатился до Дюваля. Дюваль вскочил на ноги.

— Чего тебе, собака? — закричал Винсент.

— Мистье, мистье Франс... — забормотал негр.

Винсент бросился к Франсуа. Тот лежал неподвижно. Грудь его высоко поднималась, он со свистом дышал сквозь ноздри.

— Умирает, — сказал Дюваль.

---

[1] Сказка, приведенная в этой главе, вошла в сборник «Сказки первобытных народов» под ред. Петникова, ДВУ (*Прим. авт.*).

Винсент не проронил ни слова. Он хорошо знал этот свист. Надеяться было не на что. Через четверть часа Франсуа скончается. Винсент подошел к нему, взял его за руку и сел.

Прошло десять минут. Свист медленно слабел, грудь едва поднималась. Еще пять минут и Франсуа не станет. Винсент склонил голову на руки. За время путешествия он успел полюбить горячего, искреннего Франсуа. Он заранее радовался его счастью в Париже с Камиллой.

Минуты тянулись одна за другой, как годы. Все тише, глуше становился свист, почти не поднималась грудь. Оставалось три, две с половиной, две, полторы минуты...

Вдруг Дюваль, неподвижно стоявший возле Винсента, поднял голову и стал прислушиваться. Прошло несколько секунд. Дюваль сорвался с места и выскочил из хижины. Винсент услышал, как его быстрые шаги зазвучали в том направлении, откуда они пришли. Ему и в голову не пришло, что Дюваль может убежать, настолько он был в нем уверен.

С минуты пробуждения Винсент чувствовал какую-то вялость и безразличие ко всему. Его колени ослабели; он поднялся и стал присматриваться к Франсуа.

Минуту спустя в хижину нервным шагом вошел Дюваль.

— Наши головорезы сбежали с лошадьми и багажом. Я слышал лошадиное ржание в четверти версты отсюда. Догнать их никак не получится. Надо возвращаться к Экваториальной станции.

Винсент не отвечал. Он прислонился к стене и стоял неподвижно. Дюваль подошел к нему и зажег спичку. Глаза Винсента расширились и блуждали в безвестности. Его трясла лихорадка. На груде засохшей травы лежал мертвый Франсуа, в углу копошился негр и бормотал что-то нелепое. Дюваль не шевелился...

— Макекембе-ла-моту-ма-ме, — дико выкрикнул негр.

По лесу прежним путем шли обратно три человека. Опираясь на плечо старого негра, шел еще не совсем выздоровевший Винсент, впереди решительно шагал Дюваль. О поручении Дюверье сейчас нечего было и думать. Надо было как можно скорее добраться до Экваториальной станции.

Путешественники уже третий день пробирались по тропическим лесам. Впереди все время решительно и твердо шагал Дюваль. Полную тишину леса нарушал только хохот зеленых попугаев и шелест и хруст веток и растений под ногами. Бананы, которые они взяли с собой из негритянской деревни, уже закончились.

Дюваль надеялся найти где-нибудь баобаб и поживиться его листьями. Пока что он отламывал зеленые веточки и, пожевав их, выплевывал. Его мучили голод и жажда. Он почти ничего не ел, а свои бананы отдал Винсенту и негру.

Они немного отдохнули, ища баобаб на более сухом месте. На пригорке рос великан с «обезьяньим хлебом»[1] на ветвях. Дюваль ускорил шаги; ему безумно хотелось есть. Листья баобаба, вещь в целом съедобная, теперь были для него желаннее пышного обеда в ресторане. Но, не дойдя нескольких шагов, он остановился. У дерева спиной к нему лежал какой-то человек. Дюваль вынул револьвер и стал осторожно приближаться к дереву. «Эй, друг», — крикнул он. Мужчина не оглядывался. Дюваль выстрелил. Пуля с сочным всхлипом вошла в дерево. Мужчина даже не пошевелился. Тогда Дюваль быстро подскочил к нему, пнул его ногой, и мужчина перекатился на другой бок. Лицо его было покрыто насекомыми; сотнями ползли они из глаз, из носа, из ушей, — лицо было наполовину съедено.

— Бородач! — воскликнул Винсент, подходя.

— Они его убили, — сказал Дюваль. — Они все погибнут в этом лесу без компаса и с лошадьми, — спокойно добавил он. Что-то завозилось под одеждой на животе у мертвеца. Дюваль потрогал ножом его куртку, и из живота хлынул целый легион пестрых жуков.

— Поедим, — сказал Винсент. Дюваль забрался на дерево и, ломая ветки с листьями, стал бросать их Винсенту и негру, жадно глотая сам в перерывах.

Наевшись, негр оборвал листья с веток, собрал их и набил им мешок. Они двинулись вперед. Затем Дюваль снова остановился и стал прислушиваться. С юга доносился какой-

[1] В Африке так называли любимые обезьянами плоды баобаба.

то приглушенный гул; словно гудело море, время от времени с грохотом разбивая свои волны о скалы. Они прошли еще несколько шагов. Гул звучал все громче и приближался. «Назад, к дереву!» — вдруг крикнул Дюваль, схватил Винсента за шиворот и бегом направился к баобабу. Как кот, он вскарабкался на ветку, подтянул Винсента и стал помогать негру. «Неужели это слоны? — сказал Винсент. — Они здесь истреблены, осталось мало».

«Нет, мистье, это не слоны», — испуганно сказал негр. Гул приближался, теперь это был сплошной треск, хруст и топот — словно буря неслась по тропическому лесу. Гул все нарастал, слышно было, как ломались ветки, падали деревья. Мимо баобаба промчались зайцы вперемешку с шакалами. Они неслись, не обращая внимания друг на друга и будто не замечая трупа. Гул перерос в шторм. Дюваль забрался повыше и подтянул негра и Винсента. Неожиданно из чащи выкатилась темная туша и пронеслась мимо дерева, за ней вторая, третья, десятки, сотни. В мгновение ока на месте зарослей, молодняка, деревьев образовалась равнина. По ней мчались, обгоняя друг друга, снося все на своем пути, огромные темные туши.

«Носороги!» — пролепетал негр. Он трясся всем телом. Еще минута, и стадо исчезло из виду. Вместо путаницы ветвей, лиан, зарослей, травы теперь простиралась широкая просека, на ней кое-где одиноко торчали вековые баобабы, уцелевшие от ужасного нашествия. Страшная просека тянулась на несколько лье. По дороге у снесенного дерева валялись втоптанные в землю куски одежды, оторванные руки, нога с торчащими из земли пальцами, раздавленные, разорванные трупы. Головорезы оказались на пути взбешенных носорогов. Напрасно Дюваль и негр искали хоть что-то съедобное: все было втоптано в землю, раздавлено, уничтожено.

На следующий день негр погиб в зарослях. Случилось это так: из ветвей высунулось что-то длинное, черное, схватило старика и утащило его в зеленую чащу.

«Удав», — закричал Винсент, но в то же мгновение какое-то черное, мохнатое чудовище перелетело с одного дерева

на другое, ближе к Винсенту. Дюваль был в нескольких шагах впереди. Он поднял револьвер, но неожиданно опустил его и бросился к Винсенту. Горилла на миг замерла, выбирая между двумя врагами. Винсент выстрелил. Раненый зверь с диким ревом кинулся на него. Но Дюваль прыгнул к горилле, как кошка, и всадил пять пуль ей в голову. Зверь взмахнул лапами и тяжело шлепнулся вниз. Винсент, получивший от него пинок, лежал без сознания. Через минуту он пришел в себя и поднялся на ноги. Огромный зверь умирал, дергаясь всем телом. В нескольких саженях от него лежал негр с разорванным горлом.

Голодный, обессиленный Винсент не смог преодолеть любопытство и подошел к зверю. Тот затих и лежал, как первобытный человек, раскинув руки, лицом вверх. На голой ладони что-то сверкало. Винсент пригляделся. На палец лесного великана было надето золотое кольцо. Какое-то время Винсент и матрос с изумлением смотрели друг на друга. Наконец матрос подошел к горилле, отсек ножом палец и снял украшение. Это был перстень старинной работы с вырезанной на нем буквой «L».

До Экваториальной станции оставалась неделя пути. Изможенные Винсент и Дюваль едва передвигали ноги, падали на каждом шагу, засыпали в грязи. Винсента снова трясла лихорадка. Все это время они шли молча. Но однажды вечером, когда они лежали, обнявшись, в грязи, Дюваль неожиданно начал говорить.

«Мы, наверное, не дойдем до станции, Винсент, — сказал Дюваль, и его хриплый голос прозвучал мягко и нежно. — Я не Дюваль! Я не француз. Мое имя — Андрей Волк».

Винсент громко щелкал зубами. Он еле разобрал, что говорит Дюваль, и кивнул головой в знак того, что слушает.

«Я пошел с вами по поручению своей организации. Тот человек, привязанный к дереву у дороги, был мой земляк!» Винсент повернулся к Дювалю, он вспомнил теперь, кем был Дюваль. Да, это был он, тот самый солдат, о котором он рассказывал Франсуа.

«Как вы попали сюда?» — пробормотал он, преодолевая

слабость. — «Я приехал по поручению товарищей ради несчастных, работающих на строительстве дороги, ради белых рабов с Украины, обтесывающих камни в Конго. Матрос Дюваль, чьи документы я использую — мой партийный товарищ из Франции. Я следил за вами все время, пока вы были на “Либерии”. Помните, кто-то подслушал ваш разговор с головорезом в каюте? Это был я.

Вы не ошиблись. После выигрыша я пожертвовал все деньги организации, я бросил играть и пить.

Теперь вы понимаете, почему я исчез незадолго до прибытия на Экваториальную станцию. Мне удалось кое-что сделать для белых рабов — я дал им некоторые адреса, оставил несколько листовок. Я надеялся начать работу как следует по возвращении в Либервиль. Но суждено было иначе. Мы отсюда не выберемся. Вы офицер французской армии. Вы служили противоположной стороне. Если бы мы встретились при других обстоятельствах — я, не колеблясь, застрелил бы вас, как собаку.

Но теперь мы оба все равно погибнем. Мы не пройдем и три лье. А до станции еще сотни. Завтра или послезавтра мы погибнем здесь. Все кончено. Мы товарищи пред лицом смерти. Простимся же, товарищ!..» И Дюваль крепко поцеловал Винсента в губы. Затем он вынул из кобуры револьвер.

Раздался выстрел. Пуля попала Винсенту в голову. Но стрелял не Дюваль. Мгновенно он овладел собой и откатился, хватаясь руками за траву, в кусты. Как кошка, перевернулся на живот и стал ждать. Раздался второй выстрел — пуля просвистела у него над головой. Дюваль громко и жалобно заскулил. Из чащи высунулись две головы и вышли два-три туземных солдата. За неграми осторожно шел белый унтер-француз. Негры схватили Винсента за ноги и поднесли тело к унтеру. Унтер начал медленно расстегивать куртку Винсента.

В эту минуту Дюваль, прицелившись в унтера, свалил его с ног. Вторым выстрелом он положил негра и, выскочив из кустов, приставил другому к груди револьвер. «Бросай винтовки», — коротко скомандовал он. «Ложись!» — скомандовал второй раз. Затем подошел к унтеру, вытащил из его кар-

мана пакет с хиной и жадно проглотил одну, другую, третью порцию. «Шагом марш!» — скомандовал он в третий раз...

Через две недели по дороге в Либревиль ехал в экипаже белокурый человек. На станциях он предъявлял бумаги на имя офицера запаса Винсента Поля. Сыпя деньгами направо и налево, он вступал в разговоры с унтерами и интересовался положением рабочих, мостивших дорогу.

Глава 4

КАВАЛЕРГАРДСКОГО ПОЛКА РОТМИСТР

Разговоры маятника. Муравьед. Перстень, о котором читатель кое-что узнал в главе 3. Нападение большевиков. Полка Ее Величества ротмистр. Танец шести свечей. Настроение Дюверье все портится. Кровь на лаковых туфлях. Эдит наконец соглашается на предложение д-ра Рипса.

Дверь бесшумно приоткрылась, и в комнату просунулся длинный, любопытный нос.

Все было тихо. Из-за потрепанной занавески над кроватью доносилось ровное дыхание. Птица в углу чистила клюв в своей клетке, мята в крошечных горшочках на окне наполняла комнату болотной свежестью.

Все было хорошо, и потому, нос, передернув несколько раз ноздрями, скрылся. Маятник болтал медным животом, а стол, безногие калеки-стулья и потертый шкафчик прядали ушами и слушали. Вдруг стенные часы охнули, захрипели и приготовились бить. За занавеской что-то пошевелилось. Часы пробили, испугались и умолкли. Вещи тоже сникли и больше не слушали — они были уже безжизненны. Теперь слушала, как тикают часы, Эдит.

Эдит хотела подняться и не могла. Спина была словно лубяная, а вместо руки — огромный куль из бинтов. Она с любопытством повела глазами по комнате. Вспомнила: в шлюпке было холодно и мокро. Зубы стучали, как эти часы — только чаще. Еще проблеск сознания — лицо Рипса — острая боль в руке, кто-то склоняется над рукой и делает перевязку. Перед этим руку сгибают — мельтешение зеленых молний и серый покой.

Потом долго ехали на чем-то, и каждую секунду боль отдавалась в руке. Теперь рука очутилась в этой комнате на кровати рядом с Эдит.

Никогда еще этой руке, когда она была стройна и чиста, а не представляла собой неуклюжий сверток из полотна и марли, не доводилось просыпаться в такой нищенской

комнате. В романах, страницы которых она небрежно листала, героини имели привычку просыпаться в будуарах, подобных будуару Эдит в Нью-Йорке. А если какая-то героиня и рождалась под дымным потолком подвала, то страниц через 200-300 она меняла печальную участь на ковры под ногами, тигровую шкуру и дымчатые кружева. Хотелось есть, было очень сыро и неприятно.

Скрипнула дверь, и вновь просунулся любопытный нос. Почувствовал, что не все хорошо, потому что за ним просунулось продолговатое лицо, похожее на морду муравьеда — на нем, как две кнопки, блестели сереньких глаза.

— Кто вы? — спросила Эдит.

Вместо ответа вновь скрипнула дверь, и нос муравьеда спрятался.

Эдит услышала, как кто-то шепотом советовался в соседней комнате. Один голос был мужской.

Зато, когда муравьед — он же хозяйка — вернулся в комнату, Эдит узнала, что ее звали мисс Вуд. Она называла Эдит Мартой. Значит, Эдит из осторожности не сказала своего настоящего имени.

— Вы останетесь у меня, пока не выздоровеете. Один ваш добрый друг вчера привез вас сюда и просил меня позаботиться о вас.

— Кто такой?

— Его имя — Джим Рипс!

Далее мисс Вуд рассказала о погоде, о квартирной плате, о сырости, о ценах на мясо, о своем ревматизме, о том, где находится уборная и еще о многих интересных вещах...

Огромная площадь была заполнена народом. Над приглушенным гудением толпы носился световой луч и рисовал на экране подробности гибели транспорта «Виктория».

Портреты капитана, помощника капитана, вахтенного, миллиардера Мак-Лейстона, которому принадлежал пароход, и младшего юнги, парня десяти лет.

Взрыв. Густые тучи дыма — и больше ничего. Корма парохода: люди и крысы прыгают в воду, копошатся у лодок. Рядом воронка кипящей воды уже затянула нос корабля.

Люди на шлюпках. Вдалеке торчит корпус «Виктории»...

Дальше длинные столбцы погибших и спасшихся. Кое-какие портреты.

Гарри протиснулся поближе к экрану, он был близорук — ему хотелось узнать, не попал ли кто-нибудь из американских товарищей в эту историю. Усталыми глазами пробегал он имена людей, которых никогда не знал и никогда не узнает.

Вдруг он вздрогнул. Не веря своим глазам, он схватил за плечо соседа. Тот, не понимая, посмотрел на молодого рабочего и вежливо выругался.

«Марта Лорен» — прочитал Гарри в списке тяжело раненых. Завтра он начнет ее искать.

На второй день своего пребывания на улице такой-то Эдит послала телеграмму отцу. Потом еще и еще. Ответа не последовало.

Мисс Вуд пожимала плечами, и ее ноздри раздувались. Она была искренне удивлена.

Эдит пришлось отдать ей два своих перстня: мисс Вуд была так бедна, а Эдит должна была рано или поздно получить ответ от Лейстона.

Но один перстень она не отдала — перстень старинной работы с выгравированной буквой «L». Лейстон подарил ей его в день конфирмации. Перстень был широкий, мужской, и Эдит носила его на большом пальце. Это был некий сувенир молодых лет Лейстона. Но она не знала, что с ним было связано.

С каждым днем тревога Эдит росла.

Мисс Вуд говорила о ценах на мясо, о своем ревматизме, о сырости в комнатах, о лучших способах выводить клопов и о голоде в России и Украине.

Голод намеренно устроили большевики. Эдит вспоминала, как Лейстон уверял ее, что большевики разрушили страну своим неумением вести хозяйство. Но мисс Вуд настаивала, что голод большевики инсценировали умышленно.

Каждое утро Эдит, просыпаясь от гудков, видела в окно, как проходили на фабрики рабочие. Эти люди очень редко попадались ей на глаза в Америке — они малокультурны и их не пускают в приличные дома.

Она видела желтые лица с блестящими глазами, заскорузлые руки, худые тела в дешевой одежде и чувствовала себя как диккенсовская героиня, которая хотела бы помогать бедным людям, но сама не имеет денег.

Рядом с ее комнатой жили две работницы с текстильной фабрики. Впрочем, одна из них была безработная: ее уволили за то, что ее брат участвовал в рабочих митингах.

Она приходила к мисс Вуд убирать комнаты. Не говоря ни слова, мыла пол, вытирала пыль, выносила ведра с помоями и ящики с мусором.

Однажды вечером в комнату вошла мисс Вуд. Она несла в руках запечатанную телеграмму. Эдит бросилась навстречу и здоровой рукой распечатала телеграмму: «NEW-YORK 20/5 — 22, LONDON-STREET. Мак-Лейстон отныне НЕ ИМЕЕТ ДОЧЕРИ. Мак-Лейстон».

Работница мыла пол. Увидев, что Эдит откинулась назад и побледнела, как смерть, она быстро подошла к ней и поддержала ей голову. Мисс Вуд вышла, ее позвал кто-то из квартирантов.

— Что с вами, мисс? — спросила Кэт.

Эдит рассказала, как она несчастна. Как она хотела помочь тем голодным рабочим и как она, о Боже! — сама, вероятно, скоро будет голодать. Что это с ее отцом? Он ведь сам поставляет продукты для АРА, как он мог бросить ее голодной!

Кэт слушала — лицо ее становилось все строже.

— Что с вами, Кэт? — спросила теперь Эдит. Она впервые разглядела ее сейчас. Раньше она казалась каким-то механическим существом, предназначенным для уборки и мытья полов. Теперь это была девушка с рыжими волосами, худощавая, но хорошенькая. Тонкие, плотно сжатые губы. Блестящие глаза, как у тех людей, которые столетие назад штурмовали Бастилию, а пять лет тому перевернули вверх дном Россию и Украину, создали грозную армию и написа-

ли много прекрасных поэм, и лучшую их них сотворили своими жилистыми руками в собственной стране...

— Что с вами, кто вы? — спросила Эдит.

— Я безработная! — ответила та. — За то, что я убираю чужие комнаты, ваша знакомая мисс Вуд не выгоняет пока меня из моей.

— Но с чего вы живете?

— Я безработная! Мне не выдают помощь из кассы, потому что мой брат пошел против союзов.

— Против рабочих союзов? — спросила Эдит. — Тогда он штрейкбрехер! Это те смелые люди, которых так ненавидят рабочие за то, что они больше заботятся об интересах государства, чем о рабочих.

— Нет, он не штрейкбрехер. И штрейкбрехеры не смелые люди, а дрянь! Мой брат большевик!

Эдит сделала жест отчаяния. Она хотела что-то сказать, но работница сурово продолжала. Да, это была уже не та Эдит Мак-Лейстон, чей пальчик был страшнее молнии. Не гордая полубогиня, а слабая никчемная девушка. Без чеков и документов она напоминала рыбу, выброшенную на берег.

— Пока не расстреляют таких, как ваш отец, у нас не будет порядка, — заявила Кэт. — И расстреляем их мы!

— Но...

— Вы хотите сказать, что они дают нам работу и помогают голодным? Да! завтра или послезавтра мне придется продаваться на улице. Вы знаете, для чего увольняют рабочих? Для того, чтобы производить меньше товара, чтобы он стал дороже! Понимаете вы это? Производят меньше товара, чтобы он был дороже — вы это знаете, но вы этого не понимаете. Вы поймете, что это такое, когда выйдете на улицу продаваться.

— Я хотела помочь голодным, — тихо сказала Эдит. — За что вы на меня набросились?

— Да, вы хотели помочь голодным. Эх, вам все равно не понять, в чем дело... Ну, сидите! — Кэт погладила Эдит по голове. — Сейчас придет Вудиха; вы ее, кстати сказать, ос-

терегайтесь, вам от нее добра будет немного. Может, когда-нибудь найдем работу.

И Кэт вышла...

...Дела шли все хуже. Белья не было, и Эдит уже не удивлялась грязным рабочим детям. Она принялась искать работу. На нее смотрели, будто она свалилась с луны. Не знает никакой специальности и хочет получить работу, когда вокруг голодают опытные старые рабочие.

Некий средний буржуа предложил ей воспитывать его детей; но, когда она уходила, он ее обнял. У нее похолодело сердце. Она чувствовала, что до улицы ей уже недалеко.

Сбегая с крыльца, она наткнулась на какую-то фигуру. Это был Рипс.

— Куда это вы? — сказал он ласково.

— Я... я иду домой! — сказала Эдит.

— Позвольте вас проводить! — Рипс, не дожидаясь ответа, взял ее под руку и пошел с ней рядом.

— Как вы себя чувствуете у мисс Вуд?

— Благодарю вас, очень хорошо!

— Когда вы собираетесь ехать в Нью-Йорк?

У Эдит замерло сердце.

— Я не собираюсь! — ответила она.

— Так вы все-таки хотите ехать в Россию?!

— Да! — механически ответила она .

— Да... — повторил Рипс. После этого он остановился, выпустил руку Эдит и сказал:

— Слушайте, дорогая моя! Я все знаю. Мисс Вуд рассказала мне о том, какую телеграмму вы получили от мистера Мак-Лейстона. Не морочьте себе голову. Я предлагаю вам выйти за меня замуж.

Эдит посмотрела на следы болезни на его лице. Кэт говорила ей, что кавалеры, портящие девушек, обещают им жениться на них.

Она еще раз посмотрела на следы ужасной болезни и представила их на своем теле.

— Не беспокойтесь, д-р Рипс, — сказала она, — и оставь-

те меня в покое. — Рипс хотел что-то сказать. — Не беспокойтесь, д-р Рипс, и оставьте меня в покое — я согласна! А теперь ступайте и сегодня ко мне не приходите.

Порыскав долгое время по больницам и гостиницам Лондона, Гарри пошел в сыскное бюро — в адресном он не мог добиться толку и пришлось, следовательно, обращаться к легавым.

Собственно говоря, Гарри не очень-то надеялся найти за каких-нибудь два шиллинга ищейку, которая поможет ему отыскать Марту Лорен, но в передней сыскного бюро ищейка сама обратилась к нему и согласилась работать за шиллинг и два пенса...

Была суббота. В кабачке было полно народа — матросы, портовая шпана, несколько рабочих. Гарри заходил туда, надеясь встретить кого-нибудь из американцев.

В дверь вошел атлетически сложенный человек с диким выражением маленьких черных глаз. Он подошел к какому-то столику; за ним сидели четверо уже сильно подвыпивших посетителей. Он стал у столика; разговор вдруг утих, все четверо встали, как по команде, и пошли к другому столу. Атлет сел за стол, сгреб объедки вместе с тарелками на пол и стукнул кулаком.

Подбежала девушка на высоких каблуках, накрашенная и набеленная. Он что-то буркнул. Она постояла еще мгновение и задрала юбку. Но пришедший не обратил никакого внимания на этот маневр и, ударив еще раз кулаком по столу, потребовал выпивки.

Четверо, сперва со страхом и ненавистью поглядывавшие на атлета, снова принялись пить. Один из них накачался, казалось, до последней степени. Он говорил о немцах, французах, армейских ботинках, о каком-то своем изобретении. Электрическая сетка для улавливания мин в океане. Он размахивал в воздухе руками и бил себя кулаком в грудь.

— Лорды, миледи, джентльмены и многоуважаемая шпана, не проходите мимо... Вот тут сидит человек, который способен перевернуть вверх ногами всю подводную поли-

тику враждующих держав!

Икая и приправляя свою речь нецензурными выражениями, он начал излагать доказательства важности и нужности своего изобретения, но вдруг кивнул головой и смолк.

— Кажется, легче поймать его самого на бутылку виски, чем мину в его сетку, — сказал Гарри соседям.

Оратор очнулся, поднял голову и диким пронизывающим взглядом уставился на Гарри. Затем рот его раздвинулся в широкой улыбке, и он, достав из кармана какую-то бумажку, передал ее Гарри. Гарри спрятал бумажку в карман и вышел. «London-street, 31, Wood. Miss Martha Loran».

...Вот она. Ищейка нашла дичь. Оставалось проверить. Не стоит ли за этим что-то другое? Гарри привык не слишком полагаться на детективов. Но надо было найти ее во что бы то ни стало. Гарри шел быстро; он пересек сквер, свернул направо в узкую улочку Уайтчепла. 71 — 69 — 67 — 65 — 53 — 51 — 49 — 37 — 35 — 33...

На следующий день после встречи с Рипсом Эдит встала очень рано. По ее просьбе Джим Рипс должен был увезти ее в восемь часов вечера из этого дома, где она пережила столько тяжелых часов. Сказав мисс Вуд, что скоро вернется, Эдит вышла на улицу. Ее глаза искали три золотых шара над дверью. В конце концов она нашла то, что ей было нужно.

Под тремя золотыми шарами располагался ломбард. Там бедняки могли заложить свои лохмотья и достать полпенса на хлеб. Толстый, как боров, молодой человек с перстнями на пальцах и серьгами в ушах привычным жестом взял из рук Эдит кольцо и бросил его на доску.

— Продаете, закладываете? — спросил он равнодушным голосом.

— Сколько вы дадите? — спросила Эдит. — Это старинное кольцо...

— Не стоит рассказывать, мисс! Берем на вес. Можем дать два шиллинга. Хотите заложить?

Эдит взяла кольцо и вышла. За дверью она остановилась. Она не знала, что делать.

— Вы потеряли свой платочек, мисс! — сказал кто-то. Она увидела мужчину, размахивающего платком, словно официант из ресторана салфеткой.

Эдит прочла в его глазах искреннее сочувствие и спросила:

— Будьте добры, скажите, где я могу продать этот перстень?

— Перстень? — удивился мужчина. — Позвольте поглядеть.

Он долго рассматривал перстень, переводя глаза с него на Эдит и обратно.

Если бы Эдит меньше хотелось есть, она, пожалуй, ярче прочувствовала бы свое положение: вот она стоит с последним средством для жизни в руках, если не считать девятнадцатилетнего тела, взращенного долларами и еще не утратившего своей ценности.

Но ей, прежде всего, хотелось есть.

— Пойдемте! — наконец дружелюбно сказал мужчина. — Я помогу вам в этом деле.

Они пошли вдоль улицы.

Мужчина привел Эдит в лавочку, где продавались всякие бытовые вещи; все было покрыто пылью, будто здесь никто не торговал уже недели две. За прилавком стояла толстая женщина.

— Мисс хочет продать перстень! — сказал мужчина. Толстуха взяла кольцо и начала его разглядывать. Мужчина подошел к ней поближе и шепотом сказал что-то, указывая на перстень.

«Снова предложат два шиллинга, — с горечью подумала Эдит. — И этот такой же, как все».

— Сколько вы хотите за кольцо? — спросила толстуха.

— Фунт! — в отчаянии ответила Эдит.

— Я покупаю его у вас, — сказала толстуха. Эдит получила деньги, вышла и направилась домой. Недалеко от дома мисс Вуд она заметила, что ее догоняет какой-то подвыпивший мужчина. Эдит ускорила шаги и взбежала, запыхавшись, по лестнице.

Дождавшись ухода мисс Вуд, Эдит собрала вещи, спря-

тала жалкий пакетик под кровать, чтобы он не попался хозяйке на глаза, и начала обдумывать план действий. Выглянула в окно.

Перед дверью стояла какая-то женщина в огромной шляпе, дорого и некрасиво одетая. Увидев Эдит, она спросила:

— Скажите, это не 31-й номер?

— 31-й, — ответила Эдит.

— Не здесь ли живет мисс, которая дает уроки детям?

Мысли молниеносно забегали в голове Эдит. Она ищет воспитательницу для своих детей. Надо решаться.

— Это я! — ответила Эдит. Голос ее прозвучал хрипло.

Дама затопала по лестнице, столкнулась с мисс Вуд, и они вместе вошли в комнату.

Эдит попросила мисс Вуд оставить ее на минутку с дамой. Мисс Вуд состроила гримасу и вышла: она получила определенные инструкции от доктора Рипса.

Но нос ее отошел недалеко; ноги переступали на одном месте, а нос прижался к щели между дверью и косяком.

— Говорите тише, — сказала Эдит, — на кровати больной ребенок!

— Ваш ребенок? — спросила дама без всякого удивления. Это произвело на Эдит приятное впечатление.

– Нет, не мой, – сказала она на всякий случай (гувернанток с детьми берут очень неохотно!).

— Так вот, — сказала дама, — мне нужна учительница для двух девушек, 8-ми и 10 лет. Вы возьметесь?

— С радостью, — ответила Эдит.

Нос за дверью раздул ноздри. Ничего не было слышно.

— Вы будете получать фунт в месяц. Еда, белье и жилье мои.

— Я согласна, — сказала Эдит, едва скрывая свою радость. — Я хотела бы переехать к вам сегодня же.

Дама выразила согласие кивком головы.

Эдит немного удивилась тому, что дама на все соглашается. Кроме того, ее лицо казалось немного знакомым. Видимо, она встречала ее на улице. Может, это одна из тех напыщенных мещанок, которые ходят, как павлины, и пренебрежительно смотрят на бедно одетых людей. Где же она

ее видела?

Но Эдит готова была перетерпеть все, лишь бы не попасть в руки многоуважаемого доктора.

Шофер с удивлением услышал адрес. Уайтчепл? Какие дела могли привести элегантного господина в Уайтчепл?

Господин посасывал трубку и улыбался. Ему везло. Он уже видел, как рука об руку со спасенной Эдит предстанет перед глазами мистера Лейстона.

— Добрый вечер, мисс Вуд! — сказал доктор, входя в комнату.

— Мистер Рипс, я здесь ни при чем! — забормотала почтенная госпожа. — Да и зачем я стала бы это делать?! Я совершенно ни при чем!

— Успокойтесь, пожалуйста, и говорите прямо. В чем дело? Денег вам нужно, что ли?

— О, мистер Рипс, Эдит сбежала!

— Как? — тяжело проглотил д-р слюну. — А вы здесь для чего? Куда она сбежала? Когда сбежала? Говорите скорее, goddam!*

— Часа через три назад. Она взяла свои вещи. К ней приходила какая-то дама!

— Дама? — переспросил Рипс и вышел из комнаты, отняв у мисс Вуд надежду вылечить ревматизм. Выходя, он увидел молодого человека, разговаривавшего с какой-то рыжей женщиной. Человек этот бросился к Рипсу. Доктор вскочил в машину, захлопнул дверцу. Шофер столкнул молодого человека с подножки, тот упал, автомобиль помчался по мостовой.

Через четверть часа несколько ищеек обнюхивали все уголки Уайтчепла.

Но Эдит исчезла, будто ее корова языком слизнула или какие-нибудь духи унесли на небо. Во всяком случае, ангелы, провернувшие это дело, работали чисто, не хуже сыскных собак. Ставка на Эдит была бита. Приходилось искать другие пути.

---

* Черт побери (*англ.*).

В этот момент доктору попалось на глаза газетное сообщение о заседании комиссии при Высшем королевском институте.

Около пяти часов вечера парижская толпа на площадях, улицах, бульварах заволновалась. Десятки тысяч экземпляров экстренного выпуска «Le Petit Parisien» разошлись по фиакрам, омнибусам, трамваям, авто, по рукам пешеходов.

Газеты выхватывали из рук. Спрос превысил тираж. Удивлялись, жестикулировали, кричали.

Экран редакции «Le Petit Parisien» осаждала толпа, ожидая подробностей.

Впрочем, и так было достаточно ясно, что произошло.

Все: извозчики, франты, перекупщики, мастера, рабочие, лавочники, проститутки, буржуа, мальчишки, профессора взволновались, загудели пчелиным роем, и везде гудело одно и то же: «Большевики! Нападение! Нападение! Нападение! На полицию! Удушающие газы! Отравление! Отравление!»

...В районном полицейском управлении все было тихо и спокойно. На улице стояла такая давящая жара, что и мухи притихли. Дежурные клевали носами. В три часа привели арестованных; их разместили по камерам в ожидании допроса. Было тихо, каштаны заглядывали в окна. Затем пришли два агента из какого-то дальнего района. Они передали какие-то бумаги и ушли. Все было тихо. Каштаны заглядывали в окна.

Вдруг лица чиновников побледнели. Один хотел было позвать другого на помощь, тот звал первого. Глаза вылезали из орбит. Все бросились к выходу. По дороге некоторые падали, другие спотыкались о них, тоже падали, поднимались на четвереньки, останавливались миг передохнуть и валились лицом вниз на пол. Из незапертых еще камер бежали часовые и с ними арестанты. Но полу, на лестнице, везде неподвижно лежали люди с посиневшими лицами — только время от времени подергивались в судорогах ноги. Какой-то полицейский офицер с посиневшим лицом загора-

живал лестницу. Вдруг он захрипел, взмахнул руками, и через него перевалилось, переползло, перекатилось несколько человек.

Кроме 4-х трупов, составлявший протокол чиновник отметил еще какие-то небольшие капсулы: «Капсул — 6, трупов — 4, тяжело отравленных — 12, золотой дамский медальон — 1».

— При чем здесь медальон? — размышлял агент. В медальоне обнаружилась карточка голой по пояс женщины. Карточка была немедленно переснята и разослана по сыскным бюро. Некоторые камеры пустовали. В других лежали отравленные арестанты...

Привычным движением пальцев Камилла покрывала лицо и шею «общим тоном». Электролампа в 100 свечей бросала резкий ясный круг на кресло, в котором сидела танцовщица.

Плавал запах «Coty». Она должна была танцевать на руках между свечей. «Франсуа», — вздохнула Камилла. Ей немного нездоровилось, и поэтому она чувствовала себя сентиментальной. Потом она встала и принялась массировать икры на своих крепких ногах. Пролетели воспоминания — деревня, где она жила в детстве в одном доме с Франсуа. Директор цирка. Первый покупатель с квадратным пенсне на толстом носу и короткими склизкими пальцами. Короткие склизкие пальцы ощупывали ее ноги и поднимались выше. Она хотела закричать, но кричать было нельзя. Затем Дюверье и ее отвратительные обязанности в кафе Синей Обезьяны. Они надеялись заработать денег. Но у Дюверье накопились их векселя, и пришлось Франсуа ехать в Африку за обезьянами. Он плакал у нее в комнате, он что-то предчувствовал, но надо было ехать, чтобы освободиться от Дюверье. Судиться с ним было невозможно; он был приятелем Пуанкаре и развлекал господ из «Action Française»[1], заправлявших всей Францией.

[1]Крайне правое монархическое политическое движение во Франции, созданное в 1899 г.

«Дюверье! — подумала Камилла. — Он сейчас зол, как зверь». Исчез Креве, партнер Камиллы в ее гнусной роли, нет известий об экспедиции.

Из зала донеслись звуки тамтама. Камилла расправила плечи и вышла. Сегодня ей предстоит танцевать на руках между шести свечей.

У двери ее встретил Дюверье: как всегда, в бархатном пиджачке, в кружевном воротнике, с седыми кудрями — артист своего дела.

— Через полчаса я вам кое-что расскажу. А теперь идите!

Через полчаса! Значит, он получил телеграмму и почему-то не хочет ее показывать. Ох, что случилось? Камилла покачнулась, постояла с минуту и вышла в зал. Слюнявые старики с обвисшими губами и кадыками задвигались в креслах — это были хозяева Франции, некоронованные короли, члены Action Française. Каждого из них она знала, знала каждое пятнышко на их раздутых животах, покрытых сейчас белоснежными пластронами. Она не заметила, как закончила танец и оказалась в своей комнате. На ноге что-то саднило, видимо, она обожглась о свечу. Нужно что-то сделать, намазать, но руки не поднимаются.

Франсуа! Ей было нехорошо и она становилась все более сентиментальной.

Тихонько дрогнула дверь. Камилла приподнялась, оперлась на руку. Напряженно ждала. Что такое? Почему Дюверье не входит? Дверь тихо скрипнула и стала медленно отворяться. На лбу у Камиллы выступил холодный пот. Она вспомнила историю с обезьяной, ворвавшейся в комнату, где она была с Лейстоном.

— Кто там? — воскликнула она неестественно звонким, напряженным голосом.

Дверь распахнулась и на пороге появился жгучий и похожий на парикмахерскую куклу брюнет с сочными полными губами.

— Креве, — ахнула Камилла. — Ты до смерти испугал меня, подлец! Где ты был? Дюверье ищет тебя и совсем разозлился.

— Молчи, женщина! Плевал я теперь на твоего Дюверье.

Креве вытащил браунинг, подошел к Камилле, поцеловал ей ногу и сел на скамеечку лицом к двери.

— Ты слышала, что большевики отравили полицейских? Так вот, это не большевики, а мой патрон. Завтра мы уезжаем в Россию. У него денег больше, чем у Дюверье. Хочешь, поедем с нами.

— Пошел вон! — сказала Камилла.

Креве сдавил ей ногу. Она дала ему пощечину.

— Пошел вон! — прошептала она. — Не то я закричу, и тебя арестуют.

Креве с яростью посмотрел на нее и, крадучись, вышел.

Камилла откинулась на спинку дивана — она чувствовала себя разбитой. Франсуа! Как давно они не были с ним в Булонском лесу. Там, у рощицы, сейчас сумерки — но почему такой туман? Франсуа еще не пришел. Пусто.

Пробежала какая-то лошадь без хозяина. Почему она такая полосатая, словно накрашенная? Она видела таких в какой-то книге. Душно, парит. Туман.

Вот и Франсуа: он идет тяжело, как будто ноги его с каждым шагом погружаются в землю. Остановился, она хочет броситься к нему и не может — она привязана к дереву. Что-то жжет, она видит, как огромная уродливая муха жалит ее в ногу, еще одна, десятки, сотни. Они ползают по рукам, по груди, по лицу...

Что же Франсуа? — Он протягивает руки, идет все медленнее, его ноги все глубже уходят в землю. Он близко, на лице ужасное выражение смертельной тоски, он протягивает руку, уходит все глубже в грязь, по колени, по плечи. Дикий крик, и все исчезает в грязи...

В комнату вошел Дюверье. Камилла билась на кровати в лихорадке. Зубы ее беспрестанно стучали, как пулемет.

— Слушайте! — сказал Дюверье. — Слушайте, — повторил он. — Я получил телеграмму из Либервиля!

— Что такое? — визгливо воскликнула Камилла. — Где Франсуа?..

Креве шел по улице, завернувшись в широкий плащ. Не хочет эта шлюха с ним ехать, — и не надо. Найдутся лучше.

Он едет в Советскую Россию с паспортом на чужое имя, с хозяином, у которого денег без счета и еще больше.

Ему и вправду надоело заведение Дюверье. Сперва пришлось трудно. Креве вспомнил, как он, кавалергардский офицер, полка Ее Величества Императрицы Марии Федоровны ротмистр, шатался по Парижу, не имея куска хлеба, не имея франка на женщину.

Дюверье предложил ему выгодные условия. Он должен был раздетым делать комбинацию с обезьяной, а господа из «Action» смотрели на это в окошко и, распалившись до крайности, брали Камиллу. Работа была для кавалергардского офицера нетрудная и даже приятная.

— В этом есть известная экзотика! — хвастался он в ресторанах.

Платили вдоволь. Офицерские нужды удовлетворялись — все было хорошо.

Но теперь будет еще лучше. Ему крупно повезло. На кой черт ему эти обезьяны, если он будет иметь сколько угодно женщин?

Кроме того, он едет в Россию... Он посмотрит на разбойников, отнявших у него имение и загнавших его в кафе Синей Обезьяны. Посмотрит, как они подыхают с голоду. «Что ни говори, а Бог их наказывает», — философски рассуждал Креве, направляясь к доктору Рипсу. Прохожие с любопытством поглядывали на красивого брюнета с сочными губами.

Дюверье был совершенно взбешен. Креве исчез, экспедиция не привезла обезьян. Прежних Креве заразил сифилисом; новый кавалергард, нанятый вместо Креве, не хотел приступать к работе. Винсент Поль вызывал смутные подозрения; по просьбе Дюверье департамент полиции уже разослал приказание задержать его в первом же порту. И теперь еще история с Камиллой. Эта истеричка — с нее станется — еще выкинет какой-нибудь финт. Дюверье мягко сказал:

— Ну же, успокойтесь, девочка!

— Успокаивайтесь сами, подлая тварь! — закричала Камилла. – Что вы сделали с Франсуа?

— Франсуа не вернется, — начал объяснять Дюверье. — Франсуа, раззява эдакий, погиб в джунглях из-за собственной неосторожности!

Камилла поначалу не поняла. Затем перед ее глазами завертелись зеленые круги, и она рухнула на пол. Кровавая слюна потекла из накрашенного рта на блестящие лаковые туфли Дюверье. Он вздрогнул: с нижнего этажа донесся хриплый стон человекообразной обезьяны.

Глава 5

ПРОБЛЕМА ПРОТЕИНОВ

Профессор Двел и проблема протеинов. Гарри на химическом заводе. Заседание комиссии при Высшем научном институте. Спасите английскую промышленность! Человеколюбивый профессор Мессеби. Последняя роза лета. Кэт в аптечной лавке. Награда за изобретение протеина от человеколюбивого правительства Англии. Полинезиец Тони. Лианы, наконечники для стрел. Сбор племен под банановым листом. Мессеби еще раз доказывает свое человеколюбие. Сернокислотный завод и рыжие чешуйки. Тони чихает. Гром среди ясного неба. Первый отец пускает дым из черной коробочки. Убийцы с арбузами на головах. Лейстон в Лондоне. Мессеби заперт. Гарри становится брюнетом.

Не отыскав Марту Лорен, Гарри нашел себе место на сернокислотном заводе под Лондоном. В Нью-Йорке он проработал три года в лаборатории органической химии профессора Двела, ставившего эксперименты по получению искусственного белка. Профессор Двел достиг значительных по тем временам результатов; ему удалось извлечь протеины, на которые разлагается белок при переваривании, и что самое главное, протеины эти были у него не горькие-прегорькие, как у других исследователей, а вкусные, их можно было употреблять без капсул. Однако изготовление протеинов по методу Двела обходилось еще дороже прочих способов, и следовательно, гигантская задача накормить человечество искусственными белками была в его разработках очень далека от окончательного решения. Грамм протеинов стоил Двелу примерно полдоллара, так что натуральные белки оставались пока в сотни раз дешевле искусственных протеинов. Однако Двел тщательно оберегал свою работу от посторонних глаз; у него не было ни одного лаборанта из образованных людей, он не допускал в лабораторию ни одного студента, а в помощники брал простых ребят из числа умелых рабочих, которых обучал технике дела, избегая объяснять им научные основания и значение своей работы.

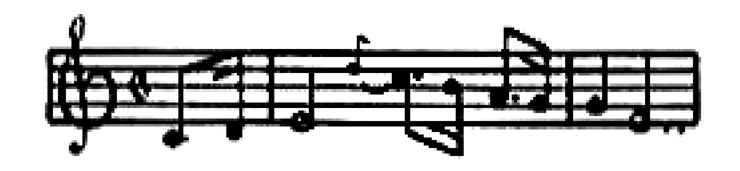
Геморроидальный старичок и не подозревал, что Гарри Руперт дома прилежно штудировал органическую химию и был вполне в курсе дела; Двелу и в голову не приходило, что его «малообразованный» помощник во многом опередил своего учителя.

С помощью немецких и французских товарищей Гарри по ночам изучал специальные труды, посвященные протеинам, сравнивал чужие методы работы с методами Двела и раз за разом убеждался, что ни другие исследователи, ни Двел не стоят на правильном пути. Ему нужно было только немного поработать самому, чтобы усовершенствовать способ получения дешевых и питательных протеинов.

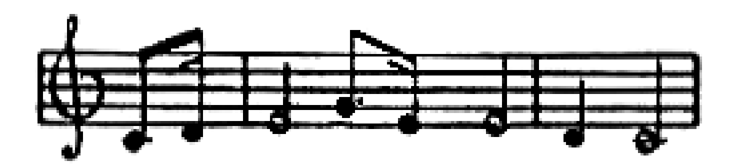
Итак, Гарри явился в контору сернокислотного завода. Старый клерк просмотрел его рекомендации и свидетельство из лаборатории Двела и задумался.

— В сернокислотном цехе мест нет, — сказал он наконец. — Я попробую рассказать о вас главному химику — он интересуется органической химией. Здесь сказано, что вы работали у Двела. Посмотрим. Приходите завтра после работы.

И вот Гарри уже четвертый месяц работает в лаборатории органической химии на кислотном заводе.

Это Гарри, он идет через сквер домой и весело насвистывает «The last rose of summer» («Последняя роза лета»). Просвистев первое колено, он слышит сзади голос:

Голос немного хриплый, но приятный. Поет девушка. Гарри останавливается и ждет. — Good evening! — подходит она. — Good evening! — отвечает Гарри. Она берет его под руку, и они идут вместе по скверу, выходят на улицу, переходят площадь. Они молчат, девушка крепко прижимается к Гарри и заглядывает ему в лицо. Гарри искоса присматривается к ней. Она худощавая, у нее красивые глаза, губы красные, лицо белое. Жаль только, что она такая худая. Они молча идут дальше.

— Как тебя зовут? — спрашивает наконец Гарри, чтобы завязать разговор.

— Кэт! На улице я зовусь Глэдис, но ты называй меня Кэт, так меня звали дома.

— Почему ты ходишь на улицу? — лениво спрашивает Гарри и продолжает таким образом, сам того не замечая, вековую традицию разговора с проституткой.

— Нет работы! — отвечает Кэт. — Я работала на текстильной, меня уволили. Слушай, любимый, купи поесть.

Гарри считает это желание законным и покупает в магазине хлеба и колбасы на шесть пенсов. Кэт жадно ест. Они идут молча: хлеб и колбаса мешают Кэт разговаривать. Гарри пока что закуривает дешевую сигару. Кэт снимает с колбасы шкурку и откусывает большой кусок.

— Что ж ты такая худая? — спрашивает Гарри, видя, что она съела колбасу и доедает хлеб.

— Сказала же тебе, нет работы. На улице такая, как я, много не заработает.

— Здесь тоже нужно умеючи, — соглашается Гарри. – Ты наелась?

Девушка проглатывает последний кусок хлеба и поплотнее прижимается к Гарри. Он чувствует своим телом все ее бедное тело. Они снова идут молча.

— Скоро я буду богат, — вдруг говорит Гарри.

За три дня до этого в Высшем королевском институте состоялось экстренное заседание. От правительства на нем присутствовал лорд Гексли, глава правления треста химических фабрик Великобритании. Доклад профессора Мес-

себи был выслушан с напряженным любопытством. В аптекарских лавках Лондона появился препарат «Альбо»; упаковка рекомендовала давать препарат детям и выздоравливающим после болезни взрослым. Анализ, проведенный профессором Мессеби, доказывал, что «Альбо» был не чем иным, как искусственным протеином, с очень приятным вкусом, напоминающим грецкие орехи — и, главное, крайне дешевым, настолько дешевым, что это угрожало переворотом во всей пищевой промышленности.

— Этот препарат, — завершил доклад профессор, — может за полгода вытеснить половину всех пищевых продуктов, которые покупает беднота. Ему не удастся заменить продукты, потребляемые богатыми; но если (о чем еще рано говорить) этому искусственному протеину удастся придать разные вкусы, совершенно неизвестно, что произойдет с пищевой промышленностью.

По окончании доклада в небольшом зале, где собрались избранные специалисты, воцарилось молчание. Представители культуры с чрезвычайной серьезностью обдумывали дело. Наконец самый молодой из участников, какой-то выдающийся доцент, спросил у докладчика:

— Интересно было бы узнать, насколько многоуважаемый мистер Мессеби уверен в том, что его выводы верны. Ведь профессор Двел...

Доцент умолк и вопросительно посмотрел на коллег.

— Вы кончили? — спросил Мессеби. — Разрешите мне? Да, профессор Двел в последней работе доказывает: производство съедобного протеина долго еще будет настолько дорогим, что не сможет повлечь за собой никаких пертурбаций в системе потребления. Но мы стоим перед наглядным и бесспорным фактом.

— Позвольте мне спросить, — сказал лорд Гексли. — Скажите, достопочтенный профессор, сколько стоит этот искусственный протеин?

— В продаже он стоит сейчас вдвое дешевле, чем мясо. Но нет никакой гарантии, что на практике он не стоит в пять раз дешевле. Ведь поставщик в данном случае не ограничен никакой конкуренцией, и ничто не указывает на то,

что продажная цена отражает реальную себестоимость.

— Еще вопрос, — сказал доцент. — Вы отметили, что об этом рано еще говорить, но намекнули, что, возможно, существуют способы придавать этому препарату различные вкусы. Я просил бы вас, если можно, пояснить, имеются ли фактические основания говорить о вероятности этого.

— Я уже сказал, — ответил Мессеби, — что об этом рано судить, и я очень рад, что мой молодой коллега, — Мессеби подчеркнул слово «молодой», — это заметил. Впрочем, я поясню, что дало мне повод высказаться так, как я выразился. В одном из пакетов я нашел протеин, немного отличавшийся по вкусу от других препаратов. Препарат из этого пакета напоминал своим вкусом не грецкий, а скорее обычный английский лесной орех.

При этих словах собравшиеся зашевелились. Лорд Гексли нервно переместился в кресле, словно его что-то толкнуло. Доцент иронически усмехнулся.

— Совершенно очевидно, — продолжал Мессеби, — что перед нами две возможности: либо изобретатель уже нашел способ придавать препарату тот или иной вкус (я считаю это невероятным), либо вкус препарата изменила случайная примесь, случайное изменение в процессе изготовления. Учитывая, что среди сотни препаратов в одинаковой упаковке я нашел только один, отличавшийся немного по вкусу от других, я считаю... скажем так, я убежден в том, что это явление случайное.

— Мы должны поблагодарить профессора Мессеби, — взял слово престарелый глава собрания, заплесневелый, как гриб, профессор Льюис. — Я думаю, что практическая сторона вопроса выяснена. Подробности химических процессов едва ли интересны представителю правительства, — Льюис сделал жест в сторону лорда Гексли. — Я считаю, что мы должны просить его светлость высказаться по сути доклада уважаемого профессора Мессеби. (Еще один жест в сторону лорда Гексли.)

— Моя речь будет краткой, — сказал тот. — Препарат нужно немедленно и строжайше запретить. Комиссия постановляет запретить его как вредный для здоровья. Продав-

цы будут оштрафованы за продажу ядовитых препаратов. Химик, пропустивший препарат в патентной палате, будет отдан под суд. Комиссия должна позаботиться, чтобы препарат никоим образом не мог поступить в продажу. Правительство займется розысками изобретателя и производителя и прекратит их деятельность. Я кончил.

Услышав слова лорда Гексли, один из профессоров нервно махнул рукой. Но, оглянувшись на коллег и не найдя поддержки, он осекся и не сказал ни слова. С минуту все молчали. Наконец Льюис сказал:

— Кто хочет взять слово?

Все молчали. Затем доцент сказал:

— По моему мнению, безопасность английской и мировой промышленности безусловно требует тех мер, которые предложил его светлость лорд Гексли. В наше неспокойное время мы рисковали бы вызвать беспорядки, разрешив продажу подобного препарата. Его производство нужно немедленно ликвидировать.

— Кто хочет высказаться? — повторил Льюис. — В таком случае, я думаю, что выражу общее мнение, если скажу, что мы не можем ничего возразить против предложения его светлости. Кто за предложение, прошу поднять руку! Принято единогласно. Объявляю собрание закрытым.

Гарри и девушка проходили мимо аптекарской лавки.

— Знаешь что, — сказал Гарри, — вот на тебе два пенса: зайди в магазин и спроси коробку «Альбо». Только узнай, много ли его покупают. Иди, а я подожду на улице.

Кэт взяла деньги и вошла в лавку, а Гарри стал, насвистывая, расхаживать по тротуару.

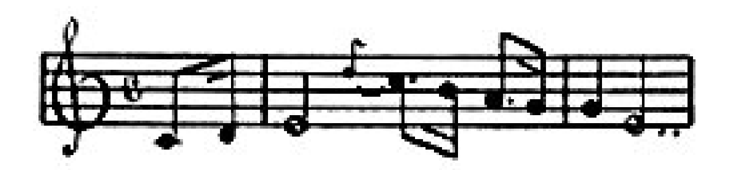
Он прошелся раз, прошелся другой, остановился у двери. Кэт стояла у конторки и что-то говорила. Вдруг дверь

распахнулась, и мимо Гарри пробежал мальчик из лавки. Гарри лениво посмотрел ему вслед.

Мальчик подбежал к стоявшему на углу полисмену и что-то ему сказал. Полисмен выслушал, что-то спросил и направился к лавке.

«Поймали мою девушку, — подумал Гарри. — Видно, она действительно безработная». И он глянул сквозь стеклянную дверь в лавку. В этот момент Кэт сделала ему знак рукой. Сперва Гарри подумал, что она просит его ей помочь.

«Безнадежное дело», — развел руками Гарри. Но Кэт еще раз махнула. На сей раз Гарри понял. Он должен бежать как можно скорее. Полисмен с мальчиком были уже в десяти шагах от двери.

Гарри засвистел и лениво удалился. Увидев, что полисмен вошел в лавку, он ускорил шаги, перешел через улицу, свернул в переулок и поспешил прочь...

У дома Гарри дожидалась какая-то темная фигура. Гарри притворился, будто ему нет никакого дела до собственной квартиры и, посвистывая, пошел дальше. Все это начинало ему не нравиться. Еще меньше понравилось ему поведение темной фигуры, которая последовала за ним с явным намерением его догнать. Уже темнело. Гарри оглянулся вокруг и стал было размышлять, как избавиться от шпиона, но тот вдруг заговорил.

— Товарищ Руперт, — сказал он, — не убегайте, я не шпик. Я работаю с вами на одном заводе; только я в сернокислотном цехе.

Гарри узнал его голос. Это был немолодой рабочий-американец, поступивший на завод после него.

Гарри остановился.

— Пойдемте к вам, — сказал рабочий, — на улице неудобно разговаривать.

Гарри пожал ему руку, и они поднялись по лестнице. В комнате Гарри зажег лампу и посмотрел на рабочего. Это был могучий человек с обветренным, загорелым лицом. Кожа на его лице и руках еще не успела приобрести мертвенно-желтый цвет от работы в серном цехе, но под глазами уже легли красные круги. Через все лицо шел шрам.

— В чем дело? — спросил Гарри.

— Это я должен спросить вас, в чем дело! — ответил низким голосом рабочий. — Мессеби нашел в своей лаборатории что-то завернутое в платок. Платок лежал в чьей-то рабочей одежде. Я видел, как он показывал эту одежду сторожу, и тот сказал, что она принадлежит Гарри Руперту. Тогда Мессеби спросил, где проживает Руперт, то есть вы. Если бы он хотел сделать вам нагоняй, то отругал бы вас завтра в лаборатории. Нет, вас хотят по какой-то причине арестовать.

— Когда это было? — нервно спросил Гарри.

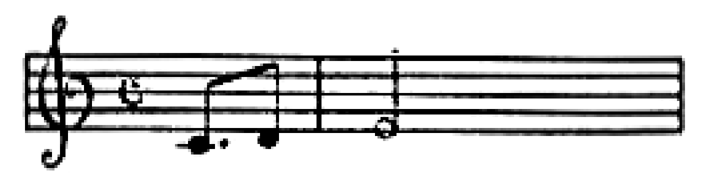
— Около часа назад — я оставался на внеурочной работе. Вам надо отсюда убираться, товарищ. Будьте здоровы.

Гарри вылил в раковину что-то из стоявших на столе реторт, собрал какие-то пакеты и вышел вслед за рабочим. Он догнал рабочего на улице.

— Слушайте, — сказал Гарри, — я расскажу вам, что было в платке. Но посоветуйте мне, где спрятаться.

— Пойдемте ко мне, — коротко сказал рабочий.

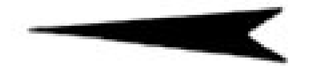
Они повернули в Уайтчепл.

— засвистел было Гарри, но резко оборвал себя. На душе у него кошки скребли.

Полинезиец Тони попал на сернокислотный завод три дня тому. Звали его не Тони, а как-то иначе. Но на заводе его записали как «Тони», и теперь все его так называли.

На прекрасном пароходе уходили ввысь высокие сухие стволы, с них спускались лианы, а внизу лежали огромные бухты старых и мертвых, высохших лиан. На пароходе Тони кормили, и он мог целыми днями греться на солнышке. Время от времени он нащупывал в штанах наконечник стрелы, который нашел на пароходе — наконечник просто лежал себе, и никто его не поднимал. Мешали греться только штаны. Они щекотали тело и прилипали к бедрам — но снять их было нельзя. Когда Тони попытался раздеться, его больно огрели ровненькой круглой веточкой по спине. Он лежал на солнце и рассматривал, просыпаясь, так счастливо найденный наконечник стрелы. Он имел такую форму:

и был с палец и еще полпальца длиной, и стоил не меньше четырех куриц и очень много бананов...

Теперь Тони должен был изо дня в день, поднимая тучи пыли, грузить в здоровенные блестящие сундуки блестящие серые камни. На заводе их называли «пиритом». Было очень жарко, и это было хорошо, но очень воняло, словно разом сдохли все шакалы, и это было плохо. Тони непрерывно чихал и кашлял. На двор не позволяли выйти, хотя и на дворе было не лучше. Там стоял сухой лес, на стволах висели ровные-ровные лианы, воняло еще сильнее и так же чихалось и кашлялось. Повсюду разлита огневая вода, сжигающая все, чем к ней притронешься. Люди злые и мрачные. Они не черные и не белые, а желтые, как китайцы, еще более желтые. Ногти у них черные и изломанные, из глаз текут слезы; они злые и хмурые. Никто из них не знает ни слова по-человечески, все говорят по-английски, только один здоровый дядька умеет что-то сказать, как следует, по-человечески. Тони назвал его отцом и хотел поцеловать в колено, но тот ласково оттолкнул его, взъерошил ему ку-

черявую копну на голове и велел работать дальше. После работы он брал его с собой, менял монеты на еду, и они ели вместе. До сегодняшнего дня он брал его к себе и спать, но сегодня он позвал Тони и сказал, чтобы Тони шел спать к Джемсу — теперь Джемс будет ему отцом. Джемс, приветливо улыбаясь, кивнул головой и хлопнул Тони по спине. Тони снова принялся бросать в сундуки этот пирит.

Вдруг все смолкли, засуетились и стали работать быстрее. Тони оглянулся: рядом со старшим смотрителем стоял какой-то белый — это был сам Мессеби, профессор, главный химик завода. Он что-то говорил смотрителю, а тот, вытянувшись в струнку, как солдат, стоял перед ним и кивал головой. Тони сник, загреб лопатой, сколько мог, пирита и бросил в сундук. Он и не видел, как Мессеби ушел, он работал и ничего не слышал.

— Кто из вас знает работника лаборатории органической химии по имени Гарри Руперт? — спросил смотритель. Рабочие переглянулись — снова большевиков ищут! — мелькнула догадка.

Несколько человек сказали, что знают Руперта — видали его в портерной.

— Где его можно найти?

Рабочие снова переглянулись: «Неужели Руперт тоже большевик?» Мимо цеха прошли вагонетки с пиритом и остановились у печей. Никто не отвечал. Вагонетки выбросили пирит.

Смотритель повторил вопрос и ушел.

Он пересек двор и постучался в лабораторию. Мессеби не было, он сидел в своем кабинете. Мессеби не хотел давать адрес Руперта полиции, он хотел сперва переговорить с ним сам и узнать способ производства протеина. Как ни любил уважаемый профессор английскую промышленность, собственную славу и деньги он любил больше всего на свете. Он мог бы продать рецепт Союзу Советских Государств; при одной мысли о миллионах благородное сердце профессора забилось сильнее. Там голод! Он получит миллионы и прославится как спаситель человечества. В конце концов, можно и жить там, в Советском Союзе. Нужно только ра-

зыскать Руперта и вытянуть из него рецепт. Он совершенно не желал отдавать сейчас Руперта полиции: чего доброго, его светлость лорд Гексли сам воспользуется формулой...

Вошел смотритель.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Мессеби. — Неужели никто его не знает?

— Никто ничего не говорит, — ответил смотритель. — У нас, однако, записан в книге его адрес...

— Сколько можно? — рассердился Мессеби. — Разыщите какого-нибудь его приятеля. Сделайте что-нибудь, пожалуйста. И как можно быстрее, слышите!

Смотритель пожал плечами и вышел.

Мессеби встал, быстро пересек кабинет, вернулся назад, снова пересек комнату и сел. Он сам поедет к Руперту, сегодня же! Он расскажет ему о постановлении комиссии, о распоряжении его арестовать, пообещает ему спасение и узнает рецепт. В крайнем случае, арестует его прямо на квартире и изучит материалы и реактивы.

На другой день вокруг Тони началось что-то непонятное. Рабочие живо что-то обсуждали друг с другом, заглядывали в какие-то огромные письма (мальчик, как обычно, притащил кипу таких с утра), тыкали в них пальцами, кричали и спорили. Первый отец Тони стоял в углу и что-то спокойно рассказывал. Но чем дольше он говорил, тем беспокойнее становились рабочие. Смотритель суетился вокруг, подталкивал рабочих, но они не обращали на него сегодня никакого внимания. Наконец отец закончил, рабочие разошлись, но вместо того, чтобы выгружать пирит и лезть по лестнице из камеры, вышли в дверь. За секунду завод опустел. К Тони подошел второй отец, Джемс, хлопнул его по плечу и приказал идти за ним. Тони испуганно посмотрел на него и указал на лопату. Но Джемс презрительно плюнул на груду пирита, взял Тони за плечи и повернул его к двери. Потом они оделись и ушли, хотя было еще очень рано для обеда. Это было хорошо: Тони всегда очень хотел есть и вечно не мог дождаться обеда. Они вышли на улицу, догнали первого отца и пошли к нему. В жилище первого отца был

еще какой-то молодой человек. Тони заметил, что лицо у него было белое, как у Мессеби или у его господина. Отец вытащил кусок хлеба и дал его Тони. Тони сел у двери на пол и принялся грызть хлеб, громко чавкая.

— Забастовка, — сказал старый рабочий, обращаясь к Руперту, и показал ему газету. — Железнодорожники не работают, мы присоединяемся к ним, – объяснил Джемс. Гарри кивнул.

— Мессеби снова рвет и мечет, — сказал Мартин. — Он, очевидно, не хочет сдавать тебя полиции, — добавил Мартин после паузы. — В общем, думай сам. Мы идем в стачечный комитет.

Мартин поручил Тони соседу, спрятал в карман браунинг и вышел с Джемсом.

Гарри вышел с ними. Ему нужно было наведаться к себе на квартиру — он вылил реактивы из реторт, но Мессеби легко мог провести анализ и узнать их состав. Любой ценой нужно было уничтожить все следы. Гарри спешил, бежал домой.

По лестнице впереди него поднимался какой-то человек. Гарри сразу узнал в нем Мессеби. Услышав шаги, профессор оглянулся и увидел Гарри.

— Доброго здравия, Руперт! — приветливо сказал Мессеби. — Почему вас не было сегодня на работе? Мне очень надо вас видеть.

Гарри овладел собой и дружелюбно улыбнулся.

— Заходите, — сказал он приветливо.

Гарри открыл, и они вошли. Мессеби бросил ястребиный взгляд на пустые реторты и сел. Гарри остался стоять против него перед столом.

— Я буду говорить с вами откровенно, Руперт, — начал Мессеби. — Вы производите «Альбо?»

Гарри кивком головы подтвердил.

— Вы знаете, что комиссия при Высшем королевском институте строжайше запретила, под страхом самого сурового наказания, продавать ядовитый препарат «Альбо»? Нет, вы этого не знаете! Вы не знаете также и того, что выдан приказ немедленно арестовать вас. Химик, разрешивший

продажу препарата, привлечен к суду.

Профессор сделал паузу.

Гарри молчал.

— Я желаю вам добра, Руперт, — ласковым голосом продолжал Мессеби. — Мы с вами сойдемся! Я попытаюсь спасти вас от суда и ссылки. Кроме того, с вами что угодно может случиться. Вас могут убить на улице во время ареста. Могут отравить в тюрьме. В таких важных делах правительство не останавливается ни перед чем.

«Вот оно что! — подумал Гарри. — Ты хочешь выманить у меня рецепт!»

— Очень вам признателен, господин профессор! Не знаю, как вас и благодарить. Но как вы собираетесь меня спасти? Ведь правительство, как вы сказали, в таких важных делах способно применить любые средства.

Мессеби внимательно посмотрел на Гарри. На лице у того была написана наивная трусость (он действительно чувствовал себя неважно).

— Как же вы наивны! — сказал Мессеби. — Я сам имею отношение к комиссии. Я мог бы сказать, что ошибся с анализом, что протеин, как оказалось, просто органического происхождения. Как вы понимаете, мне нелегко будет это сделать. Я рискую своей научной репутацией. Чтобы защитить ее, возьмите меня в компаньоны, будем вместе производить «Альбо».

Пауза. Гарри задумчиво осматривает комнату; комната на четвертом этаже — выскочить в окно нет никакой возможности. Наконец, он говорит:

— Если вы можете мне обещать наверняка, что я не пострадаю, я согласен.

— Клянусь вам, чем хотите!

— Тогда, господин профессор, подождите две секунды. Я принесу из кладовой реактивы.

Гарри взял реторты и вышел из комнаты. Когда дверь закрылась, профессор вскочил со стула и стал потирать руки. Он едва сдерживался и готов был пуститься в пляс.

— Готово! готово! — торопливо бормотал он, бегая по комнате, хватая зачем-то книги, швыряя их обратно на мес-

то, садясь на стул и вскакивая снова.

Вдруг в двери повернулся ключ, щелкнул еще раз, и Мессеби услышал, как кто-то сбежал вниз по лестнице...

Тони надоело сидеть на полу без дела, он вытянулся и хотел заснуть, когда услышал в лесу какой-то шум. Он подбежал к большой дыре в стене, через которую можно было смотреть, но нельзя было выйти, даже плюнуть было нельзя, и выглянул в лес. Казалось, собрались все племена со всего океана. Расходясь, сбиваясь в кучи, они что-то говорили языком и руками, снова расходились, снова сбивались в кучи. Здоровенная сухая тыква, в которой бывает вода или тот желтый пальмовый сок, который пьют во время еды, был перевернута дырой вниз, и на ней стоял какой-то жрец и очень быстро говорил языком и руками. Вдруг он соскочил вниз, кучки постепенно слились в одну большую кучу, над ней развернулись какие-то красные банановые листья, и все племена отправились на войну.

В этот момент дверь распахнулась и вошел отцовский сосед.

«Идем к ним», — сказал он рукой, и они вышли на улицу. Они ускорили шаг и догнали передний красный банан. Под ним шли первый и второй отцы Тони.

На флаге было написано: «ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВЛАСТЬ СОВЕТОВ!»

Флаг нес Джемс, а рядом, засунув руку в карман с браунингом, шел Мартин. Его рубашка была расстегнута, а изпод нее выглядывал какой-то вытатуированный узор. Сосед с Тони встали во второй ряд и двинулись вместе с остальными.

На перекрестке с тротуара соскочил какой-то черноволосый субъект, перебежал улицу и бросился к флагу. Джемс посмотрел на Мартина — тот улыбнулся.

— Это Гарри! — спокойно сказал Мартин. — Иди сюда, товарищ! Из тебя получился неплохой брюнет, — добавил он. — Как дела с Мессеби?

— Я запер его в своей комнате, — ответил Гарри. — Реторты все уничтожил. Он, вероятно, не скоро начнет звать

на помощь. Сначала он попытается поискать реактивы. Что же, пусть немного поищет.

— Он предлагал тебе поделиться с ним секретом протеина? — спросил Мартин.

— Да, — ответил Гарри. — Ты угадал. Но я больше не хочу иметь дела с хищниками. Я подарю «Альбо» советскому правительству — а пока стану с вами под этот флаг.

Мартин крепко пожал ему руку.

— Мы еще поговорим с тобой на досуге о том, что обсуждали вчера ночью. А теперь становись позади. Тебе все-таки не стоит слишком уж показываться на глаза.

Гарри остановился и пропустил несколько рядов. В ту же минуту дорогу процессии пересек автомобиль. Грубый, как беркширский хряк, пассажир окинул демонстрантов небрежным взглядом, и автомобиль скрылся в переулке. Шрам на лице Мартина налился кровью. Провожая глазами толстую фигуру, он застыл на месте. Из заднего ряда на него кто-то наскочил. Мартин встряхнулся, точно вылезая из воды, и пошел вперед.

В автомобиле сидел Лейстон. Молодой доцент из Высшего института шифрованной телеграммой известил его об изобретении протеина. Лейстон решил самолично купить изобретателя вместе с его препаратом. Кроме того, ему надоело сидеть в Париже. Человек, показывавший штуки за окошком, исчез, и Дюверье еще не нашел другого. Лейстону и в голову не приходило, что изобретатель искусственного белка идет в процессии дикарей. Он направлялся к Месседи...

Демонстранты приближались к сернокислотному заводу. На четверть мили вокруг все железо, все наконечники для стрел были покрыты рыжеватыми чешуйками. Тони при мысли о заводе сразу захотелось чихать. Он забавлялся, наступая на наконечники стрел, ломавшиеся под ногой, словно сухая трава. Из-за рабочих хибар уже показались огромные голые деревья, курившиеся на обрубленных верхушках белыми облаками.

Тони чихнул в первый раз. Из переулка показались другие племена и присоединились к шествию. Над ними рея-

ли на ветру такие же красные бананы. Тони начал то и дело чихать и дернул первого отца за одежду, прося не идти на чертов завод, но тот строго посмотрел на Тони и рукой приказал ему идти. У Тони полилась вода из глаз, будто он стоял у огня. Но он твердо верил, что отец знает, что делать, и храбро шел дальше, хотя поминутно чихал, чихнул куда больше раз, чем было у него пальцев на руках и на ногах, и ему очень хотелось есть... Вдруг начало греметь, хотя небо оставалось ясным. Гремело оттуда, где был костер, из белого дыма. Люди с криками падали, пораженные молнией. Некоторые убежали, первый отец вытащил какую-то черную коробку и стал пускать из нее дым. Из-за костра выбежали белые с арбузами на головах, те самые страшные белые, что сожгли лачугу, где жил Тони на острове, и убили его родных.

Тони ужасно завизжал и хотел убежать. Но он вспомнил об отце, крепко схватил его за одежду и остался. Белые убийцы схватили его, оторвали от отца и повели, подталкивая дубинами в спину. Тони оглянулся. Красный лист лежал на земле, позади вели еще многих людей с окровавленными и исцарапанными лицами.

— Тони, сынок, не бойся, — сказал отец языком, потому что руками он молился небу. Тони еще раз жалобно вскрикнул и покорился своей участи.

Глава 6

КОРОЛЬ В КОЛОДКАХ

Бастующие и Тони в тюрьме. Тюремная еда. Круглые москиты. Запах пальмового сока. Что будет с Гарри. Малайский Уленшпигель. Барабан мальчика. Штаны с пуговицами на половинках. Король в колодках. Акции химтреста Америки падают. Лакей профессора Мессеби. Белокурый человек. Констебль-ирландец. Сержант бранится от души. Кто самый сильный? Нечеловеческий язык.

Из полицейского отделения их отвели в тюрьму и посадили в общую камеру. Тони все время, крепко вцепившись в рукав Мартина, держался рядом с ним, и солдаты их не разлучали. С шоколадного лица Тони скатывались большие капли пота. Однако он по-прежнему ничего не понимал, и, когда составляли протокол, Мартину пришлось отвечать за него.

В тюрьме было не так уж плохо. Правда, еды давали очень мало и постоянно одно и то же. Это была горячая юшка, чуть посоленная и чуть заправленная маслом. Тони заметил, что утром ее называли кофе, в полдень супом, а вечером чаем. Впрочем, никакой разницы между этими тремя блюдами на вкус не было, разве что утром и вечером юшка была, к сожалению, несоленая. К ней давали кусок хлеба, который можно было есть, только размочив его в чае или в супе. В хлебе попадались соломинки и даже щепки — это напоминало Тони его родной остров.

Зато работы поначалу не было почти никакой, да и не воняло дохлыми шакалами. Пахло только навозом, но Тони был привычен к этому запаху. Не было солнца, и это было плохо.

И еще одно сразу же напомнило Тони его родину. Это были москиты, но не такие, как дома — они не летали и не гудели над ухом, а прятались в щелях между досками. Кусались они здорово. Тони долго не просыпался, но в конце концов они его разбудили.

Он ловил москитов — они были кругленькие и красные — и, раздавив их, чувствовал запах пальмового сока. Не того, что он пил в Лондоне за обедом, а того, которым угощали матросы с кораблей.

Первый отец, увидев, как Тони охотится за москитами, сказал: «Хорошо, Тони!», и Тони стал еще тщательнее их истреблять. Он задавил их столько, что запах пальмового сока перебил запах навоза, и Тони очень захотелось выпить пальмового сока. Но первый отец сказал, что выходить нельзя, и Тони снова принялся бить москитов. Первый отец разговаривал со вторым отцом и еще с каким-то черным человеком. Черного ударила в руку молния, и его каждый день куда-то забирали. Он возвращался с рукой, перевязанной белой лентой.

— Гарри, друг мой, — сказал Мартин. — Ты хорошо сделал, что уничтожил свои бумаги, но рано или поздно они тебя раскроют. Во-первых, они когда-нибудь поймут, что ты перекрасил волосы. Во-вторых, сверят твою физиономию со всеми фотографическими карточками правонарушителей, а также с карточкой преступника Гарри Руперта, изобретателя «Альбо». На фотографии не очень заметна разница между брюнетом и блондином, а поскольку ты немного рыжеват, то и вовсе разницы не будет.

— Я это знаю, — ответил Гарри, — но никак не могу придумать, что делать. Рецепты я все уничтожил.

— Они смогут заставить тебя выдать рецепты. Ты из Америки и знаешь, что у них есть для этого способы.

— «В таких важных делах правительство не останавливается ни перед чем», — так сказал мне профессор Мессеби, — ответил Гарри. — Иными словами, меня либо убьют, либо вытащат из меня все, что нужно.

— Ты ошибаешься, — угрюмо сказал Мартин — Из тебя сначала вытащат рецепт, а после... после — тебя убьют. Никаких «или — или» здесь нет. Все совершенно ясно!

— Так или иначе, ему необходимо бежать, — сказал Джемс.

— Да, ему надо бежать. Это можно будет сделать, когда нас поведут на работу. Гарри побежит — в него будут стрелять; он либо уйдет, либо его застрелят. И в том, и в другом

случае рецепт не достанется хищникам. Гарри, сын мой, товарищ наш...

Мартин вдруг осекся.

— Я знаю, что делать! — произнес Гарри.

— Эх, если бы я знал химию! — начал Джемс. — Я мог бы тогда держать рецепт в голове...

В эту минуту дверь распахнулась, и в камеру ввели нового арестанта. Это был невысокий белокурый человек с острыми глазами. Загорелая, чуть ли не бурая кожа на его лице как-то странно контрастировала с белокурыми волосами, ровными прядями свисавшими на лоб. Ему указали койку, и он, не говоря ни слова, лег по соседству с Мартином на доски лицом вверх.

Джемс оборвал фразу. Трое товарищей посмотрели на новенького и умолкли. Это мог быть шпион! Тони упорно бил клопов, ловя их в щелях между досками на койке Мартина.

— Полно, сынок! — обратился к нему Мартин. — Иди сюда.

Тони, как котенок, вскочил, сел у ног Мартина и положил голову ему на колено.

— Расскажи мне о Тово, — сказал Мартин. — Послушайте, товарищи, малайскую легенду. Тони знает немало малайских сказок.

Белокурый человек чуть шевельнулся на своей койке и небрежно покосился на Мартина. Затем он вновь стал смотреть в потолок.

— Обратите внимание на начало легенды, — продолжал Мартин. — Ты, Джемс, хорошо знаешь библию, послушай, что он будет рассказывать.

Тони склонил голову, скрестил руки и начал рассказывать:

— В городе Ринондоране жили как-то муж и жена. Мужа звали Лондой, а его жену — Павт.

Они поженились уже давно, но до сих пор не имели детей. И вот однажды они стали думать: «Как бы нам сделать так, чтобы у нас появился ребенок? Он заботился бы о нас и ухаживал за нами, когда мы состаримся».

Лонда сказал: «О, моя дорогая Павт, если ты согласна, то я думаю так: мой младший брат Лонто может, если захочешь, с тобой переночевать. И если вы согласитесь, я останусь с вами и буду молиться. И если тогда могучий бог сжалится над нами и у нас появится ребенок, мы будем говорить, что это наш родной ребенок. И если у нас по милости божьей появится от вас ребенок, мы назовем его "Тово"» (обманщик). Павт ответила: «Ой ты, мой добрый Лонда! если ты твердо решил сделать то, что задумал, то пусть исполнится твое желание». Лонда сказал: «Ой ты, моя милая, бог, сотворивший небо и землю, зародил эту мысль в моем сердце. Он открыл мое сердце, разжал мои губы и пошевелил моим языком, дабы я сказал то, что ты слышала и приняла».

Об этом плане они рассказали Лонто. Лонто сказал: «Ладно! но пусть мой старший брат Лонда не убивает меня по этой причине». Лонда ответил: «Мунту-унту, сидящий рядом с могущественным богом, да будет свидетелем тому, что я сказал; не стыди и не хули нас. Сделай то, о чем я прошу, чтобы бог благословил нас».

После этого Лонто оказал ту милость своему брату. И все эти дни Лонда неустанно молился богу. Он молился, чтобы Павт, если можно, родила сына. И настал день, когда Павт родила сына...

— Что-то это мне напоминает, — сказал Джемс, — но не могу припомнить, что именно.

— Я помогу тебе, — сказал Мартин. — Может, ты вспомнил, как дева Мария родила сына с помощью голубя — святого духа. Я не знаю малайского и не ведаю, что значит Лонто — но пусть меня повесят, если это не какая-нибудь птица.

— Неужели христианская вера как-то дошла до малайцев? — спросил Джемс.

— Нет, наше христианство добралось до них очень поздно, — сказал Мартин. — Да и дошли до них сперва не христианские легенды, а благородные христианские работорговцы, и еще ром, разврат и кровавая эксплуатация!

Теперь что-то вспомнил и Тони. При слове «ром» он жадно причмокнул языком: так назывался тот пальмовый

сок, которым пахли комары в камере. Объясняя свою мысль, он поймал толстого клопа, раздавил его на пальце и поднес к носу Мартина. Мартин любезно понюхал палец Тони и продолжал:.

— Эти легенды перешли к христианам из того же источника, что и к малайцам. Это индусские легенды. Не знаю, как они попали к христианам, но если бы вы услышали индусские легенды, вы поняли бы, откуда пошло все это дело!

Услышав это, белокурый человек поднял голову и несколько секунд внимательно смотрел на Мартина. Но он ничего не сказал, снова повернулся на спину и начал рассматривать потолок.

— Рассказывай дальше, сынок! — сказал Мартин.

Тони еще раз понюхал раздавленного клопа и продолжал:

— Лонда очень обрадовался — ведь его молитва дошла до бога, и Павт родила мальчика! Когда обрезали пуповину, Лонда сказал: «Зовут тебя, сын мой, Тово». Тово вырос большим и грубым и начал говорить. Спустя недолгое время его уже не нужно было учить никаким словам. Тогда Тово начал шалить и выкидывать разные штуки. Он ни за что не хотел оставаться дома и играть со своими сверстниками.

Но вот однажды гулял Тово со своими сверстниками. Взял он у одного барабан и побежал с ним прочь. Тот мальчик заплакал и побежал к своим родителям. Родители спросили его: «Почему ты плачешь?» Мальчик ответил: «Тово отобрал у меня мой барабан». Услышав это, отец мальчика очень рассердился; он взял палку и говорит: «Я побью этого Тово как следует». Сказал и направился в дом Лонды и Павт. Пришел он туда и увидел, что Тово в самом деле играет на барабане. «Сейчас я тебя убью! — сказал он Тово. — Зачем ты украл барабан у моего сына?» Тово робко огляделся вокруг и подумал, что пришло ему время умирать, но в это время заметил короля, проходившего мимо хижины. Увидев короля, Тово попросил его помочь ему и сказал: «Ой, господин король, они хотят меня убить!» Король

подошел ближе. Между тем, отец того мальчика, у которого Тово отобрал барабан, собрался убивать Тово. Король увидал такое и приказал своей страже: «Возьмите-ка вон того преступника и отведите его ко мне в дом». Тут же его и схватили. Тогда король обратился к Тово, успокоил его и сказал: «Друг, не плачь, пойдем со мной ко мне во дворец, я дам тебе мяса и риса, а еще подарю одежду и чудесный барабан». Тово сразу успокоился и последовал за королем. Когда они уже были во дворце, король сказал одной королевне: «Пойди и позаботься, чтобы этому мальчишке дали поесть». Как поел он, подарил ему король красивую одежду. И когда он надел ту одежду, король сказал: «А теперь пойдем, друг, вон к тому дому!» А это был суд. Отца того мальчика, у которого Тово отобрал барабан, тоже привели туда.

Когда Тово с королем сидел в суде, спросил король отца обворованного мальчика: «Что ты там сказал Тово, чем так его испугал?»

Тот ответил: «Все из-за барабана, который он забрал у моего сына». Король ответил: «Видишь, какой ты злой человек! Разве можно за барабан убивать человека? Да и кроме того, Тово еще мальчик, а ты уже, сказать прямо, взрослый человек. Должен ведь взрослый служить ребенку примером? Тебя, брат, на девять дней забьют в колодки».

Тем временем пришел и отец Тово, который искал своего сына. Король спросил его: «Куда идешь?» Тот ответил: «Ищу своего парня». Король сказал: «Вот он!» После король рассказал ему, что случилось с его сыном, и посоветовал на прощание: «Следи за своим мальчишкой, не очень ему потакай, потому что он мало чего стоит». Потом отец забрал Тово домой. Тово рос себе и рос и вел себя чем дальше, тем хуже; родители никак не могли его унять. После того, как король дал ему мяса и риса и подарил одежду и барабан, он сделался очень важным. Он теперь не выходил из дворца и очень понравился королеве и придворным. Они полюбили Тово, потому что он никогда не смущался, а был болтлив и расспрашивал обо всем, чего еще не знал. Он приставал ко всей свите, а его учили хорошим манерам и веж-

ливому разговору. В конце концов он уже ничего не боялся. Однажды Тово разговаривал с королевнами, и королевны сказали: «Слушай, Тово, раз король тебя любит, надень его одежду и прогуляйся там во дворе». Тово ответил: «Хорошо, но скажите, на что мы поспорим?» Королевны ответили: «Если король не разозлится, что ты надел его одежду, получишь в жены королевну Вуланкау». Тово ответил: «Ладно, но если это дело с Вуланкау не выгорит, я вам все ребра переломаю». Королевны ответили: «Ладно». Затем Тово прокрался тихонечко по лестнице во дворец и взял одежду, которую король повесил, ложась спать. Он надел ее и стал ходить в ней по улице взад и вперед; скоро вокруг него собралась целая толпа людей. Люди начали громко шуметь; одни кричали, другие смеялись и говорили: «Посмотрите только на Тово, на нем одежда короля». Шум поднялся такой, что король проснулся и спросил: «Почему это люди так шумят?» Вышел он на крыльцо и увидел, что Тово надел его одежду и преспокойно разгуливает в ней туда и сюда. Король крикнул: «Иди-ка сюда, Тово!» Тово вошел в дом. Король сказал: «Скажи-ка, парень, как это ты, свиная морда, осмелился надеть мою одежду и ходить в ней по улице?» Тово ответил: «Оно и правда, не стоило этого делать, но меня подговорили королевны». Король спросил: «Как это так?» Тогда Тово рассказал королю, что случилось и почему он так поступил. Тогда сказал король: «А если бы они тебя подучили воровать или убивать, ты бы и это сделал? Тебя забьют в колодки». Тово ответил: «Хорошо, господин король, но как же я просуну ноги в колодки — ведь там очень узкие дыры?» Король сказал: «Я тебе покажу». Тово ответил: «Хорошо, господин король, значит, вы меня научите? А сколько дней придется мне сидеть в колодках?» Король ответил: «Девять дней». Король взял свой скипетр и меч и и говорит: «Пойдем, Тово, сейчас я забью тебя в колодки». Пошли они туда, и когда уже были там, Тово и говорит: «Как же это делается, когда забивают в колодки? Господин король сказали, что научат меня». Король ответил: «Посмотри-ка сюда, вот так колодки открываются, а вот так запираются, когда ноги уже внутри». Тово сказал: «Прошу, гос-

подин король, покажите, как это делается». Король сунул ноги в колодки и говорит: «Вот как это делается». Тово плотно запер колодки и говорит: «Так вот как оно делается, господин король?» — «Да-да», — ответил тот. Тогда Тово что-то ему соврал и сказал: «Господин король, простите меня, я на минутку отойду и сразу вернусь». Король сказал: «Выпусти меня сначала из колодок, тогда можешь идти». Но Тово не послушался; чем громче кричал король, тем быстрее бежал Тово. Он забрал скипетр короля, его меч, снова надел его одежду и встал перед дверью тюрьмы. Король все кричал: «Тово, куда ты подевался? Иди сюда и выпусти меня!» Тогда Тово ответил: «Господин король, я здесь. Зачем вы хотите выбраться из колодок? Господин король хотели меня проучить, так пусть господин король почувствуют, как оно приятно в колодках сидеть». Тем временем стало смеркаться, и королева пошла искать короля. Проходившие мимо тюрьмы люди сказали ей: «Король там, он стоит у двери». Королева отправилась туда. Она была еще далеко от тюрьмы, когда услышала, как король кричит: «Караул! спасите!» Она испугалась и подумала: «Что это значит? почему король так вопит?» Увидев в дверях Тово, она очень обрадовалась и сказала: «Ой, король совсем не кричит, вон он стоит у двери». Когда же она подошла поближе, люди сказали: «Одежда-то на нем королевская, но в остальном он больше похож на Тово». И когда все поняли, что это Тово, королева спросила: «Тово, где король?» Тот ответил: «Ой, господин король показывают мне, как оно бывает, когда сидишь в колодках». Тогда королева посмотрела на короля. Его ноги сильно опухли. Королева заплакала и сказала королю: «Если ты согласен, я поговорю с Тово, чтобы он тебя выпустил». Король призвал Тово и сказал: «Тово, ты где?» Тово ответил: «Я здесь, господин король!» Король сказал: «Тово, я тебе дам все, что захочешь, только выпусти меня!» Тово ответил: «Я ничего не прошу, пусть только королевен, подговоривших меня надеть вашу одежду, посадят на девять дней в колодки. И еще я хочу получить свой выигрыш в споре: пусть королевна Вуланкау станет моей женой». Король ответил: «Хорошо, королевен посадят на девять дней в колодки,

а ты получишь в жены Вуланкау». Тово сказал: «А еще вы должны научить меня всему, что должен знать король». Король ответил: «Хорошо, я научу тебя, когда ты меня освободишь».

Затем Тово освободил короля, а королевен заперли на девять дней в колодки.

— Колодки — это уже достояние европейской культуры, — заметил Мартин. — Это, так сказать, христианский способ убеждать строптивых.

Тони выслушал слова Мартина, погладил его по колену и продолжал:

— Однажды гулял Тово со своими товарищами, и они сказали ему: «Слышишь, Тово, мы хотим побиться с тобой об заклад! Пойди и покажи королю свой зад. Если он не разозлится, мы дадим тебе каждый по тысяче талеров». Тово ответил: «Хорошо, согласен». Он пошел домой и попросил мать сшить ему рубашку и штаны. А матери он сказал так: «Мама, пожалуйста, пошейте мне рубаху и штаны из одного куска, понашивайте вдоль спины ряд пуговиц, а на каждой половинке зада пришейте по здоровой черной пуговице». Мать ответила: «Ладно, но зачем тебе такая красивая одежда?»

Но он сказал: «Сделайте это, мама, это пойдет вам на пользу». Тогда мать ответила: «Если из этого выйдет польза, то пусть будет так, мой сыночек!»

Мать сшила ему рубаху и штаны, как он сказал. И когда все было готово, Тово оделся и стал прохаживаться перед королевским дворцом. Пока он так расхаживал, увидел его король и позвал к себе. Когда Тово появился перед ним, король сказал:

«Скажи, Тово, зачем это ты сшил себе такую одежду и со столькими красивыми пуговицами?»

Он ответил:

«Знаете, господин король, там есть еще лучше, но мне стыдно вам их показать». Король сказал: «Не бойся и не смущайся, я не рассержусь». Тогда Тово наклонился, выпятил перед королем свои половинки и сказал: «Вот, господин король, вы можете на них посмотреть». А товарищи,

с которыми Тово побился об заклад, стояли поблизости и все видели. Как показал он все королю, тот отослал его домой. И вот он пошел к своим товарищам, с которыми поспорил, и пришлось им ему деньги заплатить.

— Ишь, как он с королем, — засмеялся Джемс. — Вот если бы так с нашим...

Но Джемс тут же осекся и, обеспокоенно взглянув на белокурого, умолк.

— Не бойся, парень, — громко сказал Мартин. — Кем бы ни был этот человек, нам не будет никакого вреда, если он узнает, что мы коммунисты. Все равно это уже всей администрации известно!

Белокурый снова поднял голову. Затем резким движением приподнялся и сел на койке. Трое товарищей замолчали, глядя ему прямо в глаза. Вдруг лицо белокурого передернулось, слова замерли у него на губах, и он откинулся назад на койку.

Дверь распахнулась и вошел тюремный надзиратель. За ним в дверях маячил констебль.

— Номер семнадцатый, — выкрикнул надзиратель.

«Номер семнадцатый» — это был Гарри. У него сжалось сердце. До перевязки оставалось еще несколько часов — тут что-то другое...

— Номер семнадцатый, goddam! — повторил надзиратель. — Вы оглохли, что ли?

— Иду, — сказал Гарри. — Прощайте, товарищи.

Он крепко пожал руки Мартина и Джемса, погладил Тони по голове и встал.

— Прощай, Гарри! — сказал Мартин. Голос изменил ему. Несомненно, парень пропал. Один шанс из тысячи за то, что он сумеет сбежать. Хороший товарищ — и еще, еще хуже! — пропадет рецепт. Мартин крепко сжал заскорузлые руки. Он встал и снова сел. Гарри вышел.

В эту минуту белокурый человек неторопливо слез с койки и двинулся к Мартину, но остановился на полпути. Из уст Мартина извергался какой-то свист, скрип, какое-то полузвериное бормотание...

Мы покинули Лейстона перед беседой с человеколюбивым профессором Мессеби. Настроение у миллиардера ухудшалось с каждым часом. Дело с искусственным протеином застопорилось; Мессеби ничего не знал, кроме фамилии изобретателя, но не мог или не хотел даже сказать, где тот находится. Эдит исчезла без следа: как пропала любимая дочь, пошла неудача за неудачей. Рипса до сих пор не удавалось разыскать; Лейстон все время замечал, что за ним следят; субъект, намеревавшийся убить его на вилле под Парижем, скрылся неизвестно куда. Казалось, перед Лейстоном разверзлась бездна, поглощавшая все и вся.

Между тем, за ним все время следили... Вокруг крутились какие-то подозрительные типы. Лакей человеколюбивого профессора Мессеби — и тот, казалось Лейстону, както слишком внимательно разглядывал лицо миллиардера. Конечно, может быть, он просто оторопел, увидев воочию «короля химических фабрик Америки»!.. Но хуже всего была новость во вчерашней газете: акции химического треста упали на три процента. Это уже было совершенно непонятно; это было даже смешно — все равно, как если бы кто-то украл деньги из своего кармана. Только один человек во всей Америке мог бы подкопаться под Лейстона, но это был друг и приятель — Морган. Его интересы полностью совпадали с интересами Лейстона. Это было просто смешно — но все же акции упали на три процента, хотя он накануне отдал распоряжение поднять курс...

Лакей проводил миллиардера до авто. Лейстон сел рядом с агентом тайной полиции, нанятым охранять его.

«Надо ехать», — решил Лейстон. Автомобиль зарычал и поплыл по улице. Через четыре минуты Лейстон был у своей гостиницы. В трех домах от входа в гостиницу мимо проскочил небольшой автомобиль и скрылся за углом, откуда выехал миллиардер. Темнело. В автомобиле сидел Джим Рипс.

Подъехав к портерной в том районе, где располагалась квартира человеколюбивого профессора Мессеби, Джим Рипс тронул шофера за плечо и вышел. За вторым столиком в

портерной сидел лакей мистера Мессеби. Увидев Рипса, он поднялся и вышел. Оба сели в авто.

— Зачем он приходил к профессору? — коротко спросил Рипс.

— Они говорили о каком-то препарате, не припомню, как он там называется — «Эльбин» или...

— «Или»! —передразнил Рипс. — О чем они говорили?

— О человеке, который сделал этот «Альбо». Мессеби назвал его имя, я хорошо запомнил — Гарри Руперт. Тот хотел знать, где он живет, но Мессеби сказал, что он исчез.

Рипс тронул шофера за плечо.

— Выходите, — сказал он лакею. — Инструкции получите там же, где раньше.

Авто растворилось в темноте...

Услышав шаги, Мартин поднял голову и с секунду смотрел на белокурого. Белокурый спокойно выдержал его взгляд и сказал:

— Меня, Винсента Поля, арестовали в Лондоне за то, что я не сдал отчет и деньги фирме Дюверье в Париже. Тогда же выяснилось, что я не Винсент Поль, а матрос с корабля «Либерия» по имени Дюваль. Но я не Дюваль.

Джемс с неописуемым удивлением слушал рассказ о Винсенте Поле, Дювале, Дюверье и «Либерии».

— Это просто какой-то безумный маньяк! — повернулся он к Мартину. Но Мартин слушал Дюваля, стараясь не упустить ни слова.

— Я не Дюваль, — продолжал белокурый человек, — меня зовут Андрей Вовк, — добавил он шепотом. Джемс испуганно взмахнул рукой — шпик! резануло мозг, — и снова посмотрел на Мартина. Но тот, не сводя глаз с Дюваля, слушал с напряженным вниманием. — Через полчаса меня выведут отсюда, чтобы увезти во Францию. Меня отпустят в десяти шагах от тюрьмы — у Винсента Поля было с собой много денег. Нельзя терять ни минуты. Скажите, в чем там дело с этим товарищем?

— Как вы докажете, что вы не шпик? — строго спросил Мартин.

— У меня нет ни доказательств, ни времени вас убеждать, — ответил Дюваль. — Ваш товарищ считает, что я шпик. Это потому, что он не знает людей. Вы знаете людей, вы понимаете, что я не шпион. Не теряйте времени.

— Ладно, — тяжело проронил Мартин. — Через полчаса Гарри все равно убежит или его убьют. Вы выйдете отсюда ровно через полчаса.

— Через двадцать три минуты!

— Не имеет значения! Слушайте: ...

— Пишите записку для Гарри: осталось три минуты, — сказал Дюваль.

Гарри вывели на улицу и повели по мостовой. Накрапывал вечерний легкий дождик. Позади шли два констебля. Рядом по тротуару шел сержант и время от времени поглядывал на арестованного.

— Куда меня ведут? — спросил Гарри у одного из констеблей. Гарри обратился к нему по-ирландски — тот был похож на ирландца.

Прошла секунда, показавшаяся Гарри столетием. Ему повезло — констебль оказался ирландцем.

— К следователю, — сказал он дружелюбно. Сержант выкрикнул с тротуара какую-то брань по адресу констебля. Но Гарри было достаточно того, что он услышал.

«Значит, им еще неизвестно, кто я такой, — успокоенно подумал он. — Будут выяснять мою личность. Если ведут к следователю, очевидно, поведут и от следователя. Дело немного затягивается».

На углу Гарри попросил у ирландца сигарету. Сержант в эту минуту столкнулся на тротуаре с каким-то человеком в шляпе, надвинутой на лоб. Незнакомец ощерился на сержанта и вдруг, увидев лицо Гарри, освещенное спичкой, на мгновение остолбенел. Он быстро оправился и пошел своей дорогой. Однако, когда констебли с арестантом свернули за угол, незнакомец неожиданно развернулся и незаметно последовал за ними. Неподалеку от кабинета следователя незнакомец нырнул в портерную; мимо ее окна должны были провести арестанта.

Когда Гарри выводили от следователя, к сержанту подошел другой сержант и передал первому листок. Первый остановил Гарри, прочитал написанное и, сдав арестованного второму, направился, не теряя времени, в портерную. В дверях он еще раз наткнулся на незнакомца в надвинутой шляпе. На лице сержанта нарисовалось несказанное удивление. Человек со следами какой-то болезни на лице отодвинул сержанта, вышел из портерной и последовал за Гарри. Теперь пришла его очередь удивляться: сержант шел с Гарри рука об руку, а позади, весело беседуя, вышагивали два констебля.

— Скажи, Джонни, — говорил ирландец, – почему это девушки, как только выйдут на улицу, меняют имя? Я знал одну — ее звали Кэт. Как только начала работать на улице, ее уже стали звать не как-нибудь, а Глэдис. Что это значит?

— Понимаешь, — ответил Джонни, — она считает, что так пышнее будет. Да и тебе, пожалуй, приятнее будет купить за шиллинг такую Глэдис, чем какую-нибудь Кэт.

В разговор включился сержант.

— Знаете, ребята, — сказал он, — мне довелось побывать в России, так там все проститутки носят французские имена. Так оно красивее выходит. Впрочем, можете радоваться — в самых дорогих заведениях они предпочитали английские. Короче говоря, мы вошли в моду в публичных домах.

— Когда же там войдут в моду русские? — расхохотался Джонни.

— Этого, видишь ли, не будет, потому что к тому времени уже не будет публичных домов. Уже сейчас этих домов в России нет.

Сказав это, сержант снова обратился к арестованному. Они стали шептаться.

— Сейчас ты уйдешь на повороте! — прошептал сержант — это был Дюваль. — Я буду в тебя стрелять, но, к сожалению, промахнусь. Спрячь это в карман. Здесь шпалер и паспорт.

Дойдя до поворота, незнакомец увидел следующую картину.

Вдоль домов изо всех сил бежал арестант, за ним мчал-

ся сержант, стреляя из револьвера, улица гудела от непристойных возгласов. Констебли не стреляли, потому что сержант то и дело закрывал от них арестованного. Сержант был, очевидно, под хмельком, все время спотыкался и не смог догнать арестанта. Изрыгая невероятные ругательства, он повернулся к констеблям. Те застыли столбами и смиренно выслушали ливень кощунственных проклятий. Наконец сержант ткнул ирландца кулаком в грудь и сказал:

— Ты о чем-то говорил с ним, собака, по дороге к следователю. Тебе это так не пройдет. Налево! Шагом марш!

В этот миг сержант заметил, что какая-то темная фигура побежала в ту сторону, где исчез Гарри. Без долгих размышлений он выстрелил, но промазал; темная фигура погрузилась в темноту улицы.

После того, как Дюваля вывели из камеры, Джемс и Мартин сидели некоторое время молча.

— Как ты мог довериться ему? — с упреком сказал Джемс.

— Друг мой, утопающий и за соломинку хватается, — ответил Мартин. — В нашем случае Дюваль — это такая соломинка. Он сказал — и я почувствовал, что он не лжет. Однако...

И Мартин глубоко задумался.

— Я беру на себя всю ответственность, — сказал он напоследок. — Тони!

Тони проснулся и посмотрел на Мартина.

— Расскажи что-нибудь, сынок! — грустно сказал Мартин.

— Роботити, — начал Тони. — Роботити охотился однажды в лесу. Он влез на высокое дерево. Поднялся сильный ветер, ветка обломилась, Роботити упал и сломал себе ногу. Тогда он сказал: «Дерево сильнее всех на земле, оно сломало мне ногу». Но дерево ответило: «Будь я сильнее всех, ветер не вырывал бы меня с корнями. А значит, ветер сильнее всех». Ветер сказал: «Будь я самым сильным, гора не преграждала бы мне путь. Гора сильнее всех». Гора сказала: «Будь я была самой сильной, крыса не смогла бы меня прокопать. Крыса сильнее всех». Крыса сказала: «Будь

я сильнее всех, кот не мог бы меня сожрать. Кот сильнее всех». Кот сказал: «Будь я самым сильным, веревка не могла бы меня связать. Веревка сильнее всех». Веревка сказала: «Будь я самой сильной, нож не сумел бы меня разрезать. Нож сильнее всех». Нож сказал: «Будь я самым сильным, огонь не смог бы меня сжечь. Огонь сильнее всех». Огонь сказал: «Будь я сильнее всех, вода не смогла бы меня потушить. Вода сильнее всех». Вода сказала: «Будь я самой сильной, мне незачем было бы носить на себе лодки. Лодка сильнее всех». Лодка сказала: «Будь я самой сильной, камень не мог бы меня проломить. Камень сильнее всех». Камень сказал: «Будь я сильнее всех, краб не смог бы меня сдвинуть. Краб сильнее всех». Краб сказал: «Будь я самым сильным, человек не смог бы меня съесть. Человек сильнее всех».

— Да! — сказал Мартин. — Человек сильнее всех. А Дюваль — настоящий человек. Я за свою жизнь научился отличать настоящего человека от никчемного, причем с первого взгляда. Не кисни, Джемс. Завтра, вероятно, нас поведут на работу. Надо выспаться. Тони побил немало клопов — может, удастся поспать.

Джемс и Тони лежали на койках. Вокруг все уже спали. Кто-то тяжело стонал во сне. Через полчаса уснул и Джемс. Тони давно уже спал. Мартин сидел, подперев голову руками.

Все давно уже спали. Если бы кто-то увидел Мартина в эту минуту, он остолбенел бы от ужаса. Из его рта вырывалось какое-то полузвериное бормотание, свист сменялся шипением, и все вместе казалось неким диким, нечеловеческим языком.

Глава 7

ОБЕЗЬЯНЬЯ ЛАПА

Дюверье окончательно теряет терпение. Деньги за увечье. Кузина императора Николая II. Бог помогает кавалергардскому ротмистру. Электрический способ кавалергардских ротмистров обрабатывать изюм, кишмиш и рахат-лукум. Белокурый матрос. Удивительное поведение вахтенного. Последнее выступление Камиллы. Снова обезьянья лапа. Появление перстня с буквой. Эдит на фабрике.

Терпение Дюверье окончательно лопнуло. Он ничего не мог понять. Винсент Поль, как он и ожидал, не явился к нему — это можно было предугадать заранее.

Винсент Поль был арестован по милости английской полиции, которая, вопреки недоразумениям между правительствами, не могла не оказать Пуанкаре эту услугу. Винсент Поль был арестован в Лондоне и сбежал в тот же день.

Правда, английская полиция триумфально заявила, что в ее руках остались все документы и бумаги Винсента Поля; но денег она не нашла ни копейки.

Дюверье проклинал себя за то, что доверился офицеру резерва французской армии. Он ведь знал, что это за публика. Он знал, чего можно ожидать от этой породы людей, которую приучают тратить деньги, но не учат, как их зарабатывать, чего можно ожидать от этих пьяниц, волокит, шулеров.

Дюверье бесновался. Правда, Винсент Поль выгодно отличался от других, но разве он не признался Дюверье, что проиграл все свои деньги в шмен-де-фер?

Креве, как оказалось, был у Камиллы, но исчез снова и на этот раз надолго. Он как будто сгинул. Проследили его след до одного отеля, но дальше он как в воду канул.

Такого, как Креве, найти было нелегко. Он мог повторять комбинацию с обезьяной четырнадцать раз за вечер: не зря же он был русским кавалергардским ротмистром.

Его заместители — их было трое — не могли похвас-

таться такой грацией и остроумием в обращении с обезьянами. Троим приходилось платить больше, чем одному. Обезьян было мало: одна из них на почве сифилиса, которым позаражал животных Креве, сошла с ума. Ее нужно было бы пристрелить, но у Дюверье совсем не было запасных обезьян, и он пробовал кое-как лечить ее. К ней приходил врач-гипнотизер, и после сеансов она утихала — возможно, что в конце концов она поправится.

К тому же еще заболела Камилла. Дюверье мог найти и нашел сколько угодно заместительниц, но... Надо сказать, что Дюверье втайне опасался Камиллы — она могла его, чего доброго, облить серной кислотой. Можно было отправить ее в больницу, но как знать: вдруг восстанет из-под земли Креве и застрелит его, как хотел застрелить Лейстона. Очевидно было, что у Креве появился новый хозяин. Всегда спокойный и сдержанный, как требовала его специальности, маэстро начал тайком посасывать абсент.

Дюверье достал из шкафа бутылку с черным напитком, но тут в дверь кабинета постучали.

— Войдите! — сказал артист, торопливо пряча бутылку.

Размеренной жесткой походкой в кабинет вошел невысокий белокурый человек, посмотрел острым взглядом на руки Дюверье и чуть улыбнулся.

— Что вам нужно? — спросил взбешенный улыбкой маэстро.

— Вам, вероятно, будет интересно получить некоторые сведения об экспедиции в Конго. Мое имя Дюваль — я был участником этой экспедиции.

Дюверье не мог произнести ни слова и лишь рассматривал, будто какого-то призрака, спокойное лицо незнакомца.

— Так вот, я могу дать вам некоторые сведения.

— Прошу, садитесь, — произнес наконец маэстро.

— Все участники экспедиции погибли, кроме меня и Винсента Поля. Если не ошибаюсь, вам очень интересно было бы знать, где находится Винсент Поль с экспедиционными деньгами?

— Да, да, очень интересно, — согласился Дюверье. — Я готов был бы хорошо заплатить тому, кто даст мне эти сведения.

— Сколько вы даете? — коротко спросил белокурый.

— Я дам две, три тысячи франков!

— Пишите чек! Нет, лучше давайте наличными! — сказал Дюваль.

— Но какие гарантии? — спросил Дюверье.

— Если вас не удовлетворят мои сведения, можете оставить деньги себе.

— Я сейчас принесу! — поднялся Дюверье.

— Нет, пожалуйста, позвоните по телефону. Я не имею никаких причин вам доверять!

— Как хотите, — пожал плечами Дюверье. Он снял трубку телефона и стал слушать. Потеребил рычаг. Прошла одна, две, три минуты.

— Очевидно, телефон испорчен, — сказал Дюверье. — Придется все-таки идти самому.

Он встал. В этот момент рука Дюваля тяжело легла ему на плечо.

— Послушайте, маэстро! — сказал белокурый. — Пожалуйста, не стройте из себя дурачка. Вы сейчас же достанете из ящика три тысячи франков, или вы ничего не узнаете. Ясно?

Дюверье пожал плечами, отпер ящик и достал три кредитных билета.

— Так-то лучше, — сказал белокурый. — Вы хотите знать, где теперь офицер резерва, Винсент Поль? Вы хотите знать, у кого остались девять тысяч франков экспедиционных денег? Вам было бы интересно узнать, может ли Франсуа Дени вернуться и доставить вам неприятности с Камиллой? Вы уверены, что Винсент Поль сбежал с деньгами, что он был арестован в Лондоне и что он сбежал вторично?

— Да! — воскликнул Дюверье и пододвинул к белокурому деньги. — Говорите, пожалуйста, побыстрее. — Он посмотрел на дверь. — Где, вы говорите, теперь Винсент?

— Он перед вами, — спокойно ответил Дюваль и, воспользовавшись тем, что Дюверье откинулся назад и словно

окаменел, ловко сгреб кредитки и аккуратно спрятал их в карман.

Дюверье потянулся к ящику, но Дюваль схватил его за плечо, будто железными гвоздодерами, и усадил на место.

— Успокойтесь! Винсент Поль, Франсуа Дени и все остальные участники экспедиции давно сгнили в болотах Конго... Денег вы не увидите, потому что они нужнее для другого дела, и нечего их тратить на ловлю обезьян для вашего борделя. Ваши три тысячи я, согласно договоренности, забираю себе.

Дюверье быстро бросил горящий взгляд на телефон. Белокурый едва заметно улыбнулся.

— Будьте здоровы, маэстро! — Он вытащил из двери ключ и повернулся к выходу. В этот момент Дюверье вытащил из ящика браунинг. Но Дюваль отскочил в сторону и ловким движением выхватил из его рук пистолет.

— Я бы еще раз рекомендовал вам успокоиться, маэстро! — сказал он. — Будьте здоровы, берегите свои нервы.

Снаружи в дверях щелкнул ключ. Дюверье кинулся к телефону и на сей раз включил аппарат, но телефон не откликался. Взгляд на провод — Дюваль перерезал провода у двери, когда входил. Дюверье бросился к окну. На улице никого не было. Рядом с уличным чистильщиком обуви стоял одноногий калека и со сладким чувством смотрел на свой ботинок, выходящий из-под рук мальчика блестящим, как солнце. В эту минуту к калеке подошел Дюваль и, что-то ему передав, неторопливо ушел. Дюверье забарабанил кулаками по подоконнику. Наконец он распахнул окно и окликнул калеку, который уже собрался уходить.

— Слушайте, зайдите ко мне — я дам вам три франка.

Калека скривился в пренебрежительной гримасе и заковылял по улице. На прощание он показал маэстро общеизвестную символическую фигуру из трех пальцев.

Мы оставили почтенную особу мистера Мак-Лейстона в недобром настроении после нескольких неудач с протеином, с Эдит, наконец, с падением акций. После визита к человеколюбивому профессору Мессеби его ясновельмож-

ность оказались в шикарном лондонском кафе. Кафе славилось тем, что вон та девушка в лаковых туфлях была великой княжной, кузиной императора Николая, а тот неуклюжий, весь в оспинах субъект — бывшим любовником императрицы Марии. Так они выполняли в Англии трудовую повинность, от которой бежали из Советской России.

М-р Лейстон жестом подозвал к себе накрашенную кузину императора и вежливо предложил ей разделить с ним ужин. Сидя за столом, он имел удовольствие чувствовать прикосновения ее ног. Сначала он пытался перевести разговор на политические темы, но великая княжна безапелляционно заявила, что говорить на эту тему незачем и что большевики, как она знает от своих верноподданных, не протянут и полгода борьбы с голодом и с православием. Разговор перешел на другие интересные темы, и через полчаса мистер Мак-Лейстон и великая княжна направились в отдельный кабинет.

Опытный американец с удовольствием констатировал, что его партнерша знает всякие штучки не хуже парижских девушек, хоть она и не могла соперничать с ними в телосложении.

Княжна с милой улыбкой пояснила заинтересованному миллиардеру, что знала все эти штучки еще до эмиграции. Лейстон мысленно пожалел, что не догадался поехать в Россию шесть лет назад. Поздно ночью, немного развеселившись, Лейстон вышел из ресторана, нежно попрощавшись с княжной, которая отправилась обслуживать других гостей.

«Это было неплохо, — рассудил он, — но все же нехорошо, что акции падают».

Он написал на листке из блокнота телеграмму и послал ее с лакеем. Затем разослал по всем сыскным бюро Парижа предложение найти Эдит. Она могла быть только в Париже — мисс Древинс прислала ему какие-то записи из дневника дочери, где она выражала страстное желание увидеть столицу мира. К записям мисс Древинс добавила отчет о домашних делах, нежно намекая, что м-р Мак-Лейстон, должно быть, уже устал от путешествия и скоро вернется домой.

Лейстон сердито разорвал письмо. Да! Придется возвра-

щаться домой, потому что акции Хим-Треста, валюта потверже американского доллара, упали. Лейстон уже не думал о делах, а пытался представить себе лицо Моргана. На телеграмму Морган ответил, что все хорошо и нечего беспокоиться. Но каким было его лицо, когда он составлял телеграмму?

Кавалергардский полка ее величества императрицы такой-то ротмистр, теперь находящийся на службе у англичанина, имеющего много денег, опытный шпик, словом, брюнет с сочными губами, шел посвистывая по улице.

Проходя мимо почтовой конторы, он спросил, нет ли писем для... — нет, уже не Креве, потому что Креве должен был сидеть за покушение на Лейстона, — а на какую-то странную варварскую фамилию.

Почтовый чиновник долго не мог разобрать эту фамилию и, протягивая Креве записку, сердито рявкнул на какого-то молодого человека, спешившего получить письмо от своей любовницы. Креве развернул записку: «Сегодня. Hotel... В ... часов».

Англичанин!

Чудесно, все устраивается как нельзя лучше. Через неделю они будут в Советской России — ротмистр посмотрит на создавших свое государство хамов. Он купит какого-нибудь голодного большевика и заставит его за фунт хлеба лизать себе сапоги. Креве сладко усмехнулся при этой мысли. Англичанин! У англичанина до черта денег. Он заинтересован в Креве, потому что Креве может рассказать о покушении на Лейстона. У него пропасть денег! Креве ласково улыбался, думая о миллионах. Кто знает, может, ему удастся там, где он знает язык, знает все обычаи, все ходы и выходы, устроить с англичанином какую-нибудь комбинацию... Он и не таких железных людей видывал, когда расстреливал большевиков. Будь ты хоть вытесан из камня, а пуля тебя прошьет! Ротмистр немного жалел, что не позаботился изменить свою внешность. Ему казалось, что он слышит за собой шаги. Креве опасливо оглянулся — это был какой-то солдат. Тот шел за ним два квартала и наконец завернул в кабачок

выпить абсента. Креве сменил направление. Солдат не появлялся.

Креве подошел к гостинице. Портье стоял на улице спиной к нему. Креве, словно кошка, проскользнул мимо портье и бесшумно взбежал по лестнице. Он знал, какие функции выполняют среди прочего портье в капиталистических государствах. Еще секунда, и он оказался лицом к лицу с англичанином.

— Good morning! — вежливо сказал д-р Рипс. — Прошу садиться.

Он запер дверь.

— Вы, вероятно, догадываетесь, какова была причина катастрофы в районном полицейском управлении?

— Да, — ответил Креве. — Думаю, это вы ее устроили. Это уже второй ваш трюк после покушения на Лейстона. (Ротмистр осторожно намекал, что многое знает.)

— Да, второй, — ответил Рипс (так как не видел никакого резона рассказывать Креве о предыдущих трюках). — Но этот второй трюк может окончиться для вас плохо. Вас могут арестовать при выходе из отеля.

— Я думаю, вы не допустите этого, — сказал Креве. — Наши интересы сходятся.

Рипс тяжело проглотил слюну. Креве показался ему незаурядным ловкачом. Тем скорее нужно было кончать с ним все дела.

— Я просил вас зайти по причине одного важного дела — это будет последний трюк перед нашим отъездом за границу. Надо проследить за одной молодой особой...

— За Эдит? — с наивным видом спросил Креве.

Уважаемый доктор еще раз проглотил слюну.

— Да, за Эдит Лейстон, — сказал он (хорошо, что у него хватило ума вызвать Креве именно сегодня — завтра тот мог выдать его Лейстону).

— Слушайте, ротмистр! — нежно сказал доктор и взял Креве за пуговицу на пиджаке. — Я считаю, что никто, кроме вас...

Креве наклонил голову, предчувствуя щедрый гонорар, — никогда он еще не имел с доктором такого долгого раз-

говора.

В этот момент рука Рипса, державшая пуговицу, уперлась ротмистру в живот.

— Простите, я вас немного придушу! — вежливо сказал доктор и изо всех сил ударил Креве в горло.

Ротмистр покатился на пол. Доктор сел ему верхом на грудь и начал методично сдавливать дыхательные проходы.

Через несколько минут он вытянул руку и посмотрел на часы. Ротмистр уже не бился и не подпрыгивал, как жаба, а лежал тихонько, словно послушный ребенок.

— Хватит! — решил доктор и вытер с лица пот. Труп лежал с расставленными ногами и поднятыми плечами.

Благородный ученый на всякий случай приложил ухо к груди умершего и стал прислушиваться.

Вдруг он почувствовал, как по спине потек холодный пот: где-то глубоко в груди ротмистра он услышал пульсацию крови. Рипс вскочил на ноги. В этот момент что-то с шумом ударило его сзади по ноге. Рипс стоял как окаменевший, не смея оглянуться. Медленно, как часовая стрелку, его лицо поворачивалось к трупу. Одна рука разогнулась и лежала у его ног. Рипс еще раз прослушал тело. Не оставалось никаких сомнений — ротмистр был еще жив.

— За работу! — сказал доктор и испугался звука собственного голоса.

Он достал из чемодана какие-то металлические части и за несколько минут сложил из них ящик в форме гроба. Отдельные части он скреплял шарнирами. Затем он прикрутил к нижней доске фарфоровые изоляторы, потом еще что-то делал со ящиком. Из груди ротмистра вырвался легкий вздох. Доктор схватил тело и положил его внутрь, после чего закрыл ящик, установил реостат и включил электричество.

Затем он сел на стул, методично набил трубку кепстеном и закурил.

Прошло несколько минут. Из запертого ящика донесся негромкий, заглушенный стенками стон. Доктор Рипс тяжело сглотнул слюну.

Еще через несколько минут он услышал шаги в кори-

доре.

Они все приближались и приближались, роковые, как часовая стрелка. Вот они уже за два номера от него... один... вот кто-то остановился перед дверью. Рипс затаил дыхание, боясь, что ротмистр застонет в ящике. Вдруг ботинки снова застучали по коридору, и шаги начали удаляться. Рипс встал и прошелся по комнате.

Через несколько минут после того, как Дюваль вышел из кабинета, Дюверье удалось освободиться.

Калеку успели поймать. Дюваль исчез без следа.

— Кто вы такой? — насел Дюверье на безногого.

Два лакея, подталкивая калеку кулаками в шею, загнали его в кабинет маэстро.

— Я был в экспедиции Винсента Поля, потерял ногу и едва спасся от носорогов. Дюваль, также находившийся в той экспедиции, пообещал, что заплатит мне за увечье.

— Обыщите его! — крикнул Дюверье.

— Вы не имеете права! — забормотал калека. — Я французский гражданин, как и вы.

Один из лакеев ударил французского гражданина кулаком в грудь. Сам маэстро подскочил поближе и саданул его по больной ноге носком туфли.

Калеку обыскали, но трех тысяч при нем не нашли. Очевидно, он успел их где-то спрятать.

Вошла Камилла.

— Что такое, маэстро? — сказала она, увидев раздетого калеку. — Вы нашли заместителя для Креве, что ли?

— Пожалуйста, не вмешивайтесь не в свои дела, уходите! — истерически закричал Дюверье.

Камилла вышла, хлопнув дверью.

В своем будуаре она прилегла на диван. «Пропал Франсуа», — подумала она.

Лоб ее горел — лихорадка не отпускала ее с того дня, как она узнала о гибели Франсуа. Врач качал головой — откуда в Париже могла взяться африканская лихорадка?

Камилла лежала лицом вверх на диване, ей хотелось плакать. Слез не было. Ее охватило то странное романти-

ческое настроение, что овладевает иногда больным человеком. Камилла не помнила ни своего отца, ни матери. Она выросла в семье крестьянина вместе с его сыном Франсуа. Он сразу понравился ей, еще в детстве; что-то в нем напоминало ей брата, только брат был белокур, а Франсуа черноволос.

В дверь постучался Дюверье. «Сейчас начнет извиняться! — подумала Камилла. — Боится Креве, гад!». Она не отозвалась. Дюверье постоял под дверью и ушел.

Тем временем Креве превратился в кучку пепла, которую доктор высыпал в бумажный пакет. Затем он снова подсоединил электрический провод, спустился по лестнице, сел в таксомотор и покатил по улице.

В багажнике лежал чемодан с металлическими деталями, а в пиджачном кармане — ее величества кавалергардского полка ротмистр.

За перегородкой разговаривали.

— Ой, нет. Я совсем не хочу в Марокко!

— Вот как. Тебе паша не нравится?

— Я с тобой, подлец, не разговариваю!

— Может, сюда хочешь?

Циничный хохот всколыхнул с полдесятка тяжелых животов.

Щелка была узенькая и не позволяла увидеть, что делалось в каюте.

Она подобралась еще ближе к перегородке и продолжала слушать. Первый — женский — голос сказал:

— Слушайте, неужели вы потеряли всякое человеческое чувство? Отпустите меня, слышите?

Мужчина отвечал:

— Ишь, графиня нашлась! Думаешь, ты одна такая? Ты вот с других пример бери — иная баба сама просится. Чем под мостом ночевать, лучше у турок жить, беды не знать.

Вокруг рассмеялись.

— Халву будешь есть! На изюме спать! Кишмишем укрываться будешь!

Она приникла к перегородке и пыталась разглядеть говорившего.

— С голоду не умрешь, не бойся! — продолжал голос под дружный издевательский хохот здоровенных глоток.

— Это тебе не то, что в России, живот не усохнет. У самого паши будешь жить. Персики прямо в рот будут падать. И работать не придется. Ты такой жизни еще не видела.

— Я заплачу вам. Сколько вам нужно, скажите! Слышите, я заплачу, сколько скажете.

— Чем же ты, сударыня, заплатишь?.. Бывало уже... — начал голос, но его перебил строгий баритон:

— Что с ней болтать! Эге — ты у нас благородная дама там, что ли? Заткни глотку, а то мы тебе живо отобьем охоту разговаривать!

Все смолкло.

Подслушивавшая отпрянула от перегородки и, крадучись, ушла.

Эдит плакала горькими слезами, сетуя на свою неопытность.

Дама с двумя детьми... Хорошенький коттедж, чай с каким-то очень крепким, ароматным ромом... Дальше черное небытие... дальше этот трюм.

Она вспоминала малейшие подробности. Эта дама была как две капли воды похожа на ту, что купила у нее перстень. Надо же иметь такую дырявую память!

Она и две другие пленницы спали в отведенной им каюте на четырех человек.

Одна из них, высокая полная женщина с обесцвеченными пергидролем волосами, относилась к инциденту стоически. Марокко так Марокко — Алжир так Алжир. Интересная женщина везде придется к месту. Возможно, там даже лучше будет. Она была суеверна, как старая деревенская бабка, эта высокая полная женщина с пергидрольной копной волос.

Эдит держалась со второй, маленькой полькой. У польки был жених где-то в Марокко, и она надеялась там какимто образом освободиться. Высокая уже спала. Эдит и маленькая сидели рядом на кровати и обдумывали свое по-

ложение. Как ни хотелось Эдит успокоить маленькую и успокоиться самой, она не могла скрыть от себя, что дело их совершенно безнадежное. Ободренная словами Эдит, полька чирикала с полчаса и посреди какой-то фразы уснула.

Эдит не могла спать. Она многому научилась за эти месяцы. Огромное, величественное поле человеческой жизни, бывшее ранее книжным маревом, стало теперь страшной явью. Тяжелый, скудно оплачиваемый труд был лучшим цветком этого поля, ибо вокруг высились иссохшие кусты безработицы, буйно всходили сорные травы проституции, торговли белым товаром.

Как бы она теперь хотела, чтобы ничего этого не было.

Она понимала уже и больше; она понимала теперь, что не только жалкая АРА, но и сам могущественный м-р Лейстон и великий Морган ничем не могут улучшить условия человеческой жизни. Она начинала понимать, что дело не в людях, а в устройстве общества, вспоминала гневные слова Кэт и соглашалась с ними. Вспоминала, как с ней не захотел разговаривать матрос, спасший ее от Рипса на «Виктории».

Что это за человек? какая сверхчеловеческая энергия! До сих пор образцом энергии был для нее отец, но этот матрос показался ей сильнее м-ра Лейстона. Между ним и Лейстоном было какое-то сходство. Но матрос был физически и душевно сильнее миллиардера. Почему же он тогда не богат?

Ей представился общественный строй, в котором люди слабые, никчемные и развратные одолели сильных и гордых, глупые и подлые угнетали умных и честных... Мысли закружились, и американка заснула.

Она проснулась, почувствовав чью-то руку у себя на глазах. Хотела снять с лица руку подруги по несчастью и схватила жилистую мужскую руку. Не успела она вскрикнуть, как рука скользнула ниже и закрыла ей рот. Она начала отчаянно бороться, и тогда вторая рука, прикоснувшись к ее лбу, сказала:

— Тише, ничего не бойтесь — это друг!

За рукой эти слова шепотом повторил низкий голос.

Незнакомец убрал руку с ее рта.

— Убирайтесь отсюда! — только и сумела сказать Эдит. — Я всех разбужу — убирайтесь немедленно!

— Не торопитесь! — сказал неизвестный. — Вы помните матроса с птицей на груди?

— Мартин! — радостно промолвила Эдит. — Вы пришли нас спасти!

Она принялась с восторгом целовать жилистую руку.

Незнакомец поднялся.

— Пойдемте! — сказал он.

Они вышли, крадясь, на палубу. Когда вахтенный повернулся к фонарю спиной, чтобы пройти свои двадцать шагов по палубе, они в такт с его шагами на цыпочках пересекли полосу света. Эдит считала шаги — десять, одиннадцать... восемнадцать, девятнадцать... сейчас вахтенный оглянется — а они еще на свету. Она не шла, а летела. Вот она уже у края светлой полосы, но ее товарищ застыл на месте и, точно обезумев, уперся глазами в спину вахтенного.

Эдит выскочила из света и темноту и, дрожа, как былинка, смотрела на них. Вахтенный остановился и не оглядывался. Он взмахнул одной рукой, потом другой, потом поднял обе руки над головой и вдруг упал ничком на палубу.

Товарищ Эдит постоял еще минуту и пошел к ней. Вахтенный не шевелился.

Вдруг Эдит чуть не застонала от ужаса. В свете фонаря к ней шел не Мартин, а совсем другой человек, пониже ростом, молодой, с белокурыми волосами. Но вот ее глаза встретились с его глазами, она сразу почувствовала какую-то болезненную истому и моментально успокоилась.

Дюваль подошел ближе.

— Я не Мартин, вы угадали. Чтобы долго не разговаривать, посмотрите вот на это.

Дюваль вынул из кармана перстень и подал его Эдит.

— Мой перстень! — вскричала Эдит.

— Да. Ваш перстень. Вы продали его, когда приехали из Америки. Он проделал долгий путь и попал ко мне. Ваше имя

Марта Лорен. Вас долго и безнадежно искал один товарищ. Сейчас мы сбежим с этого парохода. Помогите мне отвязать шлюпку.

Они отвязали самую маленькую шлюпку. Дюваль нагрузил ее какими-то вещами. После он подошел к вахтенному; тот, с широко открытыми глазами, как во сне, делал все, что приказывал Дюваль. Они спустили шлюпку. Эдит села в нее, и пароход повел шлюпку на буксире. Затем Дюваль и вахтенный подошли к штурманской рубке.

— Алло! — крикнул вахтенный и вошел в рубку. Оттуда донесся какой-то шум. Дюваль исчез в рубке. Затем они с вахтенным вынесли рулевого, связанного, с заткнутым ртом, и Дюваль направил пароход обратно на Лондон. В двух милях от берега, посреди ночи, Дюваль отослал вахтенного в рубку и снова повернул пароход на Кале. Сам он сел в шлюпку, поднял парус и быстро поплыл с Эдит к Дувру.

— Ах, если бы мы могли спасти тех двух девушек! — сказала Эдит.

— Там некого спасать! — холодно отозвался Дюваль. — Обычная буржуазная женщина будет везде чувствовать себя одинаково. Несколько месяцев назад я оставил бы вас с ними. Вас спас не я, а рекомендация Мартина.

Он повернул колесо штурвала. Парус провис, потом налился ветром и понес шлюпку, как огромную чайку, к тысячам огней английского берега.

— Почему вахтенный послушался вас? — сменила Эдит тему. — Неужели это тоже товарищ?

— На сей раз нет, — засмеялся Дюваль. — С чего бы ему тогда падать ничком! Просто вахтенный парохода, перевозящего белых невольниц.

Эдит не смела больше спрашивать. Огни разгорались и множились...

Камилла не останется в кафе. Она уйдет, разыщет того калеку, разыщет Дюваля, найдет Франсуа или не найдет и его. Здесь она не останется ни минуты. Дюверье согласился ее отпустить, потому что немного опасался ее. Он вернул ей векселя с условием, что она выступит в последний раз.

Еще одно выступление. Еще один раз она отдастся. Это какой-то старец из Commise de Forges[1], главный акционер. Он долгие месяцы лечился от старческой слабости и рассчитывал окончательно вернуть себе мужскую силу в сеансе с Камиллой. За это Дюверье вернет ей свободу.

Она сидела в комнате для сеансов. На ней была обычная маска человекообразной обезьяны, и лохматая грива спускалась на голые плечи и спину.

Она нетерпеливо постучала острыми ногтями по ручкам кресла.

Последний раз! Скорей бы!

Завтра она будет свободна. С какой радостью она плюнет в холеное лицо маэстро! С каким наслаждением она войдет, как в холодную ванну, в новую жизнь!

Что ж он не идет, этот?! Дверь тихонько скрипнула.

— Войдите, — нервно крикнула Камилла. — Что за шутки?

Дверь захлопнулась. Камилла встала и начала ходить по комнате. Вдруг она почувствовала за спиной струю сквозняка, острую, как нож. Кто-то снова приоткрыл дверь! Камилла обернулась. В щель просовывался бурый палец. Камилла бросилась за портьеру и замерла, затаив дыхание. Сердце колотилось в груди, она едва держалась на ногах. Зверь вошел в комнату на четвереньках и повел носом. Одним прыжком он оказался у портьеры и, схватив ее за край, разорвал сверху донизу.

Камилла хотела за кричать, но маска сдвинулась ей на лицо и закрыла рот. Отвратительная морда глядела на такую же маску.

Зверь зарычал и, поднявшись на задние лапы, схватил Камиллу лапой за плечо.

Отчаянным движением она сорвала с лица маску, чтобы позвать на помощь.

Но в ту же минуту вторая лапа схватила ее за горло. Камилла упала, попыталась доползти до двери. Обезьяньи пальцы обхватили ее горло довольно низко и позволяли ды-

[1] Здесь: Объединение металлургов (*фр.*).

шать. Они катались по полу ужасным клубком. С каждой секундой пальцы все сильнее сдавливали горло.

В коридоре послышались шаги — распахнулась дверь, и вошел старичок из Commise des Forges.

Увидев происходящее, он бешено завизжал и выскочил из комнаты. С его лысой головы ливнем катился пот. Он верещал, как сумасшедший. Сбежались лакеи и публика. Зверь щелкал зубами, и никто не решался подойти. Наконец обезьяне надоела эта история. Она повернулась к Камилле и одним взмахом челюстей разорвала ей горло.

Затем она наступила на женщину ногой и дернулась к двери. Люди рассыпались, как воробьи. Старик из Commise des Forges переодевался где-то на втором этаже в чистую одежду, предоставленную Дюверье. Комнату с обезьяной заперли на ключ и послали за полицией.

Зверь бросил Камиллу и возился с маской. Злобными глазами смотрела самка на ненавистную физиономию, отбиравшую у нее самцов, совала пальцы в дыры глаз, щупала нос, рот, пробовала на зуб волосы.

Наконец она разодрала маску на клочки и принялась грызть их, причмокивая.

Через полчаса ее застрелил полицейский комиссар.

Имя Камиллы больше не появлялось в анонсах и на афишах кафе. Кто-то попросил за немалую сумму продать ему бумаги и некоторые безделушки танцовщицы и отправить все poste restante[1]. Никто так и не поинтересовался личностью покупателя. Дюверье отослал бумаги и вещи poste restante и получил деньги.

В Лондоне Дюваль устроил Эдит на текстильную фабрику. Это была та же фабрика, откуда уволили Кэт. Эдит стояла на ее месте у ткацкого станка. Дюваль в тот же день испарился. Через три дня фабрика присоединилась к забастовке. У сернокислотного завода бастующих встретила полиция и расстреляла демонстрантов.

---

[1] До востребования (*фр.*).

Эдит сжимала кулаки, когда привезли мертвых и раненых товарищей.

Но она не смогла произнести ни слова.

Она и раньше знала, что такое бывает — Мак-Лейстон рассказывал ей, что против этих дикарей нет других средств, и она с ним тогда соглашалась.

В одном она с ним и сейчас соглашалась. Других средств нет ни с той, ни с другой стороны. Она достала себе револьвер.

Мак-Лейстон сильно рискнул бы теперь здоровьем, если бы начал проповедовать ей свою философию обращения с рабочими.

Стоя у станка, она снова стала человеком.

В ней проснулась своевольная, решительная американка.

«...Пока не перестреляем таких, как Мак-Лейстон, и ему подобных», — вспоминала она слова Кэт.

Дюваль не появлялся.

Глава 8

АМЕРИКАНЕЦ В УКРАИНЕ

Беркширский хряк. Глаз иллюминора. Дыра в стене. Треножник с чайником. О'Кенан в России. Дикарские нравы. Кусок мыла на завтрак. «Тше-Ка» в представлении доктора О'Кенана. Кенан поливает забор. Черепаховые супы. Наблюдения за голодающими людьми. Что можно съесть у трупа? Казак в канаве. О' Кенан и крысы. Препарат «Альбо».

Беркширский хряк никак не мог успокоиться. Он перекатывал свое тело, словно огромный, налитый гнилью пузырь, на идеальных матрасах кровати. Кровать медленно покачивалась, то помогая, то мешая ему находить удобную позу.

Мак-Лейстон не мог уснуть. Иллюминатор, как зеленый глаз филина, пялился прямо в его круглые выпученные глаза. Но зеленый зрачок не отражал беркширского хряка. В нем рисовались совсем другие картины... Точно в кино, мелькали бланки акций, газетные столбцы, описывавшие неуклонное падение акций химического треста. За газетными строками вставала нагло-спокойная физиономия Моргана-fils'a (сына) и не давала Лейстону ни секунды покоя.

Начиная с первого же газетного сообщения, Мак-Лейстон засыпал трест приказаниями поддерживать стоимость акций на прежнем уровне. Он чувствовал, знал, что это не поможет, если в деле нарисовался Морган. Но Лейстон еще не был уверен, что это он.

Биржевые зайцы, верные прислужники миллиардера, точный и мощный аппарат треста, вдруг забуксовали. Ничего нельзя было выяснить, все погрязло в какой-то мистической мгле вертящегося хаоса, в котором всю жизнь обретаются простые смертные, не ведая, что будет с ними завтра. В этом хаосе теперь увяз и Лейстон, прежде так ясно все видеший и сам творивший свою жизнь.

Эта неуверенность, эта мгла были еще страшнее падения акций (хряк перекатывался с боку на бок) — они до-

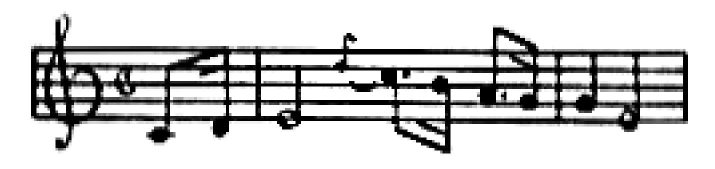
казывали, что за всем действительно стоит Морган. И впрямь, его физиономия то и дело выглядывала из иллюминатора.

Чего хочет Морган? Хочет ли он проглотить Лейстона с его шкурой, гнилым желудком и безупречными ногтями живьем или желает поставить в непосредственную зависимость от себя? Лейстон уже обращался по кабелю к Моргану. Морган поинтересовался его здоровьем, посочувствовал его неудачам в поисках Эдит и просил успокоиться по поводу акций — это, мол, рыночная конъюнктура.

Да! все началось с того, что сбежала Эдит. После этого навалились неудачи. Лейстон, не веривший ни в Бога, ни в черта, хотя и поддерживавший деньгами попов разнобразных группировок, используя их как рекламистов треста, — Лейстон вдруг оказался в положении суеверного лавочника, который, не продав утром выгодно «на почин», уже опасается провального дня торговли.

Он с ужасом чувствовал, что становится товарным фетишистом, что еще немного, и он поверит в конъюнктуру рынка, которую преподносил ему Морган. Эта конъюнктура казалась каким-то длинным бамбуковым стеблем, толстым и гладким. Морган протягивал его из иллюминатора. Но гладкие пальцы Лейстона скользили по гладкой поверхности бамбука, он не мог ухватиться даже за стыки, и бамбук исчезал, а Лейстон просыпался весь в липком поту. По палубе, наверху, кто-то ходил и мешал спать. Еще выше на солнце стоял матрос и набивал пахучим табачком хорошо обкуренную трубку.

Оставив преследователей позади, Гарри перестал бежать, сунул руки в карманы и пошел обычным шагом, медленно посвистывая:

Был вечер. Темнота узких улиц предместья скрывала его арестантскую одежду. Гарри пересек пустой базар. На углу стояла девушка. Когда Гарри поравнялся с ней, она взяла его под руку и потащила с собой. Гарри высвободился и стал прямо перед ней. Перед ним была Кэт.

— Пойдем скорее, глупенький, — сказала она. — За тобой снова увязалась какая-то ищейка.

И она указала на противоположный тротуар. Гарри пристально вгляделся: ничего не было видно.

Внезапно он дернулся и, как кот, прыжками перескочил мостовую. От стены отделилась темная фигура и побежала по тротуару. Гарри побежал следом. У фонаря он чуть не догнал шпика, но под фонарем стоял полицейский. Гарри, не добежав до него с десяток шагов, вернулся и, посвистывая, пошел к Кэт. Они молча постояли с минуту, никто не подошел.

— Я знаю, где здесь сдаются номера, — сказала Кэт. — Пойдем. Дай деньги.

На углу Гарри встал, прислонившись к стене, и сделал вид, будто рассматривает что-то или поливает ограду. Кэт взяла деньги и через три минуты — все три минуты Гарри простоял, как прикованный, у ограды, — вернулась с одеждой. Было поздно, на улицах никого уже не было. Гарри быстро переоделся, и они пошли в дешевую гостиницу, где проститутки с клиентами снимали номера. Кэт села на кровать. Гарри достал из кармана документы, которые ему дал Дюваль. Здесь был заграничный паспорт со всеми визами в Советский Союз. Было сотни полторы долларов.

— Что это у тебя? — спросила Кэт, увидев, что Гарри молчит и о чем-то раздумывает.

Гарри не отвечал.

— Дорогой мой, тебя поймают! — жалобно сказала Кэт. — От них не уйдешь.

— Ты хорошая девушка, — ответил Гарри. — Я бы тебя взял с собой, но никак не получается. Надо хотя бы самому убежать.

В эту минуту рядом щелкнула дверь. Кто-то занял соседний номер. Гарри и Кэт разделись и легли в кровать.

Лейстон, приехав в Нью-Йорк и наплевав на телефонограммы и прочее, самолично поехал прямо к Моргану.

Никто уже не брал его акции. Чтобы повысить курс, он сам покупал их скопом. Акции слетались в его контору, а навстречу им вылетали чеки. У него оказалось больше половины собственных акций, а они все падали и падали в цене.

Морган его не принял. Нет дома.

За три дня Морган скупил все его акции по цене ниже номинала. Лейстон чувствовал, как у него подгибаются колени. Морган решил сожрать его заживо!

В разговоре с бухгалтером выяснилось, что доктор Рипс вел подложные счета. Хотя сумма, которую украл этот уважаемый ученый, не могла иметь никакого значения в общем балансе Лейстона, миллиардер скрежетал зубами, думая о том, что доктор увез вместе с деньгами и дочерью его коммерческое счастье. Бухгалтер меланхолично вытер пот с лысины...

Лейстон начинал тупеть. Внезапно ему захотелось спать. Не успел он дойти до спальни, как его перехватила мисс Древинс, главная экономка.

— М-р Лейстон, м-р Сидней исчез из дома, — сказала она... и села на пол. Да, почтенная женщина, увидев выражение лица Лейстона, села прямо на пол. Из-под нее потек ручеек и образовал вокруг нее лужицу. Лейстон пнул ее ногой и вошел в спальню. Это был уже не знаменитый и могущественный м-р Лейстон, король химической промышленности, это был просто беркширский хряк, ирландский лавочник. На его тупой роже было написано только одно желание — выспаться!

Войдя в комнату, он свалился на кровать и захрапел.

В доме поднялась суматоха. Вызвали врачей. Лейстон проснулся, обложил врачей несколькими словами, не употребляемыми в монастырях и институтах благородных девиц, выразительно плюнул на пол и, повернувшись к стене, захрапел снова.

Мисс Древинс наконец поднялась с пола.

— Дженни, протрите пол, — сказала она. — Я разлила стакан воды.

Дженни затерла лужу. Она была очень удивлена, не увидев никаких следов стакана. Неужели мисс Древинс спрятала его под юбку?

Ночью Кэт проснулась от какого-то ровного гудения — кто-то словно запустил механическое сверло. Она разбудила Гарри, и они стали прислушиваться. Гудение доносилось из соседнего номера. Кэт вскочила с кровати и бросилась к двери. Дверь распахнулась — она вышла в коридор. Да, не было сомнения, гудело в соседнем номере. Кэт поспешно оделась и разбудила коридорного.

— Кто живет в соседнем с нами номере? — нервно спросила она.

— В соседнем номере... — протер глаза коридорный, — в соседнем номере... а какой это номер?

— 27! — выпалила Кэт. — Говорите скорее. Кто такой, чем занимается?

— В 27-ом рабочий с инструментом. Сверлит в чем-то какие-то дыры. Продает что-нибудь на базаре. Зачем это вам?

— Хорошо, — сказала Кэт и пошла к Гарри.

Тот, поразмыслив, снова завалился спать.

Надо было выспаться в безопасном месте. Кто знает, удастся ли поспать завтра? Кэт сидела и слушала. Гудение прекратилось, начали стучать молотком. Было два часа ночи. Кэт заснула сидя, мотнула головой, проснулась и снова легла в кровать. Молоток смолк. Она уснула.

Просверлив дыру, д-р Рипс вышел на цыпочках в коридор и заклеил щели на дверях 26-го номера. Затем он извлек из рабочей сумки цинковый баллон, приладил кран к отверстию в стене и открыл вентиль. Через десять минут он закрыл кран, вытащил его из дырочки и заделал отверстие приготовленной пробкой. Подождав еще пятнадцать минут, благородный ученый снова вышел, аккуратно и бесследно снял приклеенную молоком бумагу с двери номера 26-го и, войдя в 26-й номер, зажег карманный фонарик, поставил на пол какой-то трехногий сосуд с порошком, залил по-

рошок какой-то жидкостью и снова выскочил из комнаты.

Три минуты спустя д-р Рипс вновь вошел в 26-й номер. Теперь он насыпал в треножник уголь и поджег его бумагой.

Далее благородный химик внимательно обыскал одежду Гарри, вытащил все документы и деньги. Тело было еще совсем теплым. Рипс стащил с трупа кальсоны и продолжил тщательный обыск. Наконец ему повезло. Подняв картонную стельку в ботинке, он увидел, что она исписана с обратной стороны химическими формулами. Эту стельку он положил в карман.

Методически и не спеша, д-р одел Гарри, вытащил и сжег стельку из второго ботинка, положил Гарри в карман документы и немного денег. Затем поставил на треножник чайник с водой. Газ из треножника уже кружил ему голову. Он вышел, зашел в свой номер, забрал вещи и спустился по лестнице вниз.

Через три дня он отправляется в Советский Союз. То, что не удалось Мессеби и Лейстону, удалось доктору химии Джиму Рипсу. В его руках был способ получения искусственного протеина. Гарри и Кэт, еще теплые, лежали рядом на кровати.

Такого-то числа такого-то месяца доктор химии Джим О'Кенан вышел из sleeping car[1] на перроне Красного Петрограда. Он шел... впрочем, надо сказать, что сейчас он и не думал о том, куда идет. Он жадно осматривался — ведь он приехал в страну голодных дикарей.

Началось с того, что мистер Кенан бросил на перрон окурок сигары. К мистеру Кенану подошел мужчина в форменной одежде и, сделав вежливый жест рукой, предложил ему идти за собой. Мистер Кенан, считая, что мужчина хочет с ним познакомиться, решил, что заводить знакомства в стране дикарей еще рано, и спокойно направился к выходу. Но мужчина догнал его, встал перед ним и повторил жест.

---

[1] Спальный вагон (*англ.*).

— Убирайтесь к этакой матери, — сказал О'Кенан по-английски. — У меня нет желания с вами выпивать!

Возле них собрались два-три человека. Какой-то незнакомец в военной гимнастерке сказал по-английски:

— Вы должны заплатить штраф за то, что кинули окурок на перрон!

— Goddam, — рассердился Кенан. — В Нью-Йорке, в культурной стране, любой гражданин выбрасывает то, что ему не нужно, на улицу!

— У нас мусор бросают в урны, — вежливо сказал человек в гимнастерке.

Заплатив штраф, м-р Кенан начал обдумывать ситуацию. В багаже у него были мясные консервы, банки супа консоме, супа из черепахи, кофе, шоколад и все остальное, что должен иметь культурный человек в стране голодных дикарей.

Он мог, правда, как-нибудь устроить свои дела с АРА и получить оттуда паек, но м-р О'Кенан очень хорошо знал, какие продукты поставлял для АРА мистер Мак-Лейстон и другие благотворители голодного человечества, и при воспоминании об этих продуктах его даже немного вывернуло.

Пока что м-р Кенан не имел никаких документов от АРА и из рассказов эмигрантов знал наверняка, что по выходе из поезда его немедленно арестуют и посадят в «Тше-Ка», где будут кормить супом из крыс. Он сознательно шел на это, поскольку другого выхода все равно не было — придется потерпеть. Дикарям он объяснит, что культурный «уапкее» не может есть суп из крыс, потому что это вредно для желудка, и что таким образом местные обычаи, очевидно, к нему не относятся.

К превеликому удивлению м-ра О'Кенана, на вокзале его не арестовали. Не арестовали также и по выходе на улицу. Мало того, м-р О'Кенан нигде не видел ни следа живописных бандитов из Тше-Ка, увешанных бомбами и опоясанных пулеметными лентами, с ножами в зубах на всякий случай. Вместо бандита к нему подошел мужчина в гимнастерке, который только что растолковал ему смысл инцидента на вокзале.

— Позвольте представиться: профессор Иванов, химик, — сказал мужчина по-английски.

М-р Кенан решил, что столкнулся с одним из усовершенствованных способов клянчить деньги, о которых он читал у Дж. Лондона. Он вежливо поклонился и заверил, что лишних денег не имеет. Просто оттолкнуть этого человека, как он сделал бы в Америке, О'Кенан не решился — дикари могли бы его, чего доброго, и убить, к тому же время голодное... Итак, мистер Кенан заверил, что у него нет лишних денег.

— Я не собираюсь просить у вас деньги, — строго ответил Иванов. — Если вы считаете, что обойдетесь без моих советов, будьте здоровы! — и он отошел.

Д-р Кенан, довольный, что избавился от просителя, направился в город. Ему очень хотелось как можно скорее увидеть, как голодные женщины едят своих детей и грызут свою одежду.

Он даже решил пожертвовать своим, к счастью, уже не очень чистым носовым платком, чтобы посмотреть, как его будет есть голодный россиянин. Пройдя несколько шагов, он вдруг стал свидетелем необычайной сцены.

У забора стоял какой-то молодой парень с расстегнутым воротником. В одной руке он держал кружку с водой, в другой — кусок мыла. Заинтересованный доктор подошел поближе. Парень набрал в рот воды и поднес ко рту мыло.

«Он будет есть мыло!» — догадался м-р Кенан и подошел еще ближе.

Парень выпустил изо рта струю воды и полил мыло.

«Сейчас начнет! размягчает мыло!» — подумал О'Кенан.

Но парень не стал есть мыло, зато намылил руки и начал их мыть, пуская изо рта струю воды.

«Какое странное сочетание некультурности с аккуратностью! — не мог прийти в себя доктор. — Сначала он вымоет руки, а потом съест свой паек!»

Но парень не оправдал надежд м-ра О'Кенана: вымыв руки и лицо, он вытерся носовым платком и удалился.

М-р Кенан, немного разочарованный, пошел дальше. Он забыл справиться кое о чем на вокзале и чувствовал теперь

давление в мочевом пузыре. Рассудив, что дикари, очевидно, вообще не имеют понятия об уборной, доктор химии О’Кенан остановился на улице и начал поливать забор.

Это занятие прервал какой-то человек, который хлопнул его по плечу и сказал что-то на дикарском языке.

После того, как он повторил знакомый м-ру Кенану жест, д-р заплатил штраф.

— Какая чертовщина! Куда я попал? Что за люди? — философствовал д-р О’Кенан, садясь в кэб и указывая извозчику руками, что его нужно отвезти в гостиницу.

С интересом осмотрев гостиничный номер и увидев, что он очень похож на номер второстепенной гостиницы в Нью-Йорке, д-р Кенан решил пойти в местный комитет АРА.

Он вытащил из чемодана банку черепахового супа, попросил ее разогреть, помогая себе в разговоре пальцами, и стал одеваться. Был уже пять часов, и потому он достал фрак, повертел цилиндр, смахнул с него пылинку и оделся. Проглотил пару пилюль, поел супа из черепахи, накинул макинтош и вышел на улицу. План у него был такой: он переговорит с директором филиала АРА, получит от него назначение в голодные губернии и испробует там препарат «Альбо»; он будет производить его там же, лаборатория где-нибудь найдется. Затем он соберет статистические данные и предложит советскому правительству купить у него препарат. С миллионами в кармане он сможет жить где угодно. Он будет не Джимом Рипсом и не О’Кенаном, а, скажем, Бобом Дочерти.

М-р О’Кенан улыбался, воображая себя Бобом Дочерти. «Называй меня Боб, детка!» — обращался он к воображаемой женщине. Прежде всего он съездит в Париж, побывает в кафе Синей Обезьяны, — он слышал о нем интересные вещи, очень интересные вещи. Одно было плохо — это Тше-Ка. Он еще не арестован, но это могло ничего не значить. Д-р О’Кенан знал из самых верных эмигрантских источников, что каждого приезжающего арестовывает Тше-Ка и кормит супом из крыс и хлебом из половы. Кроме того, эти дикари могли его расстрелять и, упаси Бог, — может, и

съесть в супе...

М-р О'Кенан вышел на улицу. Увидев его безупречный цилиндр, несколько мальчишек побежали за ним и нацелились сбить с него этот необходимый предмет вечернего туалета. Пришлось снова садиться на извозчика.

М-р О'Кенан немного задержал директора филиала АРА — ведь это была последняя беседа с культурным человеком перед путешествием в дикарские прерии. Оказалось, что директор действительно был культурным человеком. Сперва он, правда, не хотел давать О'Кенану поручение в голодные губернии, мотивируя это тем, что м-р О' Кенан ему, собственно, мало знаком. Но когда д-р Кенан намекнул на некоторую круглую сумму, директор сразу обнаружил свою культурность и, получив определенный аванс, приказал немедленно выписать доктору О'Кенану назначение. Он даже позаботился, чтобы доктору, как ответственному деятелю АРА, выдали некоторые рекомендации от советских учреждений.

Пробыв из любопытства несколько дней в Москве и убедившись, что и Москва, и Петербург города явно не русские, так как дают очень мало материала в отношении дикарских нравов, д-р О'Кенан уехал в Харьков, собираясь прорваться потом дальше на юг в голодные губернии.

Там он увидит подлинную дикость. Кстати, его так и не арестовала Тше-Ка, — в Москве ему даже показывали в АРА одного из тше-кистов, но это был обычный человек, как и все, без бомб, пулеметных лент и ножей, скорее похожий на вооруженного рабочего.

Петербург не русский город – во-первых, его построил Питер I, который первым из всего русского народа надел штаны вместо овечьей шкуры, а во-вторых, там так много немцев, французов и англичан.

Д-р Кенан сидит в мягком вагоне, в поезде Москва- Харьков. Поезд, конечно, идет не так быстро, как американский экспресс, но это все-таки поезд, а не конная повозка. «Может, лошадей съели», — раздумывает д-р, но вспоминает, что видел в Москве сколько угодно лошадей...

У харьковского вокзала д-р увидел первых голодающих.

Двое или трое желтых оборванных мужчин, протягивая руку, просили есть. Заинтересованный д-р О'Кенан вытащил носовой платок и, держась на расстоянии, бросил его голодному. Тот взял носовой платок и спрятал в карман.

«Оставил себе на ужин», — решил уважаемый доктор. Он попробовал знаками поощрить голодного съесть носовой платок сейчас же и стал показывать пальцами на рот, но голодный состроил бестолковую физиономию и только еще раз поклонился.

Д-р Кенан сел в автомобильчик АРА.

Шофер повез его через «bazzar»; это было место, где продавалось огромное количество хлеба, мяса, овощей, одежды.

«И это все в голодной стране», — удивлялся д-р. — Неужели и эта морковь и все эти брюки и керосиновые лампы — аровского производства?

На базаре тоже стояли голодающие и протягивали руки. На глазах д-ра Кенана одному из них дали кусок хлеба, и он спрятал его в торбу.

«Замечательный народ, — подумал доктор, — они обедают позже, чем английские лорды».

Но все-таки голодающих было очень мало.

В АРА директор украинского филиала объяснил Кенану, что голодающие едут организованно поездами и кормят их на пунктах. Кроме того, голодают люди главным образом по селам, куда тяжело быстро доставлять продукты.

— В городах люди живут, конечно, не так, как в Америке, — поспешил добавить директор, — но все же не так уж плохо.

— Скажите, откуда же привозят сюда электрические лампы, одежду и прочее? — спросил д-р Кенан.

— Это все производится здесь, – ответил директор. — АРА, как вы знаете, поставляет только продукты и отчасти одежду. Одежду мы раздаем, конечно, исключительно интеллигентным людям — профессорам, учителям и т.д.

Из разговора с директором выяснилось, что О'Кенану лучше ехать на юго-восток, на Дон и Кубань. Там он сможет увидеть, как женщины едят своих детей, и вообще раз-

ные интересные вещи.

Где-то у станции Сосика, на маленьком степном полустанке, человеколюбивый д-р сошел из поезда. Здесь он собирался проводить эксперименты над голодающими.

После долгих и трудных переговоров с помощью рук, глаз, рта и даже ног доктору удалось снять пустующее помещение, где он намеревался изготовлять «Альбо» и ставить опыты. У него не было с собой ни одного помощника. Эксперименты и производство «Альбо» нужно было держать в строжайшем секрете.

Д-р жил в доме какого-то «иногороднего» казака, а лабораторию устроил в заброшенном складе для зерна — это было просторное каменное здание без окон, кишащее крысами.

Казак-кубанец чудовищно голодал. Он еще держался — не уезжал на запад, потому что знал, что ехать с семьей нелегко, что его жена и трое детей рискуют заболеть, не выдержать дороги.

Д-р с любопытством наблюдал, как все четверо грызли корни, ели траву, как они, желтые и изможденные, лежали целыми часами где попало...

Сам доктор располагал немалым запасом черепаховых супов и за себя не боялся. Кроме того, он убедился, что за хорошие деньги можно кое-что и прикупить. Поэтому он спокойно наблюдал, как казак постепенно распродал всю чистую одежду, как он, его дети и жена ходили уже голые, с раздутыми животами, добывая траву и корни.

В Америке уважаемый химик, воспитанный в строгих правилах морали, едва ли смог бы жить в одном доме с голыми людьми, но это были дикари, что-то близкое к китайцам или вообще к каким-то животным, и д-р невозмутимо рассматривал раздутые животы. Его интересовало, сколько день они выживут на таком непитательном и вредном рационе, как трава и корни.

К его удивлению, они продержались куда дольше, чем он рассчитывал. Сначала умерла младшая девочка. Мать с плачем обнимала ребенка и не давала его унести.

— Сейчас будут есть, — предвкушал неслыханное развлечение О'Кенан. Он знаками объяснил казаку, что хотел бы разрезать труп, чтобы исследовать изменения в организме. Попытался объяснить, что тогда удобнее будет и резать мясо для еды, так как могут попасться несъедобные части. Но казак посмотрел на Кенана таким взглядом, что тот спешно решил прогуляться. Ребенка закопали. Ночью д-р Кенан все-таки выкопал ребенка и отнес тело в свою лабораторию. Он успел только разрезать живот девочки и приступить к изучению деструкции органов пищеварения, как в дверь постучали. Д-р спешно накрыл тело какой-то материей, которая называлась «rjadno», и открыл дверь. Казак прошел прямо к столу, стянул рядно и обнажил тело.

С секунду он простоял, меряя глазами фигуру доктора. Тот сник и не знал, что делать.

За него решил казак. Он завернул тело в рядно. Перед этим он показал доктору на разрезанный живот своей дочери. Затем он забрал тело и, выйдя из лаборатории, запер снаружи дверь.

В тот же вечер казак умер. Обессиленный, он, зарыв девочку, не смог дойти до своей хаты. Забрался в канаву у дороги, чтобы поспать часок, а потом пойти в исполком и рассказать о докторе. Но он не проснулся — потеряв сознание, не приходя в себя, он умер в канаве среди выжженного солнцем бурьяна.

Рипс осмотрел помещение: окон не было, дверь из тяжелого железа, видимо, в дюйм толщиной. Выбраться не было никакой возможности. Но у него была с собой еда, и поэтому он взялся пока за изготовление «Альбо». Ему немного мешали работать крысы, они бегали без всякого страха вокруг него, а одна даже попробовала укусить его за ботинок. Рипс только засмеялся, увидев, как ее зубы увязли в грубой американской подошве.

Поймав крысу за спинку, он убил ее, чтобы больше не лезла. Сначала вырезал ланцетом глаза, отрезал нос и поковырял ланцетом череп. Отпустил. Крыса упала на спину, снова поднялась на лапы, снова упала, поползла как-то боком и замерла, не в силах сдвинуться с места. Рипс отрезал

ей поочередно все четыре лапки и бросил крысу.

«Будет ей наука не лезть к людям», — рассудил Рипс.

Он работал до вечера; в то время, когда казак умирал в канаве, Рипс решил поужинать и лечь спать. Очевидно, эти дикари сегодня его не выпустят. Он забеспокоился и еще раз оглядел стены и двери. Выбраться без инструментов не было возможности.

В крайнем случае, завтра он подкопает ножом стенку и попытается проделать лаз. Пока что он убрал со стола все рабочие принадлежности, разостлал на столе макинтош и, кляня на чем свет стоит дикарские нравы, лег спать.

Ночью Рипс проснулся, — его что-то укусило. Он зажег спичку и увидел, как со стола соскочила крыса. На полу он увидел еще несколько штук. Это было уже слишком. Он начал швырять в крыс чем попало и, разогнав их, снова уснул. Он не проспал и четверти часа, как снова проснулся от укуса. На этот раз, сколько он ни швырял, крысы не убегали, а только сновали с места на место.

Рипс, немного испуганный, заметил, что их стало больше. Они бегали вокруг стола и откуда-то появлялись все новые и новые.

Он зажег лампу и сел на столе. Придется сегодня бодрствовать. Все равно не дадут уснуть.

Он слез со стола и начал расставлять приборы, решив в крайнем случае поработать. Крысы немного притихли и сбились по углам, но со склада не убегали.

Поработав какое-то время, Рипс снова почувствовал укус. Он взмахнул рукой и схватил крысу. Та впилась ему зубами в палец. Доктор вскрикнул от боли и, отшвырнув крысу, начал искать пластырь. В этот момент его укусили еще и еще. Пришлось снова влезть на стол.

Картина, которую Рипс увидел вокруг, была даже несколько пугающей. Сотни крыс сгрудились по углам, десятки бегали по полу и тут и там пытались взобраться на стол. Увидев Рипса на столе, крысы вышли из своих углов. Теперь Рипс понял, откуда они приходили. У двери виднелась дыра в полу, оттуда вылезали полчища грызунов. Не слишком мужественный Рипс был серьезно испуган — они мог-

ли здорово искусать его сегодня. В этот миг одна из крыс вскочила на стол и прыгнула ему на ногу. Рипс нервно сбросил ее на пол, но на столе мигом оказалась вторая, третья, десятки, сотни крыс и начали карабкаться на него.

Отчаянными движениями он сбрасывал их с ног, с одежды, но крысы все смелели. Он отрывал от себя крысу, та кусала его за руку. Уже несколько раз голодные грызуны добирались до его горла. Одну руку Рипс все время держал у лица и каждые полсекунды стряхивал с груди озверевших крыс. Вдруг он ощутил невыносимую боль в затылке. Он взмахнул рукой, потерял равновесие, поскользнулся и, упав со стола на пол, ударился затылком о камни. Как туча комаров, крысы ринулись на его пиджак, рубашку, лицо...

С полминуты он лежал без сознания. Он пришел в себя уже с разорванным горлом. Как израненный зверь, он вскочил на ноги и бросился к столу. По дороге он наступил на крысу, споткнулся и снова упал. В ту же минуту пара крыс снова вцепилась ему в горло.

Голодные крысы с большой охотой обдирали мясо с д-ра О'Кенана, иначе Джима Рипса. Некоторые из них прогрызли упаковку пакетов «Альбо», которая лежала у доктора в кармане, и попробовали препарат. Он так им понравился, что они съели его подчистую. Даже вылизали бумагу. Вообще-то безвкусными были только какие-то места на теле уважаемого доктора, отметины какой-то хвори.

Обладай крысы эрудицией доктора Рипса, они наверняка решили бы, что это следы застарелой венерической болезни.

Глава 9

НОВЫЙ СПОСОБ ЛЕТАТЬ

Кто такой Мартин? Почему лицо его налилось кровью, когда он шел с демонстрантами? Откуда Тони знает малайские сказки? Кто автор романа? Художник Сашко. Письмо д-ра Нансена. Перелет в Москву. Новое изобретение в авиации. Пивной человек. Генеральский отпрыск. Профессор Мессеби и кот. Разговор с Дювалем. Сашко собирается влететь в комнату через окно.

Читатель, видимо, давно бы хотел получить некоторые объяснения по поводу романа. Кто такой, например, Мартин и почему у него на груди вытатуирована птица?

Почему шрам на лице Мартина налился кровью, когда Лейстон проехал мимо демонстрантов на автомобиле?

Может, то была ненависть ко всем классовым врагам или к одному из них? Но кроме того, у Мартина явно были с Лейстоном еще какие-то дела.

Что за перстень был на руке гориллы, застреленной Дювалем? И почему, скажем, полинезиец Тони рассказывал малайские сказки, а не полинезийские?

На некоторые из этих вопросов автор может дать ответ немедленно.

Так, например, полинезиец Тони рассказывал малайские сказки потому, что он их слышал. Его познакомил с ними один малаец.

Смешно было бы вправду думать, что Тони мог их прочитать в десятитомном сборнике немецкого этнографа.

Во-первых, Тони не знал настолько хорошо немецкий язык, во-вторых, он мало интересовался этнографической литературой... В-третьих, Тони вообще не умел читать.

Перейдем к другому: почему, допустим, Мартин сильно разволновался, слушая сказки о Тово, а именно рассказ о появлении на свет этого малайского Уленшпигеля?

Отец Тово, как помнит читатель, обратился к своему брату, чтобы тот помог его жене зачать ребенка. Так вот, по-

чему этот способ размножения так заинтересовал старого Мартина?

Об этом читатель узнает в одной из ближайших глав.

А тем временем читатель может познакомиться с главным действующим лицом романа.

Главное действующее лицо романа... это Мартин — догадывается читатель.

Может быть, это Дюваль. А может, Эдит, Гарри, м-р Лейстон, Камилла... Нет, дорогой читатель! Среди упомянутых особ нет главного персонажа романа.

Главный персонаж романа — это «правда», снова догадывается читатель, помнящий «Войну и мир» Толстого.

Мимо!

Толстовская «правда» не является главным действующим лицом этого романа, ее нет даже среди второстепенных персонажей.

Главное действующее лицо, самый активный герой данного романа — это его автор.

Автор этого романа мужчина, 28 лет, брюнет.

Впрочем, не исключено, что это девушка 23 лет, блондинка, его возлюбленная.

Все это вполне возможно и очень близко к правде.

Есть даже мнение, что роман представляет собой коллективное произведение пяти товарищей — трех брюнетов и двух блондинов.

Впрочем, пусть читатель не думает, что его хотят принять за дурака и убедить, будто у романа вовсе нет автора. Автор романа — живой человек (или живые люди).

Вчера он даже потерял на улице ключ от уборной. Это не фантазия пишущего данные строки, нет, это было в Киеве, на улице, у магазина «Ларек». Дело было так. Вернувшись домой, он захотел пойти в уборную. Ключа в кармане не оказалось. (Чтобы с вами такого не случилось, сделайте вот что: возьмите английскую булавку, наденьте на нее ключ и пристегните булавку изнутри к карману). «Черт с ним, с этим ключом!» — сказал товарищ автора романа, мужчина 30 лет, брюнет, «И. Курб»... (впрочем, эта фамилия с нашей историей не связана). Но автор романа отнесся к воп-

росу серьезнее, он взял коробок спичек и начал, зажигая их по одной, бросать спички в ночь, в отвратительную тошноту ночи.

Пусть читатель не думает, что он собирался поджечь дорогу. Нет, он просто вспомнил, где впервые вытащил на улице носовой платок и, направив туда свои шаги, нашел на тротуаре ключ. Тысячи людей прошли по тротуару, и никто не поднял его. Таково было авторское счастье. Этот конкретный эпизод, надеемся, полностью убедил читателя, что автор данного романа не вымысел, а «живой человек» или «живые люди», брюнет 28-ми лет или три брюнета и два блондина.

Впрочем, не исключено, что это девушка 23-х лет, блондинка, возлюбленная «живого человека».

Но вернемся к делу. Во время описываемых (не в этой, а в предыдущих главах) событий художник Сашко служил секретарем консульства УССР в Берлине[1]. Художник Сашко — это тоже молодой человек, лет 24-х, и тоже вполне конкретный живой человек, блондин. Когда есть деньги, покупает сигареты «Нансен», а когда денег нет, стреляет сигареты «Нансен» у товарищей.

Для того, чтобы у читателя не оставалось никакого сомнения в том, что художник Сашко — это действительно живой, конкретный человек, блондин лет 24-х, приводим здесь благодарность профессора Нансена Укртабактресту (не Сашко) за сигареты.

Текст письма, полученного от Ф. Нансена

Лисакер, 26 февраля 1924 г. Рабочим, служащим и администрации Краснооктябрьской Государств. Табачн. Ф-ки и Центральн. Механич. мастерских.

---

[1] Прототип этого персонажа — кинорежиссер А. П. Довженко (1894-1956); в романе использованы реальные факты его биографии, от дипломатической службы до работы газетным иллюстратором и карикатуристом под псевдонимом «Сашко». Выше читатель, разумеется, заметил намек на театрального режиссера-новатора Л. Курбаса (1887-1937).

Я уже письмом выразил Вам мою огромную благодарность через Русского Посла в Христиании за тот большой подарок, который Вы мне прислали.

Я хочу еще раз поблагодарить всех тех, кто подписал прекрасный адрес, и прошу их передать мою глубокую признательность всем рабочим и администрации Краснооктябрьской фабрики и Центральных мастерских за проявленную доброжелательность и любезное внимание.

Я считаю необходимым подчеркнуть, что я чрезвычайно тронут выраженными Вами добрыми мыслями. То, что я был способен сделать для Русского народа, явилось результатом необходимости облегчить тяжелые страдания и бедствия миллионов голодающих. Я тогда желал, чтобы мы могли сделать гораздо больше настолько, чтобы Русский народ мог в то время совершенно оправиться после постигшего его жестокого бедствия.

Положение в большей части Европы тогда было слишком тяжелым, и не представлялось возможным собрать ту сумму денег, которую мы хотели бы.

Я рад, несмотря на все, узнать, что положение в России улучшается, и я безусловно надеюсь, что Россия в скором времени займет вновь место одной из крупнейших промышленных стран.

Разрешите мне выразить мою бесконечную признательность за восхитительные сигареты — прекрасную русскую продукцию, которыми много наслаждаемся я лично и мои друзья.

Искренне Ваш ФРИТИОФ НАНСЕН.

«Краснооктябрьская» Гос. Табачн. ф-ка, выпуская эти папиросы самой высокой марки из отборных сортов иностранных табаков, посвящает их отважному борцу за дело спасения голодающих ПРОФЕССОРУ ФРИТИОФУ НАНСЕНУ[1]*.*

---

[1] Тексты письма и объявления даны в оригинале на русском языке.

Кстати, читатель узнает из этой благодарности, что профессор Нансен является отважным борцом за дело спасения голодающих. «Храбрость» его, очевидно, заключалась в том, что он, как и второй д-р (О'Кенан), решился поехать в Советскую страну.

Кроме того, мы видим из письма профессора Нансена, какое огромное значение имел он, профессор Нансен, в деле спасения голодающих. Действительно, что было бы с нами, если бы человеколюбивый профессор не согласился нам помочь. Страшно подумать.

Но, чтобы мы не думали, что профессор Нансен хоть немного благосклонно относится к нашей власти, он добавляет, что «необходимость облегчить тяжелые страдания и бедствия миллионов голодающих» была единственной причиной его великодушной помощи.

Оригинал этого письма нам посчастливилось достать из коробки, которую Сашко купил за собственные деньги в день получки. Сашко выкурил сигареты, а мы воспользовались литературной частью коробки.

Сегодня утром Сашко шел в не слишком хорошем настроении домой. К нему в комнату, где он масляными красками писал натурщиков, приходил фашист.

Было это так... Но перед этим нужно рассказать сон художника Сашко.

Увлеченный новыми изобретениями в области летания в воздухе, Сашко начал размышлять, как бы использовать эти штуки. Оказалось, что при чрезвычайном напряжении всех нервов человека, когда кажется, что все вокруг вот-вот закипит и превратится в пену, что при таком напряжении нервов и мышц нужно уловить какой-то момент; если его пропустить, — все снова становится обычным, обыденным и дебелым.

Но Сашко удалось поймать этот момент, и он плавно и легко поднялся в воздух. Полетав с три минуты по комнате, Сашко вылетел в окно на улицу. Поднялся шум, люди сбились в кучу, подбежал шуцман и вытащил револьвер. Сашко решил, что с револьвером нечего шутить, и порхнул над домами. Он летел теперь выше самой высокой коло-

кольни. Берлин расстилался под ним, как план, по плану города ползали, как букашки, лошади, проползали с едва слышным жужжанием жуки-автомобили, трамвай карабкался в гору, поблескивало ледяное зеркало Шпрее.

Сашко подумал с секунду и полетел на восток.

Еще рано, он еще успеет вернуться в консульство. Он не заметил, как пролетел панскую Польшу и оказался над Москвой. У Кремля, на Красной площади, он спустился до двух-трех метров и начал парить над площадью.

Собрались люди, вызвали специалистов, и Сашко продемонстрировал свой способ. Он летал боком, ногами вперед, делал в воздухе мертвые петли, летел животом вперед, стоя, летел вниз головой, так что штанины немного спускались и москвичи рассматривали его берлинские носки в полоску. Около трех часов художник Сашко кружил в воздухе, словно ястреб над двором. Наконец он решил спуститься и подробно рассказать специалистам о своем методе. Спускаясь, он задел ногой цилиндр какого-то человека, ехавшего на извозчике.

Читатель уже догадался, что это был мистер О'Кенан, так трагически погибший в предыдущей главе этого романа. Споткнувшись о цилиндр, Сашко потерял равновесие и упал на пальто, которое мгновенно подстелил ему один из зрителей. На пальто Сашко пролежал с полминуты. Рядом стояла кровать, очевидно, он уже прилетел домой. Для пробы Сашко хотел было сняться с пальто и сделать несколько кругов по комнате, но не сдвинулся с места. Очевидно, он не поймал момента. В эту минуту постучали в дверь. Сашко встал на ноги, решив полетать чуть позже.

В комнату вошел человек в цилиндре... Не снимая его, он подошел к Сашко. На Сашко пахнуло пивным духом. Затем человек с блестящим красным носом и мутными глазами спросил:

— Sie sind russischer Kommunist? (Вы русский коммунист)?

— Нет, — коротко ответил Сашко.

— Простите. Кто же вы такой? — снова спросил пивной человек.

— Я художник, — ответил Сашко. — Я украинский коммунист, член партии КП(б)У.

Пивной человек захлопал глазами и уставился на Сашко. Тот уже совсем проснулся и, оглядываясь вокруг, искал какой-нибудь метательный инструмент. Глаза Сашко не выражали никакой благосклонности к посетителю пивных.

Посетитель немного подумал. — Нет ли у вас российских почтовых марок? – изменил он на всякий случай тактику.

Но вместо российских почтовых марок Сашко одарил гостя сакраментальной русской трехчленной формулой.

Формула, очевидно, была знакома посетителю. Он проворчал что-то угрожающее и, покачиваясь, вышел из комнаты. Сашко оделся, повязал галстук и сунул в карман браунинг.

Сегодня или завтра его могут подкараулить на улице и хорошенько избить. Застрелить его, вероятно, не застрелят, потому что это вызовет всякие осложнения государственного свойства, но избить могут.

С немного испорченным настроением, не вспоминая даже о своем изобретении, Сашко пошел в консульство.

Сегодня консула не было, и Сашко его заменял.

— Можно войти? — услышал он хриплый голос.

— Можно, — строго отозвался Сашко.

В дверь продвинулась голова и сейчас же скрылась обратно.

— Можно, — яростно крикнул Сашко. Голова появилась снова, потом медленно показалась вся фигура. Прислонившись спиной к двери, посетитель низко поклонился и застыл.

— Что вам? — строго спросил Сашко.

Фигура подошла ближе. У стола она снова низко поклонилась. Теперь Сашко разглядел посетителя. Это был, очевидно, молодой еще человек лет так 28, но красный нос, мешки под глазами, мутные зрачки придавали ему вид сорокалетнего геморроидального жуира.

— Господин консул, — робко начал посетитель. В его хриплом голосе звучали какие-то кокетливые интонации любимца женщин, потрепанного жизнью тунеядца.

— Господин консул, я к вам с денежной просьбой.

Сашко посмотрел на субъекта. Дегенерат со следами всех возможных заболеваний.

— Сколько вам нужно? Кто вы такой? — спросил Сашко.

Мартин напряженно ждал. Вернется Гарри или нет? Гарри не вернулся. Вместо этого появился сержант с тюремным надзирателем. И надзиратель вызвал Мартина, Джемса и Тони.

Эта комбинация немного обеспокоила Мартина.

Почему не вызваны другие? Если им нужен стачечный комитет, то почему вызвали только Мартина и Джемса, и при чем здесь Тони? Не имеет ли это снова отношения к Руперту?

Все трое в сопровождении сержанта вышли в коридор. В конце его мигала небольшая лампочка; в коридоре стоял полумрак.

Внезапно раздался дикий визгливый крик, словно кричал смертельно раненый заяц. Тони упал ничком, схватил ноги Мартина и бился, как в припадке.

Он заметил, что Гарри исчез, и решил, что их ведут убивать, как того убили.

Мартину едва удалось немного его успокоить. Наконец они с Джемсом взяли Тони под мышки и потащили по коридору.

У лампы Тони пришел в себя и, крепко схватив Мартина за рукав, как обезьяна, пошел сам. Мартин оглянулся на сержанта; в слабом свете он увидел в нем что-то знакомое.

Сержант спокойно и даже удивленно выдержал его взгляд. Они вышли из тюрьмы. Сержант вынул револьвер и знаком велел им идти вперед. Солдат с ним не было.

— Куда вы ведете нас? — спросил Мартин, как за несколько часов до этого спрашивал Гарри.

— К следователю, — коротко ответил сержант. Услышав звук его голоса, Мартин и Джемс оглянулись, словно пораженные молнией.

Да — это был Дюваль!

— Я говорил тебе! — с досадой сказал Джемс. Мартин не отвечал ему.

— Куда вы нас ведете, товарищ? — повторил вопрос Мартин.

— Не говорите так громко! — ответил Дюваль. — Мы идем в порт. У меня есть паспорта для вас. Я дал один паспорт Гарри. Теперь тихо.

Они перешли несколько улиц.

— Кроме того, у меня есть приказ отвести вас в следственное отделение при гавани. В Англии все можно сделать за деньги.

— Но нас все равно арестуют, — сказал Мартин. — Те же филеры, которые продали вам паспорта и ваши сержантские лычки, выдадут вас, когда мы будем подниматься на пароход.

— Я это знаю, — сказал Дюваль. — Мы не пойдем туда, где нас ждут. Я условился с филерами, что они получат от меня оставшиеся деньги, когда мы сядем на пароход. Следовательно, они нас ждут в гавани. Но мы сядем на поезд и поедем катером в Гамбург...

Через шесть часов после этого, когда Мартин, Джемс и Тони уже отплывали на борту катера, Дюваль отправился на поиски Гарри. Он начал с того, что отыскал ту улицу, где Гарри сбежал, и пошел дальше, разглядывая лавки.

Вскоре он нашел то, что ему было нужно.

В маленьком магазинчике, где продавали одежду, ему сказали, что сегодня одна девушка купила мужской костюм. Дюваль попросил описать ее внешность и двинулся дальше.

Он заходил по очереди во все номера и расспрашивал о парочках. Никаких результатов.

Затем у одной из дверей он увидел полисмена и коляску. Дюваль закурил сигару, сунул руки в карманы и подошел к двери. В коляске лежало что-то похожее на тело, покрытое брезентом. Дюваль уже взялся за щеколду на дверях.

— Что там такое? — небрежно спросил он у полицейского, протягивая ему портсигар.

— Отравились какие-то дураки, — ответил полисмен, — парень с проституткой. Поставили чайник на уголь и заснули.

Дюваль сделал шаг вперед и поднял край брезента.

С коляски на него посмотрело мертвое лицо Гарри. Дюваль постоял еще секунду, потом, словно передумав, повернул туда, откуда пришел.

В районном адресном бюро за № 417 заказчику выдали адрес доктора химии профессора Мессеби.

— Кто вы такой? — спросил Сашко, обращаясь к дегенерату.

— Ах, дорогой мой, ужес, ужес! Моего папашу, генерала Сильницкого, вы знали, вероятно — друг покойного императора, убили большевики, и двух моих братьев на моих глазах.

Лицо Сашко передернулось, но он промолчал.

— Вот, у меня есть документы, вот... вот рекомендательное письмо императрицы Марии Федоровны.

Сашко взял «рекомендательное письмо императрицы Марии Федоровны» и начал читать.

Дегенерат тем временем рассказывал, как он сидел в Че-Ка, как ему удалось сбежать, и не жалел выражений по адресу большевиков. Сашко кончил читать. Кончив читать, он аккуратно сложил письма и швырнул их дегенерату в лицо.

Дальше он немного разошелся, стукнул кулаком по столу и крикнул:

— Ты куда попал, сукин сын? Вон отсюда, сволочь!.. (Здесь Сашко во второй раз за этот день воспользовался сакраментальной формулой.)

Субъект сник и стал пятиться к двери.

— Я, я ничего, извините, товарищ, я сам демократ, я сам революционер, два раза в тюрьме...

— Вон! — закричал Сашко и приподнялся со стула. Субъект дрожащими руками открыл дверь и ускользнул прочь.

Сашко вскочил и дважды прошелся по комнате. В эту минуту постучали снова. Вошел высокий крепкий человек

с мрачным выражением лица. Вся кожа у него на лице, словно оспинами, была покрыта мелкими пятнышками.

— Садитесь, товарищ.

На худом лице появилась теплая улыбка. Он сел.

— Говорите, что нужно!

— Я солдат, — начал тот. — Родился под Владивостоком. Меня вместе с другими послали еще в ту войну в Марсель с экспедиционным корпусом. Сидел в окопах, ходил в атаку два года. Просился в Россию — не пускают. Сидел в карцерах раза четыре. Приходилось снова идти в окопы. В 17 году узнали, что в России революция. Не захотели воевать и мы. Устроили митинг. Тогда нас погнали на передовые позиции, сзади расстреливали из пулемета. Выбили почти половину. Меня ранили пулей из французского пулемета в руку. Затем нас загнали в концентрационный лагерь. За каждое слово беспощадно пороли. Во Франции бьют не хуже, чем избивали в царской России. Бьют, отливают водой и снова бьют. Доктор следит, чтобы не забили насмерть. Лагерь был такой: сами должны были вырыть ямы, ямы обнесли колючей проволокой. В этих ямах мы жили полгода. Еды почти не давали. Покорившихся направили служить у Колчака и Деникина.

Меня били шесть раз, я не хотел ехать. Потом меня и еще нескольких послали в Конго мостить дорогу.

Солдат остановился. Затем указал рукой на свое лицо, испещренное пятнами.

— Знаете, что это такое? Над нами стояли негры с нагайками. Когда в жару упадешь от солнца, бьют, пока не встанешь. Заболеешь — просишься к доктору — бьют, пока не признаешься, что здоров. Я подцепил малярию. Меня били, заставляли работать. Однажды я не смог встать. Пришел унтер и велел идти работать. Я хотел подняться и не смог, сколько он ни бил меня нагайкой. Тогда они привязали меня к дереву. Под деревом был муравейник. Лицо и все тело мне смазали сахаром.

Несколько товарищей там умерли. И я бы оттуда не выбрался, если бы не один товарищ, проезжавший по той дороге...

Солдат снова остановился.

— Я был в величайших боях мировой войны. Все это ерунда по сравнению с тем, что я пережил впоследствии.

Руки его задрожали, и из горла вылетел какой-то дикий болезненный крик.

— Я никогда не плакал — вы можете мне поверить!

Он, содрогаясь всем телом, издавал урывками какие-то волчьи звуки.

Оба сидели молча.

— Вы не знаете, кто вас освободил? — спросил Сашко.

Солдат молчал. Спазматические корчи корежили его горло.

Наконец он снова смог заговорить.

— Я не знаю его фамилии. Он многим помог. Такой невысокий, наш земляк.

— Русский? — спросил Сашко.

— Ну так, вроде русский. Украинец! — объяснил солдат.

— Как он туда попал?

— Он говорил, что присоединился к какой-то экспедиции. Эта экспедиция пропала в болотах. Он один спасся.

— Хорошо! — сказал Сашко. — Завтра вы можете получить бумаги.

Он поднялся и пожал солдату руку.

Уважаемый профессор Мессеби окончил свой manicure и играл в кабинете с котом. Он не привязывал ему бумажки к хвосту, как делали некоторые великие люди в часы отдыха, а нашел другой, на его взгляд, более интересный способ. Набрав полный рот дыма, он вдруг пускал его коту в морду. Кот прыгал и убегал, но вездесущая рука профессора ловила его за хвост, и кот получал новый заряд дыма в морду. Уважаемый ученый знал по опыту, что еще через минуту кот начнет царапаться — тогда он брызнет ему одеколоном из шприца прямо в глаза, чтобы острой болью немного успокоить взволнованное животное. Гуманный профессор взялся за шприц, когда ему принесли визитную карточку.

Harry Rupert
Was here

От радости профессор выпустил коту в глаза чуть ли не весь одеколон и, пнув животное на прощание ногой, стал потирать руки. Он зажег сигару от сигары, придвинул ящичек со свежими сигарами и застыл. На сей раз он уже немного опасался слишком явно проявлять свою радость — о, напротив, он будет суров и непреклонен, пусть теперь тот просит!

— Войдите!

Быстрым шагом в комнату вошел какой-то человек и сразу сел против профессора.

«Как он… Да это не Руперт! Что за чертовщина?!» — едва успел подумать профессор.

— Вы интересуетесь способом изготовления препарата «Альбо», — начал незнакомец. — Я пришел сюда по делу его изобретателя, Гарри Руперта.

— Да, очень приятно, — сказал профессор. — Я слушаю. (По-видимому, сам Руперт побоялся прийти.)

— Руперт *не смог* прийти сам, — сказал незнакомец (почему профессор оставался спокоен?).

— Руперт не смог прийти сам, — повторил гость (профессор не моргнул глазом).

— Очевидно, его задержали какие-нибудь важные дела, если он попросил вас выполнить поручение. Я слушаю вас внимательно, — дружелюбно сказал профессор. (Что это за странный человек, почему он так уставился?).

— Руперта задержало очень важное дело — он не может прийти, потому что он *убит,* — сказал гость.

На лице профессора отразилось напряженное любопытство.

— Он передал мне за день до смерти тайну своего изобретения, — попробовал почву гость.

— У вас есть рецепт Руперта? — сказал профессор. — У

меня он тоже есть! (Профессор щупал почву.)

— У вас он есть, а у меня его нет! — раскрыл карты незнакомец, поднялся, захлопнул дверь, подошел к профессору, схватил его руки одной своей, а другой слегка сдавил ему горло.

— У вас есть рецепт Руперта — значит, это вы его отравили! Сию минуту давайте сюда рецепт!

Логика гостя не убедила уважаемого профессора, потому что рецепта у него не было. Он знал это твердо. Но рука (что за нервный, невыдержанный субъект!) при слове «отравили» сильнее сдавила профессорское горло.

— Слушайте, — зашипел профессор, — у меня нет никакого рецепта... отпустите немного горло, прошу вас, у меня нет никакого рецепта. Если бы я его имел, я не принял бы никакого Гарри Руперта, — вы понимаете — он был бы мне не нужен и даже опасен.

Внезапно человеколюбивый профессор умолк — он встретился взглядом с острыми глазами. По телу пробежало отвратительное ощущение. Рука совсем отпустила горло, гость сел напротив профессора. Стало тихо. Кот заскреб когтями дверь, прося выпустить его. Из горла профессора вырвался высокий, странный звук — звук, напоминавший голос пятнадцатилетнего мальчика. Затем голос понизился, и профессор голосом сомнамбулы произнес:

— Я бы убил Руперта, знай я, где у него рецепт. Он не носил его с собой. Я проанализировал смывки с его реторт, — но реторты были начисто протерты серной кислотой. Мне не удалось определить реактивы.

Произнеся все это медленным сонным тоном, профессор покачал головой и заснул. Гость отпер дверь.

— Алло! Кто там? — крикнул он в зал.

Появился лакей.

— Профессор заснул, разбудите его через полчаса, — сказал гость (кот выскочил в зал и унесся прочь, как сумасшедший).

— Я слышал ваш разговор, — сказал лакей. — Я могу кое-что рассказать вам об этом деле.

Гость извлек банковский билет и передал его лакею. Ла-

кей, прислонившись к косяку, рассказал о приезде Лейстона, о неизвестном англичанине с язвами на лице, интересовавшемся Лейстоном и рецептом.

— Еще десять фунтов, если вы скажете, кто этот человек, — сказал гость, доставая десять банкнот. Лакей вытащил визитную карточку.

Dr. James Reeps

— Это я свистнул у него, когда мы сидели в портерной! — сказал лакей.

Гость спрятал карточку в карман и вышел.

— Не забудьте разбудить профессора через полчаса, — сказал он на прощание.

Эдит работала на текстильной фабрике. У нее болела спина. Она начала часто кашлять от пыли, но была спокойна и решительна, как никогда. В ней проснулась упрямая американка. Наивная, привыкшая к счастливой жизни, она тем глубже верила в скорый успех великого дела освобождения человечества путем рабочего восстания. Это восстание должно было освободить и вознести ее саму — она читала о Спартаке и тайком училась стрелять из револьвера, закладывая в барабан монтекристовые пульки. Она как раз целилась в дверь, когда вошел Дюваль. Не говоря ни слова, не отвечая на ее вопросы, он достал карточку и показал ей.

Dr. James Reeps

— Вы знаете этого человека в лицо?

Пальцы Эдит крепко сжали рукоятку револьвера.

— Он убил изобретателя искусственного протеина, Гарри Руперта!

Затем Дюваль развернул утренний номер «Times'a»:

«Вчера ночью в Уайтчепле отравились угарным газом рабочий Гарри Руперт и девушка по имени Кэт.

Причина самоубийства не установлена. При Руперте был фальшивый паспорт для выезда за границу».

— Он убил их обоих! — сказал Дюваль. — С рецептом он поедет в советские республики и продаст его за миллионы. Я уезжаю искать его.

Сашко возвращался домой, оглядываясь по сторонам и обходя группки фашистов, толпившихся у кабаков. В его планы не входило быть сегодня избитым на улице. Фашисты уже пронюхали, где находится его студия, и могли подстерегать его у двери. Теперь было бы очень кстати влететь в студию через окно. А если оно закрыто, можно было бы сделать в воздухе петлю и влететь ногами вперед сквозь оконное стекло. Хрен с ним, с оконным стеклом! Свое здоровье дороже!

Глава 10

ЛЕЙН-МЛАДШИЙ И ЛЕЙН-СТАРШИЙ

Откуда Гарри знал ирландский? Лейн-младший и Лейн-старший. Судья с пасхальными яйцами. Старомодный автомобиль. Сашко и трое пьяных. Слон с говяжьими языками. Лейн-младший продает дом Лейну-старшему. Два идиота в Гамбурге. Велосипеды Enfield в 1900 году. Сашко в Харькове. Встреча с Дювалем на улице Либкнехта. Ветерок с кипятком. Конец.

Как может припомнить читатель, Гарри Руперт, рабочий-американец, обратился к жандарму на ирландском языке, и тот сразу отнесся к нему не как к номеру 17-му, а как к человеку. Мы должны рассказать теперь, где у американца Руперта была возможность овладеть ирландским языком. В Америке много ирландцев, отвечает читатель. Да, но Гарри изучал ирландский язык не в Америке, не среди ирландцев Америки, не среди эмигрантов, а где бы вы думали?

— В Ирландии, дорогой товарищ.

В горной местности Антрим есть сернокислотный завод, а возле него городок. Поезд проходит раз в день, и на нем никто не ездит, кроме арендаторов ферм.

В описываемый день в харчевню вошел пожилой человек, державший перед собой в вытянутой руке соломенную шляпу. Немного покачиваясь, он подошел к столику, сел и осторожно поставил шляпу на стол.

Затем он велел подать литр эля. Он придвинул к себе кружку и задумался. После вынул из шляпы одно, два, три, четыре яйца, облупил их и стал молча есть, запивая элем.

Толстый хозяин в жилете с цветочками подсел к нему за столик и спросил:

— Как дела, м-р судья? Почему вы принесли с собой пасхальные яйца? Разве вам не нравятся мои?

— Зачем мне ваши, когда у меня есть свои? — скрипучим голосом сказал судья. — Дюжина обходится мне на пенни дешевле.

Хозяин состроил дружелюбную улыбку. Пауза.

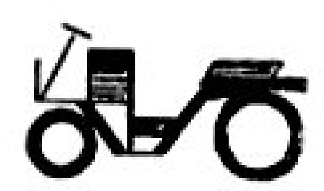
— А как обстоят дела в суде? — спросил он.

— Сегодня заканчиваем процесс Лейнов, — проскрипел судья. — Выиграл старший.

— Старший выиграл, старший выиграл, — заинтересовался хозяин. — Ведь старший должен был проиграть.

– Дорогой мистер О'Леннан! – сказал судья. — Как вы знаете, младший якшался с социалистами. Итак, что вам еще нужно? А?

Младший м-р Лейн работал на сернокислотном заводе. Старший Лейн, брат Лейна-младшего, держал в городе лавку. Он торговал мылом, содой, керосином для автомобилей. Последний товар давал не так много прибыли. В всем городке только директор завода имел машину, да и та была какого-то допотопного типа. Во-первых, она работала на керосине, а не на бензине. Во-вторых, она делала максимум 20 километров в час; в-третьих, мотор ее располагался под корпусом и она напоминала извозчичью пролетку в городе Киеве. В профиль она схематически выглядела так:

Шины были не надувные, а цельные, как у киевских извозчиков.

Но главным недостатком этого автомобиля было то, что он вот уже пять лет как сломался, и в городке некому было его починить. Вот каков был городок Антрим.

Понятно, что Лейн-старший получал не так много прибыли от торговли керосином.

За три месяца до описываемого дня Лейн-старший постучал в дверь дома Лейна-младшего.

Лейн-младший отмывал щеткой руки после сернокислотного завода — работа там тяжеленькая, потому что нет

приличной вентиляции, кислота разлита прямо на полу и дух стоит такой, что мальчик Лейна-младшего начинает чихать, как только отец показывается во дворе. Так вот, Лейн-младший чистил щеткой с мылом руки, а его жена, желая угодить Богу в субботу, готовила праздничный пудинг.

Она выглядела как девушка — они всего два года как поженились, и она не успела еще увянуть в святом браке. Одно только плохо — нечего надеть на новогодние праздники. Нет ничего и для мальчика. Он прожег новые штанишки кислотой, устроив себе сернокислотный завод в уголке комнаты.

Лейн-младший живет в своем доме, значит, сын его может там хозяйничать. Отец Лейн оставил младшему по наследству домик за городом, а старшему завещал накопленные на ферме деньги. Все это было очень хорошо, но дом стоял слишком близко к заводу. Крыша вся покрылась ржавчиной, и ее можно было пробить кулаком. Керосин съел дерево на подоконниках и косяках. Лейн-младший был бы очень не прочь переселиться из этого дома в другое место.

— Здорово, друг! — сказал Лейн-старший, заходя в дом.

Тем временем Сашко шел домой, обходя группки пивных людей и сжимая в кармане браунинг.

Подойдя к двери своей студии (она же спальня), художник остановился.

У подъезда стояли три человека и разговаривали между собой.

Один из них казался Саше фатально похожим на того, что приходил к нему сегодня утром в ателье. Сашко, посвистывая, прошел мимо своей двери, будто он здесь никогда и не жил. Взглянув на группку, он узнал утреннего пивного человека. Тот, к счастью, не обратил на него никакого внимания и только отрыгнул пивом на всю улицу. Товарищи его переглянулись и захихикали. Сашко шел по улице. Из переулка показались еще три фигуры и пошли ему навстречу. Пошли быстрым решительным шагом. Двое шли впереди, третий немного отстал и посматривал по сторонам. Сашко решил, что лучше иметь дело с тремя пьяными, чем

с тремя трезвыми. Итак, он повернул назад и пошел к своей двери.

Миновав дверь, он вдруг повернулся на каблуке и стрелой ринулся в подъезд. Он счастливо перескочил порог и вихрем понесся по лестнице. Но на четвертой ступеньке он зацепился носком джимми за лестницу и упал. В тот же миг трое пивопивцев ворвались в дом. Сашко не успел даже пожалеть, что он позабыл искусство полета. Один из фашистов сразу насел на него. Но Сашко был гораздо трезвее нападавшего. Он пнул его ногой в живот — раздалась громкая пивная отрыжка, и фашист откатился прочь. Однако двое других уже подоспели: каждый схватил Сашко за руку, и через секунду его вытащили на улицу. Третий встал и пошел сзади, держа Сашко за шиворот. Сашко почувствовал, что очутился в умелых руках, и ему стало немного не по себе.

— Отпустите меня сию минуту, — сказал он по-немецки.

Троица не обратила на его слова никакого внимания.

Тогда Сашко лягнул заднего. Задний застонал, выпустил воротник — Сашко завертелся, как уж на сковороде, высвободил уже одну руку... как вдруг ощутил на шее холодную сталь револьвера. Он замер на мгновение — его схватили за руку. Ощупали карманы и вытащили браунинг и документы.

«Плохо, — подумал Сашко, — это пахнет убийством и уничтожением документов. В конце концов, какое дело фашистам до гарантий соглашательского правительства. Убьют, и дело с концом. Плохо!»

Они отошли шагов на десять от крыльца. В этот момент к крыльцу подошли первые трое, но и не посмотрели на этих.

«Эге», — подумал Сашко.

— Пустите, — крикнул он во весь голос.

— Пустите, ... мать, — добавил он по-славянски.

Трое остановились. Один из них сорвался с места и подбежал к группе. Это был невысокий человек с белокурыми волосами.

— В чем дело? — спросил он коротко.

Фашисты тащили Сашко дальше.

— Алло, Март! — крикнул белокурый.

Подошел второй, за ним, оглядываясь, подбежал третий. Март и белокурый разбросали фашистов, как солому.

Сашко отобрал у одного из них свои и его документы и оружие, и все четверо направились к двери.

Раздался выстрел. Пуля звякнула о стену. Сашко запер дверь и по телефону портье вызвал полицию.

Но, когда появилось два шуцмана, фашистов уже не было. Сашко искренне поблагодарил троих спасителей — один из них был шоколадного цвета — и они ушли.

— Здорово! — ответил Лейн-младший.

— Что Гарри? — спросил старший.

— Гарри служит на сернокислотном! — ответил тот.

— Слушай, друг, — сказал старший. — Здесь вот какое дело. К заводу проводят трамвай, и твой дом будет на линии. Я хочу перенести сюда свою торговлю. Продай мне дом. Знаешь что, пойдем поговорим в пивной, там будет свободнее.

— И сколько ты дашь мне за дом? — спросил младший, когда они опрокинули по первой.

— Я даю тебе сто двадцать фунтов, — во столько отец оценил эту лачугу. Ты же понимаешь: ей нужен ремонт.

— Ладно, — сказал младший. — Я согласен.

Они пошли пешком к нотариусу, жившему на другом конце городка. Шли среди щедрых, зеленых садов.

— Здесь будет трамвай, — сказал старший.

— Что за трамвай будет — конный или паровой? — спросил младший.

— Электрический, — ответил серьезно второй.

— Вот скиснет теперь директор со своим автомобилем.

Из-под акациевых кустов выскочил заяц и поскакал по дороге. Какой-то паренек на старомодном велосипеде с большим передним колесом погнался за зайцем...

Лейн-старший, ощупывая в кармане купчую, шел в хорошем настроении домой. Он был неженат, и на него заглядывались все девушки городка — ведь на нем всегда был новенький костюм и штаны в клетку.

Он подошел к двери и постучался.

Вышла старуха и приподнялась на цыпочках к его уху.

— Там у вас какая-то девушка, – сказала она шепотом. Лейн-старший взволнованно кивнул и вошел в гостиную.

Она сидела в кресле, закрыв лицо руками. Он подошел поближе и отвел ее руки от лица. Перед ним была жена Лейна-младшего...

— Войдите! — крикнул Сашко.

В кабинет полномочного консула вошел огромный, похожий на слона старик.

— Вам чего?

— Дайте мне визу в Россию.

— Кто вы такой?

Слон вытащил засаленную, изорванную бумажку и расправил ее на столе.

— Это что такое? — спросил Сашко.

— Что? — документ. Вот, видите — Рудой-Руденко, он же Семенчук.

— Этого мало. Откуда вы приехали? Где вы жили?

— Приехал из Америки.

— Как вы приехали без документов?

— А с быками — загоняли быков на пароход, я с ними и пробрался.

— У-г-ум... А сошли как?

— С быками и сошел.

— Слушайте, сколько вам лет? Зачем вы так ездите?

— Эх, господин-товарищ, — жизнь так коротка, а мир так прекрасен, земля так богата и зелена.

Сашко был немного тронут.

— Слушайте, все-таки я вас в Украину не пущу. Нельзя.

— Ну, так я пойду пешком.

— Как же вы перейдете через границу?

— А как-нибудь перейдем. Нам не впервой!

— Ну, раз уж хотите идти, то я вам посоветую — не идите через Польшу, там опасно. Идите через Румынию.

— Спасибо вам, а все-таки, может, дали бы визу?

— Нет, — решительно ответил Сашко, чувствуя, что старый эпикуреец вот-вот добьется своего. — Прощайте.

— Будьте здоровы.

Семидесятилетний слон легким шагом вышел из комнаты. В дверях он столкнулся с господином в котелке. Господин подошел к столу, положил котелок на стол и сел, поддернув штанишки над джимми. Затем он быстро заговорил по-английски, кивая головой и показывая что-то пальцами. Во рту сверкали 32 золотых зуба. Положил перед Сашко два паспорта.

— Вы можете по-немецки или по-русски? — нервно спросил Сашко.

Американец будто не слышал и тарахтел дальше.

Сашко взял паспорта и внимательно рассмотрел их. Затем он отложил их в сторону. Американец продолжал тарахтеть. Сашко послушал его еще несколько минут. Потом сказал:

— Этих я в Украину не пущу.

— Почему? – спросил американец по-русски.

— Может, разрешите, я вам скажу, кто вы такой. Вы американец из Киевской губернии, прожили в Америке лет десять — служите агентом «Hoyd'a» и теперь хотите навязать нам двух психически больных. Да, психически больных, можете не возражать. Понятно, что в Америку они приехали, не будучи больными; теперь, когда американский капитал высосал из них все жилы, вы хотите отправить их обратно... Так вот, это дело не выгорит. Если они вам ни к чему, можете сделать из них шницель для Вильсона[1]. Вы меня поняли?

— Да.

Американец надел котелок и важно направился к двери. Перед дверью он остановился и сказал:

— Я жертвую вам 2000 в пользу голодающих.

— Вы жертвуете 20 долларов? — переспросил Сашко. — Налево кругом марш — шестая комната...

— Милая моя, бесценная! — сказал Лейн-старший.

---

[1] Имеется в виду политик, историк и политолог Вудро Вильсон (1856-1924), президент США в 1913-1921 гг.

Жена Лейна-младшего положила себе на плечи голые руки Лейна-старшего. Они лежали молча.

— Пора, — сказала она. — Скоро он вернется домой после ночной смены.

— Так ты не забудешь, что я говорил? — напомнил Лейн-старший.

– Не забуду, милый, — сказала она. — Мы будем счастливы. Он как-нибудь проживет с Гарри.

И она стала одеваться. Оделась и вышла из комнаты.

В кабинет Сашко в консульстве вошли трое. Третий шел сзади и оглядывался по сторонам. Он был шоколадного цвета и держал старшего из передних двоих за кончик рукава.

Сашко узнал своих спасителей.

— Откуда вы, товарищи? — спросил он.

— Я из Америки, — начал на ломаном французском языке старший.

— Он из Америки, — перевел на чистый украинский младший.

— Вы не знаете этого Рудого-Руденко, он же Семенчук? — спросил Сашко.

— Он уже здесь, ну и сволочь же! — сказал американец. — Такого бродяги мир еще не видел. Вы знаете, он ведь ежемесячно менял работу. То он моет золото в Клондайке, то товарищи из Техаса пишут через две недели, что он нанялся пасти быков. Только он и в Техасе не высидел. Там нужно ездить верхом, а он целый день спит. Вечером встает, стреляет корову и готовит себе на ужин говяжий язык. «Я, — говорит, — не могу жить без говяжьего языка на ужин». Прогнали его оттуда — он пошел к фермеру в степь. И месяца не прошло, как фермер его выгнал, потому что он и там начал бить коров ради языка.

— Теперь он хочет в Украину, — сказал Сашко.

— Не надо давать ему визу. Зачем нужен такой бродяга в голодной стране?

— Я и не дам! — сказал Сашко. — Показывайте ваши документы.

Мартин выложил свои бумаги, рассказал о Тони. Сашко

написал резолюцию. В эту минуту в комнату вбежал какой-то запыхавшийся человек и, ни на кого не глядя, бросился прямо к Мартину.

Лейн-младший проиграл дело в суде. Вот как это было. Судья вытащил из жилетного кармана пару яиц, облупил их и съел за буфетным прилавком. Потом он надел мантию и стал судить. Лейн-младший продал Лейну-старшему дом. Лейн-старший, купив дом, продал его металлургической компании в десять раз дороже. Кроме того, жена младшего отдала все деньги, которые тот получил за дом, старшему. Это было доказано. Следовательно, старший должен был вернуть деньги. Но он пришел на суд в парадной одежде, и все знали, в том числе и судья, что у него было теперь не менее двух с половиной — трех тысяч фунтов. Итак, он выиграл дело.

Когда судья произнес приговор, Лейн-младший кинулся на брата с ножом. Его схватили, он ранил кого-то, вырвался и побежал к двери.

Неизвестный подбежал к Мартину и сказал:

— Вы уже здесь — я ждал Эдит—– она не приехала.

Мартин вышел с ним из комнаты, за ними поплелся Тони, оглядываясь по сторонам.

Джемс вышел тоже. В кабинете остались только Сашко и Дюваль.

— Ваши документы, товарищ, — сказал Сашко.

Дюваль извлек засаленный древний билет члена партии КП(б)У.

— Где же вы были? — спросил Сашко. И Дюваль поведал ему всю историю.

Лейстон нашел Эдит, или, вернее сказать, Эдит нашла Лейстона. В гамбургском порту она увидела процессию. Впереди шел американец в котелке, а позади шаркали ногами два инвалида. Первым шел бывший миллиардер Мак-Лейстон, ныне психически больной, а за ним — кретин Сидней Лейстон.

Морган отослал их из Америки, чтобы не раздражать общественное мнение. Увидев Эдит, Сидней бросился к ней и стал умолять освободить его.

Она застыла, словно остолбенев.

— Вы знакомы с господами? — вежливо спросил американец.

Эдит не знала, что сказать. Христианская мораль говорила, что она должна заботиться о двух идиотах, дабы заслужить для себя царствие небесное. С другой стороны, работа с товарищами, путь в победное будущее... Американец видел, что она колеблется, и смотрел на Эдит, не сводя с нее глаз. На Эдит было дешевое платье фабричной работницы. От нее нельзя было ждать большой помощи.

— Да, знакома! —– сказала Эдит. — Может, вы помогли бы мне деньгами — я сейчас без работы. Вы, вероятно, им родственник или приятель?

— Деньги? — сказал американец. — Нет, денег у меня нет. Мне вот надо отправить этих двух господ в Советскую Россию.

— В Советскую Россию? Понятно. Так вы не можете дать мне полсотни долларов ради старого знакомства?

— К сожалению, нет! — сказал американец, вежливо попрощался и ушел со своими больными.

У Эдит сжалось сердце, когда она оторвала от себя руки кретина. Она отвернулась. Нет, брать его с собой нельзя; ей самой придется много поработать над собой, чтобы не быть обузой в голодной стране.

Она прошла несколько шагов. На закушенной губе выступила капля крови и потекла по подбородку.

Эдит посмотрела на часы: она пропустила поезд на Берлин...

Американец взял машину и успел на поезд. В вагоне он еще раз просмотрел бумаги Лейстонов.

Настоящая фамилия Мак-Лейстона была Лейн. У него был брат Мартин Лейн — так значилось в документах его отца. Жену его брата звали М. Лорен. В Америке он добавил к своей фамилии окончание — stone, опустив в начале букву «н». Среди бумаг Лейна или Лейстона был пакет с па-

спортом Лейна-младшего, рабочего сернокислотного завода. У Лейна-младшего, Мартина Лейна, был сын Гарри. Все они были ирландцами из Антрима.

Эдит, Дюваль, Мартин, Джемс и Тони встретились в Берлине. Они уже получили визы в Советскую Республику.

В общежитии на кровати лежал Дюваль. Тони сидел на полу. Эдит рассказывала, как она встретила своего отца и брата в Гамбурге.

— Знаете что? — сказал Дюваль. — Знаете что, Эдит? Вы до сих пор не знаете, какая у Мартина фамилия.

Мартин спал на соседней кровати. Он тяжело дышал, и с его уст срывалось какое-то полузвериное бормотание.

— Не знаю, —– сказала Эдит.

— Так вы и не знаете, что это перстень Мартина, — сказал Дюваль, разглядывая ее палец со старинным кольцом.

На перстне была вырезана буква «L».

— Мартина? Это перстень моего отца!

— Отец ваш получил этот перстень от своего брата, Мартина Лейна.

Эдит смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Гарри Руперт, изобретатель протеина, — это сын Мартина Лейна, ваш двоюродный брат.

И Дюваль во второй раз рассказал всю историю.

Все молча слушали рассказ о двух Лейнах: как Мартин бежал из Ирландии, как Лейстон разбогател, как маленький Гарри жил в детском приюте, как он эмигрировал в Америку. Джемс то и дело пожимал плечами.

Когда Дюваль закончил, Джемс помолчал и спросил:

— Вот, я вижу, ты все знаешь. Скажи, кому я прихожусь сыном, или отцом, или черт знает чем?

Дюваль не отвечал — он пристально рассматривал перстень на пальце Эдит, словно видел его впервые.

Ответил шоколадный Тони. Взяв Джемса за рукав, он сказал:

— Ты мой второй отец.

—————

Таким образом, читатель узнал теперь все, что хотел. Он уже догадался, что история с Лейнами в Антриме произошла двадцать лет с лишним назад, когда Гарри еще ползал по полу и устраивал в уголке сернокислотный завод.

В самом деле, могли бы сейчас хоть в самом глухом захолустье Ирландии ездить на таких велосипедах, если уже в 1900 году диаметр переднего колеса «Энфильда» только на сантиметр превышал диаметр заднего?

Читатель, может быть, хотел бы еще узнать, кто купил документы Камиллы после ее смерти и что произошло позже с Сашко и Дювалем.

На первый вопрос автор романа (или его авторы) чистосердечно отвечает:

— Не знаем!

Потому что, действительно, было бы чушью, если бы этими документами мог заинтересоваться, скажем, Дюваль. Зачем они ему? Какое ему дело до танцовщицы, к тому же не живой, а мертвой? Для чего ему могли понадобиться ее документы?

С Сашко автор этого романа (или его авторы) встретился в Харькове.

Сашко шел с каким-то белокурым, невысоким человеком.

— Ты куда идешь, Сашко? Простите, товарищ!

Товарищ отвернулся к витрине Государственного издательства и стал рассматривать какие-то книги.

— Куда иду? Дай сигарету. Иду вот в «Известия» с товарищем.

Товарищ повернулся лицом.

– Дюваль! — разнесся крик по всей улице Либкнехта. — Что вы здесь делаете? Нашли Рипса с рецептом?

— Не нашел! — мрачно ответил Дюваль. — Не нашел, потому что он бесследно исчез на Кубани. Рецепт пропал вместе с ним.

— Что же вы думаете делать?

— Вот, думаю взяться за химию. Гарри успел кое-что рассказать. Но я не смог записать, не зная химии. Возможно, я вспомню названия реактивов, когда изучу эту науку.

— А где другие — где Мартин, Эдит, Джемс, Тони?

— Мартин... — начал Дюваль, но в эту минуту лицо его побледнело, он пошатнулся и упал навзничь на тротуар.

Было солнечно и жарко. На улице поднялся ветерок, закрутил какие-то обрывки, смешал их с пылью и исчез за углом.

КОНЕЦ

ОБ АВТОРЕ

Прозаик, поэт, драматург, литературовед, переводчик и критик Майк Йогансен (настоящее имя — Михаил Гервасиевич Йоганссен) родился 16 (28) октября 1895 г. в Харькове в семье учителя немецкого языка Гервасия Андреевича (Генриховича) Йоганссена, остзейского немца; мать, Ганна Федоровна Крамаревская, была выпускницей женской гимназии в Харькове и происходила из старобельской казацкой семьи.

Йогансен окончил Третью харьковскую мужскую гимназию, где учился вместе с будущими знаменитостями — поэтами-футуристами Божидаром и Г. Петниковым и писателем-географом Ю. Платоновым. С 14 лет подрабатывал репетиторством. Еще в гимназии писал стихи на немецком и русском языках, но больше, похоже, интересовался футболом и математикой.

Поступив в Харьковский императорский университет, в 1917 г. защитил дипломную работу на тему «Ablativus absolutus и другие самостоятельные падежи в латинском и греческом языках» и получил степень магистра филологии (помимо классических, Йогансен владел немецким, французским, английским, славянскими и другими языками).

В 1918-1919 гг. начал писать на украинском языке и увлекся марксизмом. В годы Гражданской войны умерли его отец, брат и одна из сестер. Преподавал в Полтаве, с 1920 г. в Харькове (педагогическая профшкола им. Сковороды, Харьковский институт народного образования). Входил в коллегию художественного сектора Главполитпросвета, преподавал в школе художественного слова при клубе «Коммунист». Одновременно стал активным участником литературной жизни, начал публиковаться в газете *Вісті ВУЦВК,* журнале *Шляхи мистецтва,* альманахах *Жовтень, На сполох, Штабель.* В 1921 г. вышел первый сборник стихов «Д'горі».

В 1923 г. стал одним из основателей союза пролетарских писателей «Гарт» и вошел в центральное бюро организации. В 1924 г. выступил и как прозаик, опубликовав в периодике

ряд отрывков из романа «Пригоди Мак-Лейстона, Гаррі Руперта та інших». Роман и сборник рассказов «17 хвилин» вышли в 1925 г.; в том же году Йогансен в числе других литераторов покинул «Гарт» и основал Вольную академию пролетарской литературы (ВАПЛИТЕ). После вынужденной самоликвидации этой организации, подвергавшейся постоянным нападкам властей, основал «Техно-художественную группу А» (1928-1931), вместе с участниками группы издавал *Універсальний журнал*; также был инициатором создания альманаха *Літературний ярмарок* (1928-1930).

В 1928-1930 гг. Йогансен опубликовал по частям большое прозаическое произведение «Путешествие ученого доктора Леонардо и его будущей любовницы Альчесты в Слобожанскую Швейцарию». Несколько лет он оставался на положении «попутчика», но в 1934 г. вступил в Союз советских писателей Украины.

Перечислить все увлечения Йогансена достаточно трудно: он охотился, ездил на велосипеде, путешествовал (хотя и не заезжал дальше Дагестана и прикаспийских степей), хорошо играл в футбол, бильярд, шахматы и теннис, переводил на украинский Шеспира и Шиллера, Э. По, Р. Киплинга и Г. Уэллса, писал литературоведческие труды, выступил автором ревю «Алло на хвилі 477» для театра «Березиль» и соавтором сценария фильма А. Довженко «Звенигора» (правда, радикально переработанного режиссером); ко всему прочему, Йогансен считался большим мистификатором. Его творческое наследие включает девять книг поэзии и десять — прозы, шесть книг репортажей и путевых заметок и несколько книжек для детей.

В конце жизни Йогансен работал над тем, что называл «масштабным полотном», посвященным Харькову, однако его незаконченный автобиографический роман «Югурта» был конфискован НКВД при аресте поэта и писателя 18 августа 1937 г. Арестован Йогансен был в своей харьковской квартире (жил он в пользовавшемся недоброй славой кооперативном доме «Слово», где в 1930-е гг. были арестованы десятки украинских литераторов).

В. ВЕЦЕЛІУС

ПРИГОДИ

МАК-ЛЕЙСТОНА, ГАРРІ РУПЕРТА ТА ИНШИХ

27 октября 1937 г. Йогансен был расстрелян в Киеве по обвинению в участии в «антисоветской националистической организации, ставившей целью свержение Советской власти методами террора и вооруженного восстания». Посмертно реабилитирован в 1958 г.

*

Отрывки из романа «Приключения Мак-Лейстона, Гарри Руперта и других» изначально публиковались в 1924 г. под именем автора в литературно-художественном и научном приложении к газете *Вісті ВУЦВК* и журнале *Глобус*.

В 1925 г. роман был издан в 10 выпусках украинским Госиздатом (ДВУ) в оформлении В. Меллера; общий тираж составил 100,000 экз. В этой публикации Йогансен пошел на сложную мистификацию: автором был объявлен немецкий колонист Антон Райнке, выступавший под псевдонимом «Вилли Вецелиус»; роман Райнке-Вецелиуса был якобы переведен с немецкого неким «А. Г. Г.», тогда как автором предисловия и части последней главы был означен «М. К.» (очевидно, намек на один из псевдонимов Йогансена — «Михайло Крамар»).

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

SALAMANDRA P.V.V.